

ALMANACCO LETTERARIO

Conoscere Eurasia Edizioni

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Издательство «Познаём Евразию»

Банк Интеза – российский дочерний банк Группы Интеза Санпаоло (Италия). Интеза Санпаоло является одной из крупнейших банковских групп в еврозоне и абсолютным лидером рынка банковских услуг Италии.

В России Представительство Интеза Санпаоло действует уже более 40 лет. Группа обслуживает более половины внешнеторговых сделок между Россией и Италией. Кроме этого, участвует в финансировании крупных национальных и международных российских проектов.

Банк Интеза работает в 25 регионах России от Калининграда до Владивостока и предлагает полный спектр банковских услуг для малого и среднего бизнеса, частных и корпоративных клиентов.

В основе деятельности Банка Интеза и Группы Интеза Санпаоло лежат принципы социальной ответственности.

Банк Интеза и Группа Интеза Санпаоло поддерживают проекты в области культуры и искусства как в Италии, так и в России.

Генеральная лицензия Банка России № 2216
Интернет-сайт Банка Интеза – www.bancaintesa.ru

* * *

Banca Intesa è la sussidiaria russa del gruppo Intesa Sanpaolo (Italia), il maggior gruppo bancario in Italia e uno dei principali in Europa.

Il Gruppo è presente in Russia da oltre 40 anni e intermedia più della metà dell'interscambio italo-russo. Tra le sue attività anche quella del finanziamento dei grandi progetti russi sia nazionali che internazionali.

Banca Intesa è presente in 25 regioni della Russia da Kaliningrad a Vladivostok e offre una vasta gamma di prodotti e di servizi bancari altamente personalizzati per le piccole e medie imprese, le aziende e i clienti privati.

La responsabilità sociale è uno dei valori fondamentali di Banca Intesa e del Gruppo Intesa Sanpaolo, particolarmente attivi nella promozione di varie iniziative culturali in Italia e in Russia.

Licenza Bancaria della Banca di Russia № 2216
Sito Internet di Banca Intesa: www.bancaintesa.ru

Conoscere Eurasia Edizioni

VI

Издательство «Познаём Евразию»

Associazione Conoscere Eurasia

L'Associazione Conoscere Eurasia (www.conoscereeurasia.it), fondata e guidata da Antonio Fallico, è un'organizzazione non-profit, creata per sviluppare e rafforzare le relazioni economiche e commerciali e gli aspetti umanitari tra l'Italia e la Russia, nonché tra i Paesi dell'area eurasiatica.

Nel dicembre 2014 l'Associazione è diventata parte della Casa Russa in Verona, il nuovo centro che riunisce sotto un'unica dimora oltre all'Associazione anche il Consolato Onorario della Federazione Russa, il Centro Russkij Mir e il Centro visti VHS.

Nell'attività dell'Associazione rientrano l'organizzazione e lo svolgimento di una serie di eventi annuali in ambito sociale volti a rafforzare l'immagine positiva della Russia contemporanea e a consolidare il dialogo tra i due Paesi.

Ассоциация «Познаём Евразию»

Ассоциация «Познаём Евразию» (www.conoscereeurasia.it), созданная и возглавляемая Антонио Фаллико, – общественная некоммерческая организация, учрежденная для развития и укрепления экономических, торговых и гуманитарных связей между Италией и Россией, а также странами Евразийского региона.

В декабре 2014 года Ассоциация стала частью Русского дома в Вероне, объединившего в себе Почетное консульство России, Центр Русского мира и Визовый центр.

Одно из главных направлений деятельности Ассоциации – организация и проведение ежегодных общественных и культурных мероприятий для укрепления позитивного образа современной России, а также расширения диалога между нашими странами.

Литературный институт имени А.М. Горького

Литературный институт имени А.М. Горького – государственное учебное заведение, основанное в 1933 году по инициативе А.М. Горького. Современное название институт получил в 1936 году. С 1942 года приняты очная и заочная формы обучения. С 1953 года при институте действуют Высшие литературные курсы. В 1983 году институт награжден Орденом Дружбы народов. С 2014 года находится в ведении Министерства культуры Российской Федерации.

В настоящее время учебный процесс идет на двух факультетах: очном и заочном – по программам специалиста (квалификации «Литературный работник» и «Литературный работник, переводчик художественной литературы»). Система обучения в институте предусматривает изучение курсов гуманитарных и общественных дисциплин, занятия в творческих семинарах по родам и жанрам художественной литературы: проза, поэзия, драматургия, детская литература, литературная критика, очерк и публицистика, перевод художественной литературы. Институт ведет активную международную деятельность, контактируя со многими профильными зарубежными университетами.

Istituto Letterario A.M. Gor'kij

L'Istituto Letterario A.M. Gor'kij è un'istituzione universitaria statale che – fondata nel 1933 su iniziativa dello scrittore Maksim Gor'kij – ha preso l'attuale denominazione nel 1936. A partire dal 1942 è stato introdotto l'insegnamento in sede e quello a distanza. Dal 1953 sono stati attivati i Corsi Superiori di Letteratura. Nel 1983 l'Istituto è stato insignito dell'Ordine dell'Amicizia tra i Popoli. Dal 2014 è passato sotto il Ministero della Cultura della Federazione Russa.

Attualmente il percorso di studi si avvale di due facoltà, in sede e a distanza, secondo un programma di laurea specialistica con indirizzi “Letteratura” e “Letteratura e traduzione letteraria”. Il sistema d'insegnamento dell'Istituto prevede corsi di ambito umanistico e sociale, nonché seminari dedicati a vari generi letterari: prosa, poesia, drammaturgia, letteratura per l'infanzia, critica letteraria, saggistica e pubblicistica, traduzione letteraria. L'Istituto partecipa attivamente a progetti internazionali, e ha contatti con molte qualificate università straniere.

Direttore editoriale e letterario
Flavio Ermini

Progettazione e cura grafica
Cierre Grafica

Per i singoli racconti © Autori
Per le traduzioni © Traduttori
Per l'Edizione © 2015 Associazione Conoscere Eurasia

Via dell'Artigliere 11, 37129 Verona, Italia
info@conoscereeurasia.it
www.conoscereeurasia.it

Главный редактор
Флавио Эрмини

Разработка проекта и графическое оформление
Чиэрре Графика

© на рассказы принадлежат авторам произведений
© на переводы принадлежат переводчикам
© 2015 данного издания принадлежат Ассоциации «Познаём Евразию»

31729 Италия, Верона, виа дель Артильере, 11
info@conoscereeurasia.it
www.conoscereeurasia.it

ALMANACCO LETTERARIO

Conoscere Eurasia Edizioni

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Издательство «Познаём Евразию»

Antonio Fallico

Presidente dell'Associazione Conoscere Eurasia

La sesta edizione del Premio Raduga ha registrato la partecipazione di circa cinquecento scrittrici e scrittori, generalmente giovanissimi, provenienti dalle varie regioni italiane e russe. I loro racconti, pur essendo radicati in ambienti diversi, sono contraddistinti dal rifiuto dell'ipocrisia e dei compromessi, e dall'esigenza di vivere in una società fondata su valori umani autentici.

I racconti, poi, pubblicati in questo *Almanacco* spiccano per l'acuta sensibilità degli autori, che mostrano anche forte personalità con una scrittura accattivante, essenziale e, talvolta, ironica o autoironica. È l'espressione della loro individualità e creatività, l'anelito verso orizzonti nuovi, a cui non può e non deve mancare il nostro sostegno.

A handwritten signature in black ink, which appears to read 'Fallico'. The signature is written in a cursive, flowing style.

Антонио Фаллико
Президент Ассоциации «Познаём Евразию»

В конкурсе на присуждение литературной премии «Радуга», который в этом году проводится уже в шестой раз, приняли участие около пятисот молодых писателей и писательниц из разных областей Италии и России. Хотя их рассказы «родились» в разной среде, их объединяет нежелание авторов мириться с лицемерием и компромиссами, а также стремление жить в обществе, основанном на подлинных человеческих ценностях.

Собранные в Альманахе истории отличаются невероятной проникновенностью. Благодаря выразительному, лаконичному, порой полному иронии и самоиронии стилю, рассказы в полной мере отражают яркие личности молодых писателей. Тем самым авторы выражают свою индивидуальность и творческое начало, неутомимое стремление к новым горизонтам, которое мы должны и будем поддерживать.

Борис Тарасов

Профессор Литературного института имени А.М. Горького,
Заведующий кафедрой зарубежной литературы

Шесть лет назад Литературный институт имени А.М. Горького с благодарностью принял предложение итальянской ассоциации «Познаём Евразию» учредить совместную российско-итальянскую премию «Радуга». Столь необходимое само по себе начинание в то же время целиком отвечает задачам деятельности нашего института. Присуждение такой ежегодной премии – особое и перспективное событие в литературной жизни России и Италии. Оно нацелено на поощрение творческой молодежи, открытие новых имен в литературе, знакомство читателей с их произведениями. Российско-итальянская премия «Радуга» вносит свой вклад и в укрепление культурных связей между нашими народами, сохранение подлинного творчества в эпоху деградации истинных художественных ценностей и господства массового искусства.

В прошлом году премия «Радуга» встретила пятилетний юбилей, вступив в следующую фазу своей успешно складывающейся истории и обретая возрастающую популярность. Как отмечалось ранее, образовалась значительная группа больших и малых городов России, целых областей и республик, из которых конкурсные работы приходят постоянно и в немалом количестве. Причем в произведениях ряда претендентов, которые настойчиво штурмуют премиальные высоты, раз от разу наблюдается несомненный прогресс. Шестой конкурс свидетельствует о появлении на географической карте «Радуги» все новых и новых литературных точек. Так называемая провинциальная Россия не оскудевает талантами. И примечательно, что первая пятерка представляет Ленинградскую и Московскую области, а также Ульяновск и Кемерово.

Boris Tarasov

Professore ordinario dell'Istituto Letterario A.M. Gor'kij
Direttore del dipartimento di Letteratura straniera

Sei anni fa l'Istituto Letterario A.M. Gor'kij ha accettato con gratitudine la proposta dell'Associazione italiana Conoscere Eurasia di costituire il premio congiunto italo-russo Raduga. Si tratta di un'iniziativa tanto necessaria quanto, nel contempo, rispondente appieno agli obiettivi delle attività del nostro Istituto. Il conferimento di questo premio annuale è un evento speciale e promettente nella vita letteraria della Russia e dell'Italia. Ha l'obiettivo di valorizzare i giovani creativi, scoprire nuovi nomi della letteratura, far conoscere ai lettori i loro lavori. Il premio italo-russo Raduga contribuisce a rafforzare i legami culturali tra i nostri popoli, preservando l'autentica creatività in un'epoca di degrado dei veri valori artistici e di dominio dell'arte di massa.

Nel 2014 il Premio Raduga ha celebrato il suo quinto anniversario, entrando in una fase nuova della sua storia fatta di successi, e acquistando una crescente popolarità. Come rilevato in precedenza, è diventato considerevole il numero di piccole e grandi città della Russia, di intere regioni e repubbliche, dalle quali giungono costantemente e in apprezzabile quantità i lavori in concorso. Inoltre, nelle opere di un certo numero di concorrenti che scalano con perseveranza le altezze del premio, di volta in volta si osserva un indubbio progresso. La sesta edizione conferma, sulla carta geografica del Premio Raduga, la comparsa di altri nuovi punti letterari. La cosiddetta Russia "di provincia" non è povera di talenti. È significativo il fatto che nella cinquina finalista siano rappresentate le regioni di Leningrado e di Mosca, nonché Ul'janovsk e Kemerovo. Una delle particolarità distintive del concorso è stata l'elevata attenzione degli scrittori esordienti per le questioni sociali, i problemi della gente comune della

Одной из отличительных особенностей завершившегося конкурса стало повышенное внимание начинающих литераторов к социальным вопросам, к проблемам простых людей старшего поколения, семейных взаимоотношений, «отцов» и «детей». Тем самым они стремятся как бы восстановить распавшуюся связь времен, непредвзято осознать себя и определить свое место в сложных перипетиях современной жизни. История «Радуги» продолжается. Пожелаем номинантам и победителям, а также участникам будущих конкурсов новых творческих успехов.

A handwritten signature in black ink, consisting of stylized, cursive letters that appear to be 'В.С.' or similar initials.

vecchia generazione, i rapporti familiari, il tema dei “padri” e dei “figli”. Essi cercano così di ristabilire un legame che si è deteriorato nel tempo, per rendersi con imparzialità e stabilire il proprio posto nelle complesse vicissitudini della vita contemporanea.

La storia del Premio Raduga continua. Auguriamo ai candidati e ai vincitori, così come ai partecipanti alle future edizioni, nuovi successi creativi.

A handwritten signature in black ink, consisting of stylized, cursive letters that appear to be 'B' and 'R'.

Raduga

Premio letterario italo-russo per giovani narratori e traduttori

Il Premio Raduga, giunto quest'anno alla sesta edizione, è un'iniziativa dedicata alla promozione di giovani narratori e traduttori, sia russi sia italiani. Nasce dalla convinzione che vi sia sempre più bisogno di autori che – aprendosi alle mobili ed emozionanti strutture del racconto – si pongano in sintonia con il futuro. In tale ottica, il Premio vuole mettere in luce particolarmente quegli scrittori nelle cui narrazioni sia avvertibile il desiderio di libertà.

Il Premio si rivolge in modo particolare a quelle giovani voci che – attraverso una forma narrativa caratterizzata dalla consapevolezza stilistica – giungono a farsi interpreti della complessità e delle inquietudini dei nostri tempi.

Il Premio, nato con l'intento di rafforzare i rapporti culturali italo-russi, è sostenuto criticamente da due giurie formate da note personalità della letteratura italiana e russa. L'intento è far sì che i giovani letterati più meritevoli – siano essi narratori o traduttori – possano entrare in contatto con i settori intellettualmente più vivaci del mondo letterario.

Il Premio garantisce, oltre a un riconoscimento economico, la pubblicazione delle migliori opere in un prestigioso volume antologico bilingue: *Almanacco letterario*, edito dall'Associazione Conoscere Eurasia. Tutti i lavori sono pubblicati con traduzione a fronte – a opera di giovani traduttori russi e italiani – e sono seguiti da una riflessione critica e da una nota biografica.

«Радуга»

Итальянско–российская литературная премия для молодых писателей и переводчиков

Главная задача премии «Радуга», которая в этом году проводится в шестой раз, – поддержать молодых прозаиков и переводчиков в Италии и в России. Мы убеждены, что сегодня остро ощущается потребность в писателях, работающих в емком и гибком жанре рассказа, способных проложить дорогу в будущее. Вот почему организаторы премии уделяют особое внимание авторам, произведения которых проникнуты стремлением к свободе.

В первую очередь премия создавалась для молодых писателей, отражающих в своем творчестве все сложности и тревоги нашего времени, находящих для этого стилистически точную форму.

У премии, создававшейся для укрепления российско–итальянских литературных связей, два национальных жюри – итальянское и русское. Мы стремимся открыть дорогу в мир большой литературы самым достойным молодым писателям и переводчикам.

Помимо денежного вознаграждения участники конкурса получают возможность опубликовать свои произведения в престижном двуязычном Литературном альманахе. Под его обложкой собраны рассказы финалистов (в оригинале и в переводе, выполненном молодыми итальянскими и российскими переводчиками), а также короткие рецензии на рассказы и биографические сведения об авторах и переводчиках.

Albo d'oro del Premio Raduga

Prima edizione, 2010. Almanacco letterario 1

Giovani narratori italiani

Silvia Banterle, traduzione in russo di Marina Kozlova
Gabriele Belletti, traduzione in russo di Ol'ga Pozdneeva
Massimiliano Maestrello, traduzione in russo di Marija Sudilovskaja
Andrea Paolo Massara, traduzione in russo di Dar'ja Belokrylova
Paolo Valentino, traduzione in russo di Anastasija Golubcova

Giovani narratori russi

Ljudmila Eremeeva, traduzione in italiano di Francesca Lazzarin
Sergej Kubrin, traduzione in italiano di Maria Isola
Anna Ostrouchova, traduzione in italiano di Giulia Zangoli
Anna Remez, traduzione in italiano di Cinzia Benedetti
Bulgun Ćimidova, traduzione in italiano di Alessia Cadeddu

Giovani narratori dell'anno: Massimiliano Maestrello e Sergej Kubrin

Giovani traduttori dell'anno: Giulia Zangoli e Ol'ga Pozdneeva

Seconda edizione, 2011. Almanacco letterario 2

Giovani narratori italiani

Alice Malerba, traduzione in russo di Jana Kidenko
Alessandro Metlica, traduzione in russo di Anastasija Golubcova
Leandro Miglio, traduzione in russo di Anna Fedorova
Fabio Mineo, traduzione in russo di Irina Artamonova
Daniele Tommasi, traduzione in russo di Marina Kozlova

Giovani narratori russi

Andrej Antipin, traduzione in italiano di Maria Isola

Победители и финалисты Премии «Радуга»

Литературный альманах 1 – 2010 год

Российские финалисты

Людмила Еремеева, перевод на итальянский язык Франчески Ладзарин
Сергей Кубрин, перевод на итальянский язык Марии Изолы
Анна Остроухова, перевод на итальянский язык Джулии Дзанголи
Анна Ремез, перевод на итальянский язык Чинции Бенедетти
Булгун Чимидова, перевод на итальянский язык Алессии Кадедду

Итальянские финалисты

Сильвия Бантерле, перевод на русский язык Марины Козловой
Габриэле Беллетти, перевод на русский язык Ольги Позднеевой
Массимилиано Маэстрелло, перевод на русский язык Марии Судиловской
Андреа Паоло Массара, перевод на русский язык Дарьи Белокрыловой
Паоло Валентино, перевод на русский язык Анастасии Голубцовой

Победители в номинации «Молодой автор»: Сергей Кубрин и Массимилиано Маэстрелло

Победители в номинации «Молодой переводчик»: Ольга Позднеева и Джулия Дзанголи

Литературный альманах 2 – 2011 год

Российские финалисты

Андрей Антипин, перевод на итальянский язык Марии Изолы
Наталья Николашина, перевод на итальянский язык Аличе Гизи
Дмитрий Фалеев, перевод на итальянский язык Мануэля Боскьеро
Алёна Чурбанова, перевод на итальянский язык Марии Гатти Раках
Сергей Шаргунов, перевод на итальянский язык Линды Торрезин

Итальянские финалисты

Аличе Малерба, перевод на русский язык Яны Киденко

Natal'ja Nikolašina, traduzione in italiano di Alice Ghisi
Dmitrij Faleev, traduzione in italiano di Manuel Boschiero
Alëna Ćurbanova, traduzione in italiano di Maria Gatti Racah
Sergej Šargunov, traduzione in italiano di Linda Torresin

Giovani narratori dell'anno: Alessandro Metlica e Sergej Šargunov

Giovani traduttori dell'anno: Maria Gatti Racah e Marina Kozlova

Terza edizione, 2012. Almanacco letterario 3

Giovani narratori italiani

Paola Manuela Battaglia, traduzione in russo di Anna Fedorova
Guido Del Duca, traduzione in russo di Anastasija Golubcova
Federica Di Rosa, traduzione in russo di Marija Sudilovskaja
Olga Paltrinieri, traduzione in russo di Tat'jana Bystrova
Silvia Valentini, traduzione in russo di Anastasija Klepikova

Giovani narratori russi

Ekaterina Brjučhova, traduzione in italiano di Linda Torresin
Jurij Lunin, traduzione in italiano di Alessandro Bonomelli
Dmitrij Nikitin, traduzione in italiano di Simona Nicoli
Ksenija Romanova, traduzione in italiano di Giorgia Pomarolli
Èl'vira Farnieva, traduzione in italiano di Alessandra Fiandra

Giovani narratori dell'anno: Federica Di Rosa e Jurij Lunin

Giovani traduttori dell'anno: Giorgia Pomarolli e Tat'jana Bystrova

Quarta edizione, 2013. Almanacco letterario 4

Giovani narratori italiani

Nicola Carboni, traduzione in russo di Marija Volodina
Fabio Chiriatti, traduzione in russo di Valentina Kučerovskaja-Marcevaja
Michele Grignaffini, traduzione in russo di Anna Lentovskaja

Алессандро Метлика, перевод на русский язык Анастасии Голубцовой
Леандро Мильо, перевод на русский язык Анны Федоровой
фабио Минео, перевод на русский язык Ирины Артамоновой
Даниеле Томмази, перевод на русский язык Марины Козловой

Победители в номинации «Молодой автор»: Сергей Шаргунов и Алессандро Метлика
Победители в номинации «Молодой переводчик»: Марина Козлова и Мария Гатти Раках

Литературный альманах 3 – 2012 год

Российские финалисты

Екатерина Брюхова, перевод на итальянский язык Линды Торрезин
Юрий Лунин, перевод на итальянский язык Алессандро Бономелли
Дмитрий Никитин, перевод на итальянский язык Симоны Николи
Ксения Романова, перевод на итальянский язык Джорджии Помароли
Эльвира Фарниева, перевод на итальянский язык Алесандры Фьяндыры

Итальянские финалисты

Паола Мануэла Батталья, перевод на русский язык Анны Федоровой
Гвидо Дель Дука, перевод на русский язык Анастасии Голубцовой
Федерика Ди Роза, перевод на русский язык Марии Судиловской
Ольга Пальтриньери, перевод на русский язык Татьяны Быстровой
Сильвия Валентини, перевод на русский язык Анастасии Клепиковой

Победители в номинации «Молодой автор»: Юрий Лунин и Федерика Ди Роза
Победители в номинации «Молодой переводчик»: Татьяна Быстрова и Джорджия Помаролли

Литературный альманах 4 – 2013 год

Российские финалисты

Диана Богуславская, перевод на итальянский язык Амедео Пальяроли
Илья Луданов, перевод на итальянский язык Элизабетты Спедиацчи
Дмитрий Романов, перевод на итальянский язык Франческо Биго

Marta Manfioletti, traduzione in russo di Ivan Semënov
Sabrina Sansalone, traduzione in russo di Zinaida Ložkina

Giovani narratori russi

Diana Boguslavskaja, traduzione in italiano di Amedeo Pagliaroli
Il'ja Ludanov, traduzione in italiano di Elisabetta Spediacci
Dmitrij Romanov, traduzione in italiano di Francesco Bigo
Elena Tarchanova, traduzione in italiano di Alessandra Moretti
Dmitrij Filippov, traduzione in italiano di Maria Rosaria Carrozzo

Giovani narratori dell'anno: Fabio Chiriatti ed Elena Tarchanova

Giovani traduttori dell'anno: Elisabetta Spediacci e Valentina Kučerovskaja-Marcevaja

Quinta edizione, 2014. Almanacco letterario 5

Giovani narratori italiani

Gianluca Boroni, traduzione in russo di Diljara Tuiševa
Giovanni Duminuco, traduzione in russo di Ksenija Timenčik
Gianluca Lattuada, traduzione in russo di Anna Kabanova
Cristina Ottelli, traduzione in russo di Julija Galatenko
Livio Santoro, traduzione in russo di Ol'ga Vitkovskaja

Giovani narratori russi

Elena Ljašenko, traduzione in italiano di Chiara Rampazzo
Amalija Mokrušina, traduzione in italiano di Liliana Scala
Sergej Samsonov, traduzione in italiano di Giacomo Foni
Margarita Určeva, traduzione in italiano di Francesca Scandurra
Dmitrij Filippov, traduzione in italiano di Niccolò Galmarini

Giovani narratori dell'anno: Gianluca Boroni e Sergej Samsonov

Giovani traduttori dell'anno: Liliana Scala e Ksenija Timenčik

Елена Тарханова, перевод на итальянский язык Алессандры Моретти
Дмитрий Филиппов, перевод на итальянский язык Марии Розарии Карроццо

Итальянские финалисты

Никола Карбони, перевод на русский язык Марии Володиной
Фабио Кирьятти, перевод на русский язык Валентины Кучеровской–Марцевой
Микеле Гриньяффини, перевод на русский язык Анны Лентовской
Марта Манфьолетти, перевод на русский язык Ивана Семёнова
Сабрина Сансалоне, перевод на русский язык Зинаиды Ложкиной

Победители в номинации «Молодой автор»: Елена Тарханова и Фабио Кирьятти

Победители в номинации «Молодой переводчик»: Валентина Кучеровская–Марцевая и
Элизабетта Спедиаччи

Литературный альманах 5 – 2014 год

Российские финалисты

Елена Ляшенко, перевод на итальянский язык Кьяры Рампаццо
Амалия Мокрушина, перевод на итальянский язык Лилианы Скалы
Сергей Самсонов, перевод на итальянский язык Джакомо Фони
Маргарита Урчева, перевод на итальянский язык Франчески Скандурры
Дмитрий Филиппов, перевод на итальянский язык Никколо Гальмарини

Итальянские финалисты

Джанлука Борони, перевод на русский язык Диляры Туишевой
Джованни Думинуко, перевод на русский язык Ксении Тименчик
Джанлука Латтуада, перевод на русский язык Анны Кабановой
Кристина Оттелли, перевод на русский язык Юлии Галатенко
Ливио Санторо, перевод на русский язык Ольги Витковской

Победители в номинации «Молодой автор»: Сергей Самсонов и Джанлука Борони

Победители в номинации «Молодой переводчик»: Ксения Тименчик и Лилиана Скала

Giuria italiana
Итальянское жюри

Luca Doninelli nasce a Leno (Brescia) nel 1956. Nel 1978 conosce Giovanni Testori, suo maestro. Tra le sue opere narrative: *Le decorose memorie* (1995), *Talk show* (1996), *La nuova era* (1999), *Tornavamo dal mare* (2004), *La polvere di Allah* (2006), *Fa' che questa strada non finisca mai* (2014). Tra i saggi: *Il crollo delle aspettative* (2005), *Cattedrali* (2011) e *Salviamo Firenze* (2012).

Лука Донинелли, родился в 1956 г. в Лено (Брешиа). В 1978 г. познакомился со своим будущим учителем Джованни Тестори. Пишет художественную прозу («Достойные воспоминания» (1995), «Ток-шоу» (1996), «Новая эра» (1999), «Мы возвращались с моря» (2004), «Пыль Аллаха» (2006), «Путь эта дорога не кончается» (2014)) и эссеистику («Крушение надежд» (2005), «Соборы» (2011), «Спасем Флоренцию» (2012)).

Flavio Ermini (Verona, 1947), poeta e saggista, è autore di numerosi volumi in Italia e in Francia. Dirige la rivista letteraria “Anterem”. Fa parte del comitato scientifico di “Osiris” (Università di Deerfield, Massachusetts) e degli “Amici della Scala” di Milano. Dirige la collana di filosofia “Narrazioni della conoscenza” (Moretti&Vitali).

Флавио Эрмини (Верона, 1947), поэт и литературный критик, опубликовал ряд книг в Италии и во Франции. Редактор литературного журнала «Антерем». Член научного комитета «Осирис» (Университет г. Дирфилд, Массачусетс) и общества «Друзья Ла Скала» (Милан). Составитель серии книг по философии «Рассказы о познании» издательства «Моретти&Витали».

Inge Feltrinelli (Essen, 1930), presidente della Giuria italiana, presidente della Giangiacomo Feltrinelli Editore, presidente onorario delle oltre 100 Librerie Feltrinelli. Vicepresidente della holding finanziaria EFFE. È stata nominata Cavaliere dell'Ordine al merito della Repubblica Italiana e della Repubblica Federale di Germania. Commandeur dans l'Ordre des Arts et des Lettres nella Cultura francese. È membro dell'Accademia Europea di Yuste (seggio "Clara Zetkin").

Инге Фельтринелли (Эссен, 1930), председатель итальянского жюри. Президент издательства «Джанджакомо Фельтринелли», почетный президент свыше 100 книжных магазинов «Фельтринелли», вице-президент холдинга «Эффе». Кавалер орденов «За заслуги перед Итальянской республикой» и «За заслуги перед Федеративной республикой Германия», командор «Ордена искусств и литературы» (Франция). Член Европейской академии Юсте (кресло Клары Цеткин).

Maria Pia Pagani (Pavia, 1975), docente dell'Università di Pavia, è autrice di libri e saggi scientifici sul teatro russo e i suoi legami con la cultura spirituale ortodossa. Vincitrice del Premio Giovani Ricercatori in ricordo di Maria Corti (2003), del Premio Cesare Angelini (2004), del Premio Foyer des Artistes (2006) e altri. È la traduttrice italiana di Michail Berman-Cikinovskij.

Мария Пиа Пагани (Павия, 1975), преподаватель Университета г. Павия, автор книг и научных статей о русском театре и его связи с духовной православной культурой. Лауреат Премии для молодых ученых им. Марии Корти (2003), Премии им. Чезаре Анджелини (2004) и ряда других. Итальянская переводчица Михаила Бермана-Цикиновского.

Stefania Pavan (Rovigo, 1948), professore di Letteratura russa all'Università di Firenze sino all'ottobre 2012, è a tutt'oggi coinvolta in iniziative culturali ed editoriali, legate alla Russia. È autrice di traduzioni, saggi e monografie, tra cui quelle dedicate a Vladimir Nabokov, Andrej Sinjavskij, Iosif Brodskij e Michail Osorgin. Nel 2014 ha curato la traduzione delle *Lettere di un viaggiatore russo* di Nikolaj Karamzin.

Стефания Паван (Ровиго, 1948), до октября 2012 г. преподавала русскую литературу во Флорентинском университете, в настоящее время продолжает активно участвовать в связанных с Россией культурных и издательских проектах. Переводчик, автор статей и книг о творчестве Владимира Набокова, Андрея Синявского, Иосифа Бродского, Михаила Осоргина и др. В 2014 г. под ее редакцией был переиздан итальянский перевод «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина, принадлежащий М. Олсуфьевой.

Sergio Pescatori (Venezia, 1941), professore a contratto di Lingua e letteratura russa dell'Università di Verona. Ha lavorato in varie università italiane. Si è occupato di linguistica, di traduzione, di letteratura. Ha curato un volume su Brodskij (Atti del Convegno di Venezia, 2000) e uno sullo studio del russo in Europa (Convegno di Verona, 2005).

Серджо Пескатори (Венеция, 1941), преподает на Факультете иностранных языков и литератур Университета г. Вероны. Преподавал русский язык и литературу в различных итальянских университетах. В круг его интересов входят языкознание, литература, теория перевода. Под его редакцией вышли материалы конференций о Иосифе Бродском (Венеция, 2000 год) и о русском языке в Европе (Верона, 2005 год).

Российское жюри
Giuria russa

Алексей Николаевич Варламов, писатель, филолог. Доктор филологических наук, профессор, и.о. ректора Литературного института имени А.М. Горького, профессор МГУ имени М.В. Ломоносова. Лауреат Премии Александра Солженицына, Премии «Большая книга» и ряда других. Член Совета по культуре при Президенте РФ. Главный редактор журнала «Литературная учеба».

Aleksej Nikolaevič Varlamov, scrittore e filologo. Professore ordinario, docente dell'Università Statale di Mosca M.V. Lomonosov, rettore *ad interim* dell'Istituto Letterario A.M. Gor'kij. Ha ricevuto il Premio Aleksandr Solženicyn, il Premio Bol'saja Kniga e altri. Membro del Consiglio per la Cultura presso il Presidente della Federazione Russa. Direttore della rivista "Literaturnaja učeba".

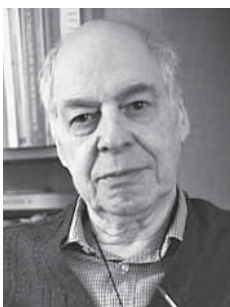
Нина Сергеевна Литвинец, издатель, литературовед, переводчик. Кандидат филологических наук. Программный директор Института перевода, член Наблюдательного совета. Заслуженный работник культуры РФ. В последнее время выступает также как прозаик. Публиковала рассказы в журналах «Октябрь» и «Знамя». Книга для детей «Меня зовут Аглая» опубликована в издательстве «Время» в 2013 г.

Nina Sergeevna Litvinec, editore, critico letterario e traduttrice. Direttore programmatico dell'Istituto della Traduzione e membro del suo Comitato direttivo. Lavoratore Emerito della Cultura della Federazione Russa. Di recente ha cominciato a occuparsi di narrativa e ha pubblicato racconti nelle riviste letterarie "Oktjabr" e "Znamja". Nel 2013 è uscito presso la casa editrice Vremja il suo libro per bambini *Mi chiamo Aglaja*.

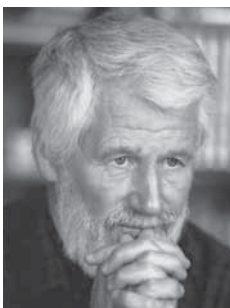
Елена Леонидовна Пастернак, лингвист, переводчик. Доктор филологических наук, доцент филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Президент фонда имени Б.Л. Пастернака.

Elena Leonidovna Pasternak, linguista e traduttrice. Professore ordinario della Facoltà di Filologia presso l'Università Statale di Mosca M.V. Lomonosov. Presidente della Fondazione Boris Pasternak.

Евгений Михайлович Солонович, поэт, переводчик. Профессор Литературного института имени А.М. Горького, почетный профессор Сиенского университета, почетный доктор Римского университета «Сапиенца». Лауреат премии «Мастер» Союза «Мастера литературного перевода», Государственной премии Италии в области художественного перевода, премии Монтале, премии Монделло и ряда других российских и итальянских премий.

Evgenij Michajlovič Solonovič, poeta e traduttore. Professore ordinario dell'Istituto Letterario A.M. Gor'kij. Laurea *honoris causa* dell'Università di Siena, dottorato *honoris causa* dell'Università La Sapienza di Roma. Ha ricevuto il Premio Master dell'Unione dei maestri della traduzione letteraria, il Premio Nazionale per la traduzione (Italia), il Premio Montale, il Premio Mondello e altri riconoscimenti sia russi che italiani.

Борис Николаевич Тарасов, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной литературы, ректор Литературного института имени А.М. Горького (2006 – 2014). Заслуженный деятель науки РФ, академик Международной академии наук (Инсбрук). Лауреат Бунинской премии, Премии имени Ф.М. Достоевского, Премии Правительства Российской Федерации и ряда других.

Boris Nikolaevič Tarasov, professore ordinario, direttore del dipartimento di letteratura straniera, rettore dell'Istituto Letterario A.M. Gor'kij (2006-2014). Scienziato emerito della Federazione Russa, membro dell'Accademia Internazionale delle Scienze (Innsbruck, Austria). Ha ricevuto il Premio Bunin, il Premio Dostoevskij, il Premio del Governo della Federazione Russa e altri.

Анна Владиславовна Ямпольская, переводчик, филолог. Кандидат филологических наук, PhD (Università di Firenze). Доцент Литературного института имени А.М. Горького. Удостоена Серебряного гонфалона области Тоскана за исследования по итальянистике и Премии имени Н. В. Гоголя в Италии за перевод. Совместно с М. Динелли опубликовала книгу рассказов «Ленин. От «Правды» к «Прада»» (Милан, 2008).

Anna Vladislavovna Jampol'skaja, traduttrice, filologa. Professore associato di Lingua e letteratura italiana all'Istituto Letterario A.M. Gor'kij. Ha ricevuto il Gonfalone d'argento della Regione Toscana per le sue ricerche di Italianistica e il Premio N.V. Gogol' in Italia per la traduzione. In collaborazione con M. Dinelli ha pubblicato il volume di racconti *Lenin. Dalla Pravda a Prada: storie di una rivoluzione* (Milano, TEA, 2008).

GIOVANI NARRATORI ITALIANI
МОЛОДЫЕ ИТАЛЬЯНСКИЕ ПИСАТЕЛИ

Jennifer Bertasini	Дженнифер Бертазини
Chiara Paraggio	Кьяра Параджо
Eleonora Recalcati	Элеонора Рекалькати
Ambra Simeone	Амбра Симеоне
Noemi Turino	Нозми Турино

Jennifer Bertasini

Traduzione in russo di Marina Kuličichina

Дженнифер Бертазини

Перевод на русский язык Марины Куличихиной

IL CIRCO(LO) DEGLI INGANNI

Aprile 1946. Sei giorni dal molo di Livorno

Partite alla volta dell'*America*. Angelica e io. Mia cugina balla serena sulle assi di legno della nave, tra rotoli di corde marce, sentore di alghe e canti d'infima cambusa. Scalza e fiera, scuote la chioma riccia, ondeggiante, in danze sconclusionate e tribali. Menade folle nel tramonto, sorride a se stessa, non registrando nessuno. Ogni presenza le è estranea. Al pari del volto di chi ci attende.

Plenilunio. Gocce d'argento sul mare

Le nostre madri piansero, quando ci avviammo all'imbarco. Quella d'Angelica svenne, ma *lei* non si voltò. Continuò a farsi strada tra disperati e signori, lasciandosi dietro il Passato. Mia cugina, libera e orgogliosa, fiera della sua indipendenza. Non ha mai avvertito la mancanza di nessuno: le persone possono essere interessanti, ma nessuno è indispensabile; individui intercambiabili in un'esistenza da zingara. Mi chiedo se questa sua libertà sia stata alla radice dell'ultimatum di mia zia: "O ti mariti, o te ne vai in clausura", sfidò Angelica nell'aia, tra galline becchettanti nel vento del crepuscolo. Angelica, accosciata sul gradino della porta d'ingresso, scalcìò la ghiaia contro un pollo, facendo spallucce. "Castità e povertà le potrei anche tollerare", valutò, agguantando il pollo per un'ala. "Ma il voto d'obbedienza, mai!", e torse il collo all'animale. In un turbinio di vesti da contadina, s'alzò regalmente voltando le spalle a sua madre, rientrando in casa.

Luna nuova. Foto bagnate per Poseidone

Fu *lei* a organizzare lo sposalizio per procura, ritagliando annunci da fogli di giornale vecchio, tra campi devastati dalla guerra. "Non sarei rimasta comunque", fu l'unico commento. "Se me ne devo andare, tanto vale pensare in grande". E scelse, tra gli an-

ЧЕ-РЕ-ХАР ДА ОБМАНОВ

Апрель 1946. На шестой день после отправления из Ливорно

Мы плывем в Америку. Анджелика и я. Моя кузина безмятежно танцует на корабельных досках, среди свернутых гнилых снастей и запаха водорослей, под доносящиеся с камбуза незамысловатые песенки. Босая и гордая, она трясет густой, спадающей волнами шевелюрой в бессвязном, диком танце. Словно безумная менада на закате, она улыбается самой себе и никого не замечает. Здесь все ей чужие. Как и тот, кто ждет нас на другом берегу.

Полнолуние. Серебристые капли в море

Наши матери плакали, когда мы садились на корабль. Мать Анджелики упала в обморок, но та даже не обернулась. Она продолжала идти сквозь толпу оборванцев и господ, оставляя за собой прошлое. Моя кузина, свободная и надменная, гордая своей независимостью. Она даже не знала, что это такое – скучать по кому-нибудь. Люди могут быть интересными, но незаменимых нет, для кочевой жизни безразлично: что один, что другой. Я спрашиваю себя, не эта ли свобода заставила тетю поставить Анджелике ультиматум: «Пойдешь или замуж, или в монастырь», – заявила она дочери во дворе, среди кур, жадно клюющих зерна ветренным вечером. Анджелика, усевшись на пороге, пнула полетевшую в курицу щебенку и только пожала плечами. «Целомудрие и бедность – это я вытерплю», – изрекла она и крепко схватила курицу за крыло. «Но обет послушания – никогда», – и свернула шею птице. Взметнув крестьянской юбкой, она по-царски выпрямилась и, повернувшись спиной к матери, возвратилась в дом.

Новолуние. Фотографии, принесенные в жертву Посейдону

Это она устроила брак по переписке, сидя в опустошенном войной поле и вырезая объявления из старой газеты. «Я здесь все равно не останусь, – объяснила Анджелика.

nunci matrimoniali, il più strano e il più vecchio degli scapoli: “Anoardo Gaetano, anni settantatré, Argentina”. Uno sposo al di là del mondo, una valigia di cartone, infinite lettere nelle tasche del grembiule. Oh, Angelica... Spero non ti penta del destino che ti prefiggi. Ieri notte ti ho scorta svicolare sul ponte, sfidando il mare in tempesta, con le tasche rigonfie di carta e le chiome scomposte. Non ho notato se il tuo capo chino nascondesse lacrime o un sorriso. Ma hai appoggiato la fronte sulla balaustra, coprendoti la testa con le braccia, mentre le foto dei tuoi famigliari baciavano il vento, turbinando tra le onde.

Notte di luna nuova

Ho trascorso la sera sul ponte, in compagnia d'un cuoco e un marinaio. Incuriositi dalla somiglianza con mia cugina, chiesero se fossimo gemelle: l'unico tratto che ci differenzia è il colore degli occhi: verde per me, nero inchiostro per lei. Eppure, non potremmo essere più distanti: io sono cauta, attenta a compiacere il prossimo, appagata da un nido caldo sotto cieli di nubi, sognante uno sposo e bambini. Angelica aborre legami e costrizioni, non si fa scrupolo d'ingannare gli altri pur d'ottenere guadagni per sé. Ma mi rispetta, e io l'amo: non mi sarei mai sottratta al suo piano. Spedii la *mia* immagine in Argentina, affinché il novello sposo non rigettasse la proposta, infastidito dallo sguardo di sfida, dagli occhi furbi da gitana e dal portamento superbo e arrogante che sarebbero traspariti da una foto scattata a *lei*. “Andremo là insieme”, Angelica rivelò, “e tra le sue braccia finirai *tu*. Il mondo è troppo ampio perché non lo possa ammirare”.

Le Parche filano il tempo come i bachi la seta

La salsedine rende la mia pelle splendente, ma lo sguardo d'Angelica è più opaco che mai. L'ho osservata seguir con gli occhi una coppia di giovani scivolare a passo di danza nell'atrio del salone. Anche lei è *sposata*, in fondo. Sposata a un uomo che dall'aspetto potrebbe essere un bisnonno, dalle lettere un poeta. E quelle lettere, vergate a mano

– А раз мне отсюда уезжать, мыслить нужно масштабно». И откопала среди брачных объявлений самого странного и самого старого холостяка: «Аноардо Гаэтано, семьдесят три года, Аргентина». Заокеанский супруг, чемодан из папье-маше, бесчисленные письма в карманах фартука. Ах, Анджелика... Надеюсь, ты не пожалеешь о выбранной судьбе. Вчера ночью я видела, как ты, бросая вызов штормовому морю, проскользнула по палубе с распухшими от бумаг карманами и растрепанными волосами. Я не разглядела, что скрывало опущенное лицо – слезы или улыбку. Но ты прижалась лбом к перилам и закрыла голову руками, пока фотографии твоих родных целовали ветер, кружась на волнах.

Ночь новолуния

Я провела вечер на палубе в компании кока и матроса. Заинтригованные нашим сходством с кузиной, они спросили, не близнецы ли мы. Вся разница в цвете глаз: у меня – зеленые, у нее – черные. И при этом мы совсем непохожи: я – осторожная, старающаяся всем угодить, довольствующаяся теплым гнездышком, защищенная от жизненных бурь, мечтающая о муже и детях. Анджелика терпеть не может узы и ограничения и преспокойно обманывает других ради собственной выгоды. Но меня она уважает, а я ее люблю: я ее ни за что не выдам. Я отправила свою фотографию в Аргентину, чтобы новый супруг не отверг предложение, обеспокоенный вызывающим взглядом лукавых глаз цыганки и гордой, надменной осанкой, которая угадывалась бы на снимке самой Анджелики. «Мы поедем туда вместе, – заявила она, – и в его объятиях окажешься ты. Мир слишком большой, чтобы отказаться от мечты увидеть его».

Парки прядут время, как шелкопряды нить

Морская соль придает моей коже сияние, зато глаза Анджелики совсем потухли. Я наблюдала, как она следит за молодой парой, кружащейся в танце в салоне. А ведь и она, по сути дела, замужем. Замужем за человеком, который, судя по виду, может быть прадедушкой, а по слогу – поэтом. Его письма, написанные от руки изящным наклон-

in grafia stupenda e inclinata, esprimono un animo poetico accostato a un brillante taglio intellettuale, intuito sagace e vivace ironia. Miriadi di fogli in italiano perfetto, senza spagnolismi o influssi dialettali. “Dev’essere un *Signore*”, sollevò un sopracciglio Angelica, scorrendo la prima lettera a lei indirizzata. “Peccato non goder dei benefici del rango acquisito”. E mi batté sulla spalla, accartocciando la carta profumata di viole, intenzionata a lasciar a me lo *status* di moglie e madre, raccogliendo per sé un’esistenza da vagabonda. E anch’io, a furia d’oceani, spuma bianca e delfini, accenti diversi, lingue e storie da imparare, inizio a capir il *viaggiare*...

Solo le stelle a guidare il cammino

Da un paio di giorni, appressandosi il tramonto, avverto una formicolante sensazione: il desiderio d’esplorar nuovi lati di questa nave, per l’epidermico piacere di conoscere il brillio degli astri sull’acqua, gli aromi delle culture in fuga, i rollii della nave nei sospiri della notte. Un mozzo mi illustra le costellazioni, inanellando storie su popoli antichi, senz’altra bussola che le stelle. La sua voce è velluto tra sciabordii di onde, e mi domando se l’uomo che incontrerò sul molo argentino avrà un timbro altrettanto profondo. Mi chiedo se Don Gaetano si chinerà per un baciamento, prima di farsi carico dei miei bagagli, scambiandomi per Angelica. Angelica, che rideva del suo lessico forbito, della sua aria da patriarca trascorso. Angelica, che prospettava di liberarsi delle sue lettere scaraventandole in mare. Eppure, il baule che le custodisce è ancora lì, e, a giudicare dal peso, non è stato svuotato.

Il dilatarsi breve d’un istante

Angelica è sempre più tesa e irrequieta. L’ho scorta ripercorrere ogni carta spedita da *lui*, alla ricerca d’un inganno. Suppongo che chi vive d’espediti e menzogne sviluppi il pensiero che anche nel prossimo dimori l’intrigo. Io, invece, son sempre più serena. Sarà per la giornata in compagnia del timoniere, o della serata sulla prua della nave, ad ascoltare i racconti d’un vecchio viaggiatore. Ho assaporato l’ultima notte immagi-

ным почерком, выражают поэтический дух вкупе с блестящим остроумием, глубокой интуицией и живой иронией. Бесчисленные страницы на безупречном итальянском, без испанизмов и диалектных словечек. «Он наверняка настоящий синьор, – приподняла бровь Анджелика, просматривая первое полученное письмо. – Грех не воспользоваться выгодами приобретенного положения». И похлопала меня по плечу, свертывая надутую фиалками бумагу, намереваясь оставить статус жены и матери мне, а для себя выбирая бродячую жизнь. Но теперь и я, благодаря океану, белой пене и дельфинам, разным говорам, языкам и историям, которые я услышала на корабле, наконец-то начинаю понимать, что значит путешествовать...

И только звезды освещают путь

Уже пару дней в предзакатных сумерках у меня чешутся кончики пальцев от желания исследовать неизведанные уголки корабля – ради мимолетного удовольствия увидеть блеск звезд на воде, услышать ароматы далеких земель, откуда родом мои попутчики, всем телом почувствовать, как покачивается корабль под вздохи ночи. Юнга показывает мне созвездия, рассказывая одну за другой истории о древних народах, единственным компасом которых были звезды. Его голос так бархатно звучит под плеск волн, и я спрашиваю себя, будет ли у мужчины, которого я встречу на аргентинском берегу, такой же глубокий тембр. Мне любопытно, склонится ли Дон Гаэтано поцеловать мне руку, прежде чем помочь с багажом, приняв меня за Анджелику. Анджелику, которая потешалась над его гладким стилем и внешностью отставного патриарха. Анджелику, которая намеревалась избавиться от его писем, бросив их в море. Чемодан, в котором хранились письма, еще здесь, и судя по весу, он вовсе не пуст.

Остановись, мгновение...

Анджелика все более напряжена и обеспокоена. Я заметила, что она воскрешает в памяти каждое отправленное им письмо в поисках обмана. Вероятно, тот, кто живет уловками и выдумками, начинает ждать подвоха и от других. А я, наоборот, становлюсь все

nandomi vedetta d'un vascello, aggrappata all'albero maestro, ad avvistare, finalmente, "Terra!". Domani sarà tutto concluso. Domani, tutto inizierà.

Triplo salto con beffa, nel circo degli inganni

Mia cugina ha scambiato le nostre valigie, prima che la nave attraccasse, infilandomi in tasca il certificato di nozze. Poi, senza una parola, è scesa lungo la scaletta, verso il molo. Una coppia ci è corsa incontro tra la folla brulicante. I due estranei hanno osservato entrambe, spaesati, confrontandoci con l'immagine della ragazza in una foto, prima di caricarci su un'auto scassata, scura come lo sguardo d'Angelica. "Sarà troppo vecchio per guidare. Ha inviato due servi, piuttosto che accogliere in prima persona la sposa d'oltre mare", ha bisbigliato, scettica, scalcando via le scarpe e ripiegando le gambe sul sedile. "Non invidio la sorte che t'attende. Sei sempre in tempo per fuggire con me". E certo sarei fuggita, se avessi fiutato l'inganno.

Verso acque ignote e pure

Addentrateci nella villa di Gaetano, l'imponente figura che si scrollò di dosso l'ombra, porgendoci una mano risoluta, non corrispondeva minimamente al ritaglio d'immagine spedito in Italia. Don Gaetano non era un vecchio tanto arguto quanto rinsecchito, ma un uomo slanciato e nel pieno del vigore, dagli occhi brillanti di bonario divertimento. "Chiedo scusa per l'inganno", reagì al nostro stupore. "Spedii la foto del giardiniere affinché non rispondessero all'annuncio donne interessate più al mio aspetto che all'animo e alla mente. Fui così lieto delle vivaci e profonde risposte alle mie missive". Spostai lo sguardo su Angelica, che Gaetano continuava a fissare: ero convinta che avesse evitato di rispondere alle lettere, una volta rassicurata sulla conclusione della trattativa. Invece, a quanto pareva, non era rimasta immune dal fascino di quelle carte dall'aroma di viola, ed era sorta una corrispondenza di cui, ora lo capivo, Angelica avrebbe faticato a liberarsi, malgrado il distacco manifestato. E Gaetano, da profondo conoscitore dell'animo umano, non aveva tardato ad accorgersi dello scambio di per-

спокойней. Может, потому что я провела день в компании рулевого или простояла все вечер на носу корабля, слушая рассказы бывалого путешественника. Я смаковала последнюю ночь, представляя себя на вахте, как, взобравшись на грот-мачту, я наконец-то воскликну «Земля!» Завтра все закончится. Завтра все только начнется.

Тройной прыжок с финтом в чехарде обманов

Кузина подменила наши чемоданы, прежде чем корабль пришвартовался, и подложила мне в карман свидетельство о браке. После чего, не сказав ни слова, спустилась по трапу на причал. Сквозь бурлящую толпу к нам пробилась двое. Чужеземцы растерянно оглядели двух девушек, сверяясь с фотографией, прежде чем посадить нас в разбитый автомобиль, темный, как взгляд Анжелики. «Он слишком стар, чтобы водить машину. Отправил двух слуг, вместо того чтобы лично встретить заморскую супругу, – прошептала она ехидно, сбрасывая туфли и забираясь с ногами на сиденье. – Не завидую судьбе, которая тебя ждет. Ты еще успеешь сбежать со мной». И я наверняка бы сбежала, если бы почуяла подвох.

К неведомым и чистым водам

И вот мы прибыли на виллу Гаэтано – импозантный мужчина, который вышел из тени и решительно протянул нам руку, нисколько не соответствовал отправленной в Италию фотографии. Дон Гаэтано оказался вовсе не сухим и умудренным стариком, а стройным мужчиной в самом расцвете сил, с сияющими, веселыми глазами. «Прошу прощения за обман, – сказал он, заметив наше изумление. – Я отослал фотографию садовника, чтобы на объявление не отвечали дамы, которых интересует только моя внешностью, а не душа и ум. Как же я был рад столь живым и глубоким ответам на мои послания».

Я перевела взгляд на Анжелику, с которой Гаэтано не сводил глаз: я была убеждена, что кузина не стала бы отвечать на письма, знай она, чем все это закончится. Однако, насколько я могла судить, она не осталась равнодушной к обаянию пахнущих фиалками посланий – возникла своего рода связь, от которой, теперь я это понимала, Ан-

sona, tra le due fanciulle imbambolate nel suo salone: da una foto in bianco e nero è difficile stabilire l'esatta sfumatura degli occhi – *verdi, o nero inchiostro?* –, ma decine di righe vergate di getto rivelano ben di più. Perciò sono sicura che il marito avrebbe riconosciuto la reale sposa anche senza una subitanea confessione: il temperamento ribelle e infiammato di mia cugina, trasparente dalle missive, aveva contribuito a forgiare nella mente di Gaetano una figura accostabile soltanto ai capelli scompigliati di Angelica, al suo busto eretto, alle sue gambe nude.

Avrei svelato l'inganno, anche se mia cugina non m'avesse pregata con gli occhi, mentre il nostro ospite ci lasciava un istante, premurandosi di procurarci qualcosa da bere. Le avrei reso il certificato di matrimonio, anche se non mi avesse stretto la mano, in una muta – quanto urgente – richiesta d'aiuto. La beffa reciproca era stata svelata, com'era franata la roccaforte di gelo d'Angelica. Il suo inganno verso Gaetano, quello di Gaetano verso di lei: tentando di pilotare il destino, si può risultare, a propria volta, manovrati.

Anziché tentare di forzar il Fato, io ho scelto di seguirlo. Nella forma d'una nave cargo, tra mozzi e timonieri, nuovi idiomi e terre da scoprire. Ho scovato a mia volta una passione nuova, sconvolgendo l'immagine che di me stessa mi ero dipinta. In fin dei conti sarà questo, il vero scambio di ruoli, e nulla avrà a che fare con menzogne, bensì con la scoperta del *reale*: Angelica non mentirà più a se stessa, fingendo che l'amore non le possa interessare; io non mi rifugerò in una favola stantia e lontana d'uno statico nucleo familiare.

Ho una bussola di stelle, una nave su cui salpare. Mi volto, a metà della scala, per salutare a braccia tese chi mi osserva dalla terraferma. Non so se li rivedrò. Ma, se qualcosa ho imparato, è che scelte radicali mal s'accompagnano al mutevole animo umano. E, pur nel turbinio della nuova partenza, non escludo un ritorno.

джелика пыталась избавиться, несмотря на показное безразличие. А Гаэтано, глубокий знаток человеческой души, не замедлил распознать подмену девушек, замерших от удивления в его гостиной. По черно-белой фотографии сложно распознать точный цвет глаз – зеленый или черный – но десятки строчек, написанные небрежным почерком, выдавали намного больше. Поэтому муж непременно узнал бы свою настоящую жену и без моего импульсивного признания: мятежный и пылкий темперамент кузины, чувствующийся в ее письмах, создал в душе у Гаэтано образ, который соответствовал только растрепанным волосам Анжелики, ее высокой груди, ее голым ногам.

Я бы раскрыла обман, даже если бы кузина не попросила меня об этом взглядом, в то время как хозяин ненадолго вышел распорядиться принести напитки. Я бы вернула ей свидетельство о браке, даже если бы она не сжала мне руку в немой и неотложной мольбе. Взаимная ложь была разоблачена, и ледяная маска спала с Анжелики. Она обманула Гаэтано, Гаэтано обманул ее: мы думаем, что управляем судьбой, а на самом деле она управляет нами.

Вместо того чтобы противиться судьбе, я решила ей подчиниться. Судьбе в облике грузового корабля, среди юнг и рулевых, новых языков и земель, которые мне предстояло увидеть. Теперь и я нашла новую страсть, перечеркнувшую образ, который я прежде создала для самой себя. В конце концов случится именно это, настоящая смена ролей, нам больше никого не придется обманывать, напротив, настанет время открыть себя настоящим: Анжелика больше не станет лгать самой себе, притворяясь, будто любовь ее не интересует, а я больше не буду прятаться за старой сказкой про теплый семейный очаг.

Звезды – мой компас, и вот готовый сняться с якоря корабль. Я оборачиваюсь посреди трапа – помахать тем, кто провожает меня на берегу. Не знаю, вернусь ли я. Но если я чему-то и научилась, то это тому, что окончательный выбор едва ли подходит непостоянной человеческой душе. И в круговерти нового пути я не исключаю, что вернусь.

Nota critica

Protagonista di questo racconto è Angelica, una ragazza fiera, indipendente, con il “busto eretto” e le “gambe nude”; una ragazza che “sorridente a se stessa”. Una femminista *ante litteram*, insomma. La sua vicenda è narrata dalla cugina, che la sta accompagnando, per uno “sposalizio per procura”, in Argentina (siamo nel 1946). È un progetto con alti gradi di rischio e complicato da una serie di inganni, perpetrati sia da Angelica sia dal suo promesso sposo. Ma tutto finirà bene.

Jennifer Bertasini ci guida “verso acque ignote e pure” e ci indica che nessun inganno potrà difenderci dalla “scoperta del reale”. Ci dice che nel rapporto con il reale noi non abbiamo la possibilità di girarci dall’altra parte; non possiamo scansarlo, schivarlo. Il reale avrà sempre la meglio sulle illusioni. Ecco perché al “mutevole animo umano” non resta che volgersi verso il mondo reale e accoglierlo. Insomma, niente possiamo di fronte a una “bussola di stelle”.

È certamente consentito evadere dal proprio quieto abitare nella ricerca di forti emozioni, di un’altra terra. È ammesso nella vita il “salto mortale” in una nuova dimensione. Accade così nella danza (non a caso è proprio una danza che apre il racconto); accade così nel viaggio su “acque ignote”. Ma alla fine non si può eludere la “bussola di stelle” che guida il nostro cammino. Non si scherza con le stelle, né si sfugge al destino che ci è stato assegnato.

Le illusioni portano con sé vane speranze. Ci offrono soltanto un sole da teatro, un surrogato che si spaccia per vero. Meglio liberarsi da subito dalle apparenze. Meglio liberarsi dagli inganni e affidarsi alla profondità dello sguardo per rendere più fecondo il proprio rapporto con l’altro, per rendere più autentica la propria vita. Normalmente l’essere umano si affida ai sogni (preferibilmente a occhi aperti) perché teme di affrontare l’esistenza. Senza comprendere che sarà proprio la “scoperta del reale” che consentirà di conferire un senso ed elementi di verità alla nostra vita.

Flavio Ermini

Отзыв о рассказе

Главная героиня рассказа – Анджелика, гордая, независимая девушка с «высокой грудью» и «босыми ногами», девушка, которая «улыбается самой себе», предвестница феминизма. Ее историю рассказывает кузина, сопровождающая ее в Аргентину для «брака по переписке» (действие происходит в 1946). Эта рискованная затея осложняется чередой обманов, совершенных Анджеликой и ее женихом. Но в итоге все кончается хорошо.

Дженнифер Бертазини ведет нас «к неведомым и чистым водам» и показывает, что никакой обман не может защитить от «открытия себя настоящим». Она доказывает, что невозможно отвернуться, уклониться от правды, избежать ее. Правда всегда одержит победу над иллюзиями. Именно поэтому «непостоянной человеческой душе» не остается ничего другого, как обратиться к реальному миру и принять его. Ведь что мы можем противопоставить «компасу звезд»?!

Конечно, можно покинуть тихую гавань в поисках сильных эмоций, новых земель. В жизни всегда возможно «сальто мортале» в новое измерение. Так происходит во время танца (не случайно именно танец открывает рассказ), так случается во время путешествия «по неведомым водам». Но в конце нельзя уклониться от «компаса звезд», который направляет наш путь. Со звездами не шутят, от предначертанной судьбы не убежать.

Иллюзии несут с собой пустые надежды, театральное солнце, выдаваемый за подлинник суррогат. Лучше сразу избавиться от фантазий, освободиться от обмана и довериться глубине взгляда, чтобы сделать более плодотворными отношения с другими, вернуть подлинность собственной жизни. Люди слишком часто доверяют мечтам (мечтая с открытыми глазами), потому что боятся встретиться лицом к лицу с жизнью. При этом мы не понимаем, что лишь открыв «себя настоящим», мы наполним свою жизнь смыслом.

Флавио Эрмини

Biografia

Jennifer Bertasini (1987) è nata e vive a Verona. Laureatasi in Filologia e storia dell'antichità all'Università di Pisa, dopo una laurea triennale in Lettere classiche, ha conseguito un master in Studi interculturali, con una tesi in Musica e intercultura. È docente di Materie letterarie presso le scuole secondarie e di Mitologia in centri culturali. Scrive romanzi per ragazzi e testi teatrali.

Биография

Дженнифер Бертазини (1987) родилась и живет в Вероне. Изучала классическую филологию, окончила Пизанский университет по специальности «Античная филология и история». Получила степень мастера по межкультурным исследованиям, защитив диплом по специальности «Музыка и интеркультура». Преподает литературу в школе, ведет курс мифологии в культурных центрах. Автор произведений для детей и театра.

Chiara Paraggio

Traduzione in russo di Zabava Puzickaja

Кьяра Параджо

Перевод на русский язык Забавы Пузицкой

FOTOGRAFIA

Questa è la mia storia. Sono una fotografia un po' vecchiotta; per la precisione sul retro sono datata 7 dicembre 1941. L'uomo che vi appare era in procinto di ripartire per la guerra, mentre la donna al suo fianco era la sua promessa sposa, ancora ignara del fatto che avrebbe dovuto aspettare otto lunghi anni prima di rivederlo tornare sano e salvo. Domenico e Dora, un amore durato per più di sessant'anni.

Dal giorno in cui entrai in suo possesso non mi sono più divisa da Dora, sono sempre stata nel suo borsellino.

Insieme ne abbiamo passate tante... Ero tra le sue mani quando ha avuto paura che Domenico fosse caduto in guerra; mi sono bagnata delle sue lacrime quando suo marito scappò a Roma bruciato dal fuoco della passione che un'altra donna aveva acceso in lui; e sono stata messa da parte quando lui tornò da lei non appena questo fuoco si spense. Oramai sono passati più di cinquant'anni da quando sono stata "svilupata", ma non avrei mai immaginato che l'avventura più intensa sarebbe arrivata così tardi...

Oramai Dora ha novantadue anni, e nonostante ciò ogni mattina prende il pullman per andare a fare la spesa e far visita ai suoi due figli.

Un giorno, tuttavia, capitò che le caddi dal portafoglio, e il caso volle che lei non poté accorgersene perché una folata di vento mi aveva allontanata dal suo sedile. Io la chiamavo più forte che potevo, ma lei non riusciva a sentirmi. Non poteva. Fu così che prendemmo due strade diverse. Lei scese alla sua fermata senza di me. Inizialmente mi sentii un po' abbandonata, sapere di non essere più tra quella carta d'identità e il codice fiscale mi metteva ansia e allo stesso tempo tristezza. Nei giorni a seguire imparai tutto quello che c'era da sapere sulle suole delle scarpe, perché la gente non faceva che calpestartmi. Pensai che ero sopravvissuta a una guerra mondiale, a un terremoto e a un'alluvione, quindi non avevo nessuna intenzione di veder arrivare la mia fine in quel modo, ma non potevo farci molto. Decisi che avrei accettato il mio destino con dignità.

ФОТОГРАФИЯ

Вот моя история. Я – фотография, старая выцветшая фотография; о моем почтенном возрасте говорит дата на обратной стороне – 7 декабря 1941 года. Запечатленный здесь юноша очень скоро должен отправиться на войну, и девушка рядом с ним, его невеста, еще не знает, что ей придется ждать долгих восемь лет, прежде чем она увидит его снова – живым и невредимым.

Доменико и Дора – любовь длиною в шестьдесят лет.

С того дня, как я оказалась у Доры, мы с ней не расставались, я всегда лежала в ее кошельке.

Мы многое пережили вместе... Я дрожала в ее руках, когда она думала, что Доменико погиб на войне; я умывалась ее слезами, когда он сбежал от нее в Рим, воспылав огнем страсти к другой женщине; и я полетела прочь из ее рук, когда он вернулся, едва этот огонь погас. Прошло уже больше пятидесяти лет с тех пор, как меня отпечатали, но я и представить не могла, что главное приключение ждет меня впереди.

Доре уже девяносто два года, но это не мешает ей каждое утро ездить на автобусе – за продуктами, или навестить одного из двоих сыновей.

И вот однажды я выпала из ее кошелька. Случаю было угодно, чтобы она этого не заметила: порывом ветра, ворвавшимся в окно, меня отнесло от ее сиденья. Я звала ее громко, как только могла, но она не слышала. Да и как она могла меня услышать? Так наши пути разошлись. Она вышла на своей остановке без меня.

Первое время я чувствовала себя одинокой. Я грустила при мысли о том, что никогда больше мне не лежать в ее кошельке между паспортом и пенсионным удостоверением. Прошло несколько дней, и я уже знала все о подметках, потому что люди только и делали, что топтали меня. Я думала: неужели пережив мировую войну, землетрясение, наводнение, я погибну вот так, на ровном месте? Но что я могла изменить? Оставалось с достоинством принять свою судьбу.

Quando mi ero ormai rassegnata al peggio, mi sentii di nuovo viva tra il calore delle dita di una grande mano. Mi trovavo dinnanzi a un ragazzo con tantissimi capelli neri e ricci, e con gli occhi azzurri. Notai subito che mi guardava incuriosito, con faccia perplessa continuava a girarmi e rigirarmi tra le mani, forse era indeciso se portarmi con sé o lasciarmi lì. Sperai intensamente che optasse per la prima soluzione. Così fu. Scendemmo insieme due fermate dopo. Con mia grande sorpresa, mi resi conto che quel ragazzo voleva a tutti i costi riportarmi dalla mia cara Dora, ricongiungerci. Non so perché prese tanto a cuore la nostra storia, forse lo aveva colpito l'amore che trapelava dai loro occhi attraverso la mia immagine sbiadita; o forse si era commosso leggendo la dedica che portavo dietro di me. Diceva: "Dorina, attendi serena che il tuo cuore si ricongiunga al corpo. Aspetta di vedere all'orizzonte una rondine che torna dalla sua primavera. Nell'attesa, tienimi stretto a te".

Non appena ebbe finito di leggerla, gli occhi di Manuel (o almeno così mi sembra di aver capito si chiamasse) diventarono rossi, e lo sentii esclamare che avrebbe fatto tutto quanto fosse in suo potere per far riavere quella foto alla sua legittima proprietaria. Da quel momento cominciarono ufficialmente le nostre ricerche. Un'altra avventura.

Per prima cosa Manuel si collegò a qualcosa chiamato internet, e digitò nome e cognome di Domenico per vedere se questo era citato negli annali di guerra della città. Trovò qualcosa, ma non era abbastanza. Infatti di personale vi erano solo data e luogo di nascita, mentre tutto il resto riguardava le sue gesta in guerra e la sua professione di avvocato. Di sua moglie nemmeno l'ombra. Passò qualche giorno, dopodiché ci recammo all'ufficio anagrafe del Comune, dove Manuel sperava di riuscire a ottenere l'indirizzo della vedova dell'avvocato. All'inizio l'impiegata aveva fatto resistenza, ma poi aveva ceduto dinnanzi a quella storia così commovente; si era piegata dinnanzi al Dio Amore, così raro da incontrare di questi tempi. Su un foglietto di carta scrisse l'indirizzo che mi avrebbe riportato a casa, e che avrebbe dato alla mia cara Dorina (era così che la chiamava il suo Mimì) quel ricordo in bianco e nero. Salii di nuovo su quel pullman, ma stavolta al riparo da ogni pericolo nella tasca posteriore dei jeans del mio salvatore.

Когда я уже смирилась с худшим, я вдруг снова почувствовала себя живой, оказавшись в пальцах большой и теплой руки. Меня поднял голубоглазый юноша с копной черных кудрявых волос. Я сразу заметила, что он смотрит на меня с любопытством, поворачивая то так, то эдак, и поняла по его нерешительному виду, что он не знает, взять ли меня с собой или оставить там, где нашел. Я так хотела, чтобы он взял меня с собой. И он забрал меня. Мы проехали вместе еще две остановки. И тут, к своему великому удивлению, я поняла, что этот юноша хочет во что бы то ни стало вернуть меня к моей Доре, воссоединить нас. Я не знаю, почему он принял нашу историю так близко к сердцу, – может, сквозь пятна грязи на выцветшей бумаге он смог увидеть любовь, которой лучились их глаза, а может, его тронула надпись на обратной стороне: «Дорина, потерпи, и ты снова прижмешь меня к сердцу. Жди, и ты увидишь ласточку на горизонте, которая принесет весну на своих крыльях. Пока ты ждешь, я с тобой».

Едва Мануэль (если не ошибаюсь, его звали так) дочитал надпись, у него на глаза навернулись слезы, и я услышала, как он обещает «сделать все возможное и невозможное, чтобы вернуть фотографию той, кому она принадлежит». С этой минуты начались наши поиски. Новое приключение.

Первым делом Мануэль связался с каким-то Интернетом и отправил ему имя и фамилию Доменико, чтобы проверить, числится ли тот в городском военном архиве. Что-то он узнал, но этого было недостаточно. Из личных данных, кроме даты и места рождения, там были сведения о его военных подвигах и о том, что по профессии он был адвокатом. О его жене – ровным счетом ничего. Через несколько дней мы отправились в городской адресный стол, где Мануэль рассчитывал узнать адрес вдовы адвоката.

Сначала сотрудница заявила, что никакого адреса не даст, но после того, как услышала нашу трогательную историю, уступила перед Любовью, которую нечасто встретишь в наши дни. На листочке бумаги она написала адрес, получив который, Мануэль мог вернуть меня домой и отдать дорогой Дорине (так называл свою любимую ее Доменико) ее черно-белое воспоминание. И вот я снова в автобусе, но на этот раз под надежной защитой моего спасителя – в заднем кармане его джинсов.

Finalmente arrivammo a casa.

Quando Manuel si trovò Dora di fronte, quasi scoppiò a piangere, tanta era la felicità nell'averla ritrovata. Dora, dal canto suo, non sapeva né capiva chi mai potesse essere quello strano ragazzo. Non appena lui le mostrò quella foto tanto cercata e amata, lei lo accompagnò in quel pianto e lo abbracciò forte come si fa con un figlio che non vedi da tempo. Tornai nelle mani della mia Dorina, che ricominciò a contemplarmi come se non avesse mai smesso. Poi fece accomodare Manuel in cucina, e gli preparò un caffè. Passarono il pomeriggio così, con Dora a raccontare aneddoti di quel tempo passato, mentre Manuel ascoltava completamente assorto.

Due generazioni a confronto.

In comune, il completo amore per l'amore.

Da allora Manuel viene a trovarci ogni giorno; è diventato il miglior amico della mia Dorina. E un po' anche il mio.

Questa è la mia storia, la storia di un viaggio meraviglioso cominciato con un grande amore, e finito con una profonda amicizia.

Наконец мы приехали.

Когда Мануэль увидел мою Дору, он чуть не расплакался от счастья, что нашел ее. А Дора никак не могла понять, кто этот странный юноша. Но как только он показал ей фотографию, которую она так любила и так искала, она тоже заплакала и крепко обняла его, как обнимают сына после долгой разлуки. Я вернулась к моей Дорине, она снова держала меня в руках и смотрела на меня так, словно видела впервые – и не могла насмотреться.

Потом она пригласила Мануэля в кухню и сварила ему кофе. Мануэль до вечера с открытым ртом слушал рассказы Доры о прошлом.

Два поколения, для которых любовь – святое.

С тех пор Мануэль навещает нас каждый вечер, ведь он теперь лучший друг моей Дорины. И мой друг тоже.

Вот и вся моя история, история чудесного пути, в начале которого – большая любовь, в конце – добрая дружба.

Nota critica

Le cose sembrano fatte per essere da noi nominate. A prima vista appaiono come oggetti passivi, oggetti in attesa di essere descritti dall'uomo.

E se per una volta fosse una "cosa" a parlare di noi? È ciò che accade in *Fotografia* di Chiara Paraggio. In questo racconto una fotografia viene smarrita. Da quel momento attraversa varie vicissitudini che la condurranno infine di nuovo tra le mani della sua "proprietaria". È una vicenda semplice. La novità sta nel fatto che a narrarla è la fotografia stessa, secondo il suo punto di vista, in una narrazione in prima persona.

Sperimentiamo in questo racconto il costituirsi di un oggetto di fronte a un soggetto. L'oggetto lascia dietro di sé il fondo oscuro della "cosa" per abbracciare i sentimenti e i desideri del soggetto umano. Chiara Paraggio sembra dirci che oggetto e soggetto sono parte dello stesso *essere* e che hanno tratti comuni; tanto che nessuno dei due dovrebbe avere la supremazia sull'altro. Inaspettatamente la verità della cosa si manifesta nel reclamare l'umano, sì, ma rivendicando una propria autonomia, che si esprime nel racconto in una tensione verso i buoni sentimenti.

Fotografia non è semplicemente una favola a lieto fine. Ci mostra come l'uomo non sia semplicemente il "padrone" delle cose, ma in qualche modo anche la figura che le può e le deve custodire, con la cura necessaria. Come può accadere? Semplicemente mettendosi in ascolto degli oggetti che ci attorniano. Ai quali attribuiamo normalmente un valore in denaro o in relazione all'"utilità", e raramente un riconoscimento in termini di *essenza*. Questo racconto ci porta a convenire che l'essenza è la medesima per l'essere umano e per le cose; ci fa osservare che talvolta è proprio la cosa a reclamare vicino a sé l'essere umano per rivendicare la propria verità.

Ebbene, già il prendere atto che il rapporto con le cose non sia fondato solo sull'interesse utilitaristico è un bel passo in avanti. Abbiamo dei debiti nei confronti delle cose. Riconosciamolo, offrendo loro voce e visibilità. L'esistenza non può restare racchiusa unicamente nella figura dell'essere umano.

Flavio Ermini

Отзыв о рассказе

Можно подумать, что вещи сделаны для того, чтобы быть названными. На первый взгляд они кажутся пассивными предметами, ждущими, чтобы человек их описал.

Но что, если бы однажды какая-нибудь «вещь» вдруг заговорила о нас? Именно это и происходит в рассказе «Фотография» Кьяры Параджо. Потерянной фотографии приходится преодолеть многие трудности, прежде чем она вернется к своей хозяйке. Кажалось бы, простая история. Простая, но не совсем: новаторство состоит в том, что повествование ведется от первого лица – от лица фотографии, с ее точки зрения.

Рассмотрим отношения объекта и субъекта в этом рассказе. Объект отталкивается от «вещи», чтобы сосредоточиться на чувствах и чаяниях субъекта, то есть человека.

Кьяра Параджо как бы говорит нам, что объект и субъект являются частью единого целого и что между ними настолько много общего, что ни один из них не имеет превосходства над другим. Неожиданно правда «вещи» проявляется в признании приоритета человека, что не мешает ей, подвижной добрыми чувствами, отстаивать собственную независимость. «Фотография» – не просто сказка со счастливым концом. Она доказывает, что человек – не только «властитель» над вещами, но и тот, кто может и должен быть их защитником и покровителем. Каким образом? Обращая внимание на то, что вокруг, слушая, слыша. Ведь порою стоит думать не о том, какова цена предмета и насколько он «полезен», но стоит задуматься о его ценности.

Этот рассказ помогает нам понять, что бытие, сама жизнь, сокрыты не только в человеке, но и предметах: иногда «бездушная» вещь нуждается в человеке, чтобы отстоять свою правду.

Кьяра Параджо стремится избавить нас от потребительского отношения к вещам. У нас есть долг перед вещами, и мы отдаем его, позволяя им быть услышанными, увиденными и понятыми. Ведь бытие – это не только человек, но и то, что его окружает.

Флавио Эрмини

Biografia

Chiara Paraggio (1987) vive a Montecorvino Pugliano (Salerno). È laureanda in Lettere moderne. La scrittura è la sua passione. Si è distinta in alcuni premi letterari e ha diversi manoscritti da proporre all'attenzione delle case editrici. Ultimamente ha fatto da assistente alla regia per alcuni spettacoli in produzione a Napoli, e ha steso la sceneggiatura per due cortometraggi.

Биография

Кьяра Параджо (1987) живет в Монтекорвино Пульяно (Салерно). В университете изучала современную литературу. Писательство – ее страсть. Успешно участвовала в ряде литературных конкурсов, готова предложить издательствам рукописи нескольких книг. Работала помощником режиссера в Неаполе, автор сценариев двух короткометражных фильмов.

Eleonora Recalcati

Traduzione in russo di Marija Gojchman

Элеонора Рекалькати

Перевод на русский язык Марии Гойхман

IL POZZO ADDOSSO

La torcia che scivola dalle dita raschia le pareti. Un tonfo sordo e poi il buio. Le voci si allontanano sopra di lui e il pianto sul fondo si fa più acuto, inumano, il grido di una fiera braccata. Le mani arrancano, tra il viscido dei licheni e il brulichio degli insetti.

La terra si disfa e l'aria inizia a mancare, si respira qualcosa di indigeribile e putrefatto. Giù per la schiena una lingua fredda di panico, la certezza che tutto è perduto. Poi nel gelo il tremare di una mano. Un qualcosa di vicino alla gioia salta alla gola. "Michele! Tranquillo, respira...".

Geremia sbarra gli occhi molestati dalla luce, in bocca ancora il sapore loffio del muschio.

In un angolo della stanza il rantolo di una vecchia sveglia, appesa alla porta la divisa Tempoflex. Si tira in piedi come un automa.

In bagno, davanti allo specchio, fa gli esercizi di allungamento con cui iniziava ai tempi del circo. Un tirarsi di vecchi tendini senza scopo. Non gli servirà in Tempoflex, per rispondere al telefono, ma se non li fa ogni giorno rimane stordito, sospeso lontano dal suo corpo. Gli servono a ricordarsi che, nonostante tutto, è ancora vivo.

Mentre allaccia i bottoni della divisa grigia ripensa alla tuta rossa che fiammeggiava, quando rimaneva in aria, contro il fondale oro, le piccole gambe appese intorno al filo. Nel pubblico qualcuno rideva, altri si stupivano di una grazia tanto goffa. Poi era venuta la faccenda del pozzo e non c'era stato più oro, più rosso, più occhi stupiti. Solo la costante paura di cadere.

Ma i colori sgargianti non fanno che mascherare la disperazione, e allora meglio il grigio. Più onesto.

КОЛОДЕЦ НА ПЛЕЧАХ

Фонарик выскользывает из пальцев, царапает стенки. Глухой всплеск, а потом темнота. Голоса наверху отдаляются, плач в глубине делается совсем пронзительным, нечеловеческим, словно крик загнанного зверя. Руки скользят по кишасшим насекомыми заплесневелым стенкам.

Пахнет землей и гнилью, воздуха не хватает, приходится дышать чем-то тошнотворно затхлым. Ужас лижет спину холодным языком, кажется, будто все потеряно. Потом, среди холода – дрожь маленькой руки. Горло перехватывает от чего-то, похожего на радость. «Микеле! Успокойся, дыши...»

Свет режет распахнутые глаза, во рту все еще гниловатый привкус мха.

В углу комнаты хрипит старый будильник, на дверной ручке висит рабочая униформа. Джеремиа поднимается рывком, как робот.

В ванной перед зеркалом он делает упражнения на растяжку – он всегда начинал с них гимнастику, когда трудился в цирке. Бессмысленное напряжение старых мышц. Чтобы отвечать в «Темпофлексе» на звонки, упражнения не нужны, но если не делать их каждый день, он собьется, потеряет связь со своим телом. Упражнения не дают ему забыть, что, несмотря ни на что, он все еще жив.

Застегивая пуговицы на серой форме, он вспоминает, как сиял красный комбинезон, когда он повисал в воздухе на фоне золотого задника, зацепившись маленькими ногами за канат. Кто-то из публики смеялся, другие удивлялись такому неуклюжему изяществу.

Потом, в колодце, не было уже ни алого, ни золотого, ни изумленных взглядов. Только постоянный страх упасть.

Впрочем, яркие цвета всего лишь скрывают отчаяние, так что лучше пусть будет серый. Так честнее.

In cucina sua madre sta preparando un uovo e del pane tostato. Come un bambino la guarda, dal basso, torreggiare sopra di sé. Non è più la torre inespugnabile di un tempo, la percorrono crepe. È un pallido riflesso sotto la coperta di lana dura, basterebbe un cambiamento di luce a distruggerla. Prima era un rifugio, ora qualcosa da proteggere. Ma come fa a proteggerla lui?

“Come stai? Hai dormito?”.

Il figlio le sorride e si sente in colpa di non esser felice. Sul tavolo il portatovagliolo e la tazza sbrecciata di quand’era bambino. Il cuore gli si stringe e affretta i movimenti, per uscire il prima possibile. La madre si siede. “Ieri sono stata al funerale della Virginia Rebuzzini, la maestra”.

Geremia si sforza di mostrarsi interessato. “Sì, me la ricordo”.

“C’era tutto il paese... c’erano i ragazzi delle scuole che cantavano...”.

Lo sguardo vago di Geremia si fissa sul volto della madre.

“C’era Michele?”.

“No, ma ho parlato con sua madre”.

La donna si alza di scatto, per togliere l’uovo dal fuoco.

“Come sta Michele?”. La madre non guarda il figlio e risponde: “Lucia è preoccupata... l’hanno chiamata dalla scuola, hanno trovato Michele in bagno... che si drogava. Lo bocceranno ancora”.

Geremia guarda stancamente fuori dalla finestra. Un vecchio in canottiera appende le mutande sul balcone.

“Dai Geremia, è l’età della stupidera, lo sai”.

Il figlio si alza, prende il cappotto, se ne va.

Fuori il cielo è piatto come una lastra di marmo. Un bambino gli sbatte contro, correndo verso la scuola, gli occhi all’altezza di quelli del nano. Geremia non alza la testa, non lo vede scivolare via, confuso, tra gli altri bambini.

На кухне мать варит яйцо и поджаривает хлеб.

Как ребенок, он смотрит на нее снизу вверх. Мама кажется высокой, словно башня – но по стенам неприступной прежде крепости пробежали трещины.

Мама – лишь слабый отблеск под шалью из грубой шерсти; свет переменится, и она исчезнет. То, что прежде было убежищем, теперь нуждается в защите. Но он–то как ее защитит?

– Как ты себя чувствуешь? Выспался?

Сын виновато улыбается матери, ему совестно, что он не счастлив.

На столе подставка для салфеток и чашка со щербинкой – он помнит их с детства. Сердце сжимается, и Джереми ускоряет движения, чтобы как можно скорее уйти. Мама садится к столу.

– Вчера я была на похоронах Вирджинии Ребуццини, учительницы.

Джереми делает вид, что ему интересно.

– Да, я ее помню.

– Весь город пришел... Ребята из школы пели...

Рассеянный взгляд Джереми останавливается на ее лице.

– А Микеле был?

– Нет, но я говорила с его матерью.

Женщина рывком встает – снять яйцо с плиты.

– Как у него дела?

Мать отвечает, не глядя на сына.

– Лючия беспокоится... Ей звонили из школы, Микеле нашли в туалете... Он принимал наркотики. Его снова исключат.

Джереми устало смотрит в окно. Какой–то старик в майке развешивает на балконе белье.

– Ладно, Джереми! Трудный возраст, ты же понимаешь...

Сын встает из–за стола, берет пальто и выходит.

Allo spiazzo nulla è rimasto com'era. Qualche anno dopo la chiusura del pozzo ci hanno costruito sopra un'edicola.

Geremia osserva il giornalista, un fantasma fasciato nel *pile* fluorescente.

Poi alza la testa, su, a cercare il cielo tra i rami. Il noce è lo stesso di quindici anni prima. Lì sotto l'uomo della Protezione civile gli aveva detto che era l'unico a poter salvare Michele, l'unico che poteva entrare nel pozzo.

Il nano chiude gli occhi e ricorda, i volti contratti, il pianto di Lucia, l'attesa sfiibrante del paese radunato intorno al buco scuro e stretto.

Era come se ciascuno aspettasse la sua propria salvezza, dimenticata da qualche parte in fondo al pozzo, persa nel fango scuro.

Geremia aveva accettato, era giovane allora, era un acrobata, non pensava alla morte.

Fruga nelle tasche e tira fuori un ritaglio smangiato di giornale. Si guarda con ancora indosso le imbragature, in braccio Michele sporco e bagnato, stretto al suo corpo. Intorno a lui è come un'esplosione, l'estasi di Lucia, l'euforia dei presenti travolti da lacrime e abbracci.

E la sua espressione. Lo sguardo pieno di qualcosa, la bocca spalancata per lo stupore di qualcosa. Quando si guarda, in quella foto, Geremia non si riconosce.

In Tempoflex è un giorno qualunque. I clienti chiamano con le voci rotte per un ritardo, per un impianto difettoso. Usano sempre le stesse parole.

Non era questo che ci avevate promesso, dicono.

Geremia risponde calmo, meccanicamente. Un cliente si mette a urlare, lo insulta, quasi piange. Il nano pensa alle vite chiuse in quelle case, condizionate da un impianto guasto. Mentre tutta quella rabbia gli si rovescia addosso, pensa a uomini grigi e sfiniti, soli in una stanza fredda, con qualcosa che morde dentro il petto e dice: "Urla!".

Alle sei Geremia si alza e se ne va.

Небо над улицей плоское, как мраморная плита. В лилипута врезается бегущий в школу мальчишка, глаза – на той же высоте, что и глаза Джереми. Тот не поднимает головы и не видит, как мальчик, смутившись, скрывается в толпе детей.

На знакомой площадке все изменилось. Когда колодец замуровали, через несколько лет на его месте появился газетный киоск.

Джереми замечает газетчика – призрака во флисовой куртке ядовитого цвета.

Потом запрокидывает голову, ищет среди веток небо. Ореховое дерево такое же, как пятнадцать лет назад. Под этим деревом человек из службы спасения сказал Джереми, что только он сможет залезть в колодец и спасти Микеле.

Лилипут прикрывает глаза и вспоминает напряженные лица, плач Лючи, мучительное ожидание всего городка, собравшегося вокруг темного и тесного провала.

Казалось, будто каждый ждал собственного спасения, затерянного где-то на дне колодца, в бурой грязи.

Джереми согласился: тогда он еще был молод, он был канатоходцем и не думал о смерти.

Он роется в карманах и достает изжеванную газетную вырезку. Смотрит на свою фотографию – он стоит в страховочном поясе, держа на руках прижимающегося к нему, грязного и мокрого Микеле. Вокруг – словно взрыв: восторг Лючи, ликование собравшихся, потоки слез, объятия...

И его лицо. Взгляд полон чего-то неведомого, рот полуоткрыт от непонятого изумления. Когда Джереми смотрит на эту фотографию, он не узнает себя.

В «Темпофлекс» обычный день. Клиенты срывающимися голосами кричат в трубку о задержке поставок, о неисправности оборудования. Все выбирают одни и те же слова. – Вы обещали нам совсем другое, – возмущаются они.

Джереми отвечает спокойно, механически. Очередной клиент начинает орать, оскорбляет его, почти плачет. Лилипут думает о том, сколько людей заперто в четырех стенах, насколько климат их жизни зависит от исправности климатического оборудования.

Quando esce dal bar non sta più pensando a niente. Il vento gli sputa in faccia, ma il tepore del whisky lo fa sorridere. Stacca un fiore dalla siepe, per sua madre. Il fiore è piccolo e peloso nelle sue mani. Qualcosa, all'improvviso, gli ricorda che potrebbe essere felice. Ma è solo un attimo. Sorride scettico, come a una battuta.

Poi una voce dietro le spalle. "Hai una moneta?"

Geremia si volta e vede Michele. Sta seduto sul muretto, le gambe che penzolano, le pupille dilatate che navigano nel volto, senza rotta. Non guarda il nano, non lo riconosce.

Geremia si avvicina. "Michele".

Il ragazzo si riscuote e rifugia gli occhi ancora più in basso, per terra. "Ciao, scusa, non dicevo a te".

Michele è pallido, contratto in un terrore che il nano conosce. Geremia guarda in alto, cerca gli occhi di Michele che fuggono.

"Michele, cosa stai facendo?". Il ragazzo volta la testa dall'altra parte.

Geremia gli prende il volto tra le mani, inchioda il suo sguardo.

"Cosa fai?" gli chiede.

Michele inizia a piangere, si lascia andare sulla spalla del nano, inerme. Geremia gli prende la mano. Rimangono così, piangendo senza guardarsi. Per mano. Le luci iniziano a spegnersi intorno a loro e dal cielo cade una pioggia fine, senza forza.

A chi passa potrebbero sembrare due ubriachi, o due mendicanti in attesa di qualcuno.

Пока ему на голову обрушиваются потоки гнева, он думает об изнуренных серых людях, которые сидят в одиночестве в пустых и холодных комнатах и у которых внутри что-то кусается и приказывает: «Кричи!»
В шесть часов Джеремиа встает и уходит.

Когда он выходит из бара, то больше ни о чем не думает. Ветер хлещет по лицу, но от выпитого виски тепло и хочется улыбаться. Он срывает с изгороди цветок: для матери. Цветок в руках совсем маленький и пушистый. В голове проносится мысль, что он мог бы быть счастлив. Джеремиа скептически улыбается, будто в ответ на чьи-то слова.

За спиной раздается:

– Мелочь есть?

Джеремиа оборачивается и видит Микеле. Он сидит на ограде, свесив ноги, взгляд расширенных зрачков бессмысленно блуждает. Он не смотрит на лилипута, не узнает его.

Джеремиа подходит ближе.

– Микеле!

Парень вздрагивает и опускает глаза, глядит под ноги.

– Привет! Прости, это я не тебе.

У него бледное лицо, искаженное знакомым Джеремиа ужасом. Джеремиа глядит вверх, ловя ускользающий взгляд Микеле.

– Микеле, что ты делаешь?

Тот отворачивается. Джеремиа берет его лицо в ладони, смотрит в глаза. Повторяет:

– Что ты делаешь?

У Микеле текут слезы. Он беззащитно утыкается в плечо лилипута. Джеремиа берет его за руку. Так они стоят и плачут, не глядя друг на друга.

Огни вокруг постепенно гаснут, моросит мелкий дождь.

Прохожий наверняка решил бы, что перед ним двое пьяных или бродяг, которые кого-то ждут.

Nota critica

Il fatto è questo: un bambino cade in un profondo pozzo e la sua salvezza dipende unicamente dal coraggio di un nano. È così che accade: Geremia, il nano, viene imbragato e calato nel pozzo. Salverà la vita a Michele, il bambino. Ma quel momento traumatico segnerà profondamente la vita di entrambi. È come se quella caduta fosse diventata inarrestabile.

Da quella discesa nel pozzo solo i due corpi sono risaliti. In realtà il loro spirito è rimasto là sotto. Sono passati quindici anni. Il nano non è più riuscito ad affrontare gli esercizi di equilibrio del circo. La paura di cadere era diventata insopportabile. Sono passati quindici anni e il bambino è diventato un giovane uomo schiavo della droga, incapace di affrontare la vita. Dai suoi occhi traspare ancora il terrore di quel giorno. Nemmeno lui riesce più a mantenersi in equilibrio... Entrambi sono diventati un bersaglio mobile del dolore. La loro vita si è trasformata in una lunga veglia di sofferenza. Una sofferenza che vive in loro e sembra accompagnarli in ogni stagione della loro vita, qualunque sia la divisa indossata: quella del circo o quella della fabbrica.

Quel pozzo, che ha unito in un unico destino la vita di due creature, mette in evidenza la difficoltà di continuare a vivere come dei “sopravvissuti”. Quel pozzo, che ha messo due esseri umani al cospetto della profondità della propria anima, non riuscirà poi a sottrarli al sentimento della paura.

Ma qualcosa, al di là dell’angoscia e della disperazione, lascia intravedere, nonostante tutto, i bagliori di una speranza ancora possibile. Quel “qualcosa” è l’amicizia, l’unico sentimento che può lenire le ferite dell’anima, così enigmatiche, così incandescenti. Basterà forse un gesto: come lo stringere nella propria mano la mano dell’altro...

In questo racconto di Eleonora Recalcati ci troviamo di fronte a due creature “vere”. Il loro confronto quotidiano con la sofferenza apre anche in noi un lucido ragionare sulla condizione umana. Che non è possibile comprendere fino in fondo se non scendendo a patti con la vita. Solo in questo modo è possibile ascendere dalla profondità di un pozzo ai cieli della consapevolezza, per quanto dolorosa essa sia.

Flavio Ermini

Отзыв о рассказе

Ребенок падает в глубокий колодец, его спасение зависит исключительно от мужества лилипута, циркового акробата. Джеремиа надевает страховочный пояс и спускается в колодец. Он спасет жизнь ребенка, Микеле. Однако случившееся оставит глубокий след в жизни обоих. Они как будто продолжают падение в колодец.

Из колодца поднялись лишь два тела, души остались внизу. Прошло пятнадцать лет. Лилипут больше не смог работать в цирке: страх упасть сделался невыносимым. Прошло пятнадцать лет, мальчик вырос и стал наркоманом, неспособным к нормальной жизни. В его глазах по-прежнему читается ужас того далекого дня. Он тоже не в состоянии удержать равновесие.... Обоих терзает боль, жизнь превратилось в неусыпное, неутолимое страдание. Страдание, живущее в них и сопровождающее на каждом этапе жизни – неважно, что на тебе: цирковой костюм или рабочая униформа.

Колодец, объединивший судьбы двух людей, – символ того, насколько трудно быть «выжившим». Колодец заставив двух человеческих существ заглянуть в глубины своей души, но уже не сумел избавить их от страха.

Но все-таки есть нечто за гранью тоски и отчаяния, что дарит проблеск надежды. Это дружба, единственное чувство, залечивающее душевные раны – таинственные, пылающие. Достаточно малого — например, взять друга за руку...

В рассказе Элеоноры Рекалькати читатель встречается с двумя настоящими, «живыми» существами. Их ежедневное столкновение с болью позволяет явственно увидеть человеческую природу, понять которую можно только примирившись с жизнью. Только так можно подняться из колодца, из бездны, к небесам познания, как бы это ни было больно.

Флавио Эрмини

Biografia

Eleonora Recalcati (1984) vive a Cernusco sul Naviglio (Milano), dov'è nata. Dopo la laurea in Lettere moderne e filosofia presso l'Università degli Studi di Milano, ha frequentato il master in Scrittura e produzione per la fiction e il cinema all'Università Cattolica di Milano. Ha lavorato come *story editor* a Roma per la Lux Vide, seguendo la scrittura e la produzione di *fiction* per Rai Uno come *Don Matteo* e *Che Dio ci aiuti*.

Биография

Элеонора Рекалькати (1984) родилась и живет в Чернуско-сульт-Навильо (Милан). Окончила Миланский университет по специальности «Современная литература и философия», получила степень мастера по специальности «Сценарист и кинопродюсер» в Миланском Католическом университете. Работала редактором на римской телестудии «Lux Vide», участвовала в создании и выпуске каналом «Rai Uno» таких телесериалов, как «Дон Маттео» и «Да поможет нам Бог».

Ambra Simeone

Traduzione in russo di Natal'ja Gorbačjova

Амбра Симеоне

Перевод на русский язык Натальи Горбачевой

LA FAVOLA DEL GRANDE SCRITTORE

c'era una volta un grande scrittore, che era talmente grande che ogni volta che lo chiamavano per andare a parlare in un posto, dove volevano che leggesse i suoi libri, in quel posto lì, poi, tutti quanti parlavano di lui e del giorno che avrebbe letto i suoi libri.

questo grande scrittore, come era noto da sempre, fin da quando aveva scritto la sua prima pagina di narrativa, fin da quando aveva pubblicato col suo primo grosso editore, un editore di una grande città, forte dell'esperienza e del primato detenuto da decenni, era noto che non si muovesse da casa sua in quella stessa grande città, una bellissima magione degna della sua apprezzata considerazione, che non si muovesse neppure di un passo, se prima il comune di quel piccolo paese, dove si volevano leggere i suoi libri, non avesse pagato, in anticipo, un gettone di presenza di almeno cinquecento euro, con vitto e alloggio anch'essi gentilmente offerti, ma non compresi nel gettone, perché quel gettone era una cosa a parte, era solo per la presenza e null'altro, così che subito dopo, quando si leggevano le sue narrazioni, i compaesani di quel posto lì, di quel sindaco lì, così illuminato, gridavano, ah, che meraviglia, ah, che ospite d'eccezione!

dicevano così i rappresentanti che subito si mettevano in moto o in azione, o meglio scendevano in campo (sì, questa qui è la metafora più calcistica possibile, quindi va bene, non ditemi nulla, che oggi le metafore calcistiche vanno tanto di moda), che quindi allora, quei rappresentati delle associazioni di paese, poche sì, ma molto solerti quando si trattava di ospitare il grande intellettuale, a trovare sponsor e location adatte, ed erano pronte a mettere a disposizione del comune e del sindaco, tutto il loro meglio, o anche il peggio, visto che si erano date battaglia

СКАЗКА О ВЕЛИКОМ ПИСАТЕЛЕ

в некотором царстве, в некотором государстве жил да был великий писатель – настолько великий, что всякий раз, когда его приглашали выступить, почитать свои книги, в том городе только и разговоров было, что о писателе, что он, дескать, скоро приедет почитать свои книги.

а писатель этот, как всем было известно, с того дня, когда он написал первую страницу, когда впервые опубликовался у многоопытного издателя, издателя из большого города, не одно десятилетие удерживавшего пальму первенства, – так вот, как всем было известно, писатель этот никогда не выходил из дома, из своего роскошного жилища, находившегося в том же большом городе и достойного литературного величия хозяина, так вот, он не делал ни шагу, пока власти городка, пригласившего его почитать свои книги, заблаговременно не выплачивали полагающийся за выступление гонорар, ну хотя бы пять сотен евро, разумеется, проживание и питание за счет принимающей стороны, не в счет гонорара, – гонорар шел отдельно, покрывал только выступление перед читателями, зато когда со сцены звучали произведения великого писателя, жители городка и его мэр, человек весьма просвещенный, беспрестанно восклицали: «Ах, что за чудо, ах, какой у нас сегодня редкий гость!»

а вместе с ними восклицали представители всяких обществ, сразу же принимавшиеся бегать, суетиться, иными словами, сразу же выходившие на поле (ну да, это самая футбольная из всех футбольных метафор, и она здесь очень даже к месту, нечего мне возражать, сегодня футбольные метафоры в моде), – представители всяких обществ из всяких городков – немногочисленных, но чрезвычайно деятельных обществ, особенно, когда речь шла о том, чтобы принять выдающегося интеллектуала, найти спонсоров, подыскать место для выступления, – деятельные общества готовы были предоставить в

fino al giorno prima, ma ora invece tutte unite per un unico fine, tutte a mostrare il loro lavoro, pitture, musiche e fotografie, pronte da usare per accompagnare l'evento culturale dell'anno, uno all'anno, con tanto di nomi, firme, loghi e marchi, che mentre la scena maestra era tutta per il grande romanziere, almeno il retroscena poteva cadere su di loro, sulle quattro piccole associazioni indigene, come si diceva nei telegiornali locali, che si erano date così tanto da fare, perché era davvero, davvero importante mostrarsi così, in questo modo o in qualunque altro, pur di rientrare nel mondo dell'arte che conta, così dicevano i rappresentanti di queste associazioni locali, di quel posto lì.

e lo gridavano tutti in coro anche i paesani, ah, che meraviglia, ah, che ospite d'eccezione, che magari per i grandi eventi di cultura quell'anno lì, il sindaco aveva speso in tutto trecento euro, mentre il resto del gettone lo avevano trovato le associazioni con gli sponsor dei negozi del paese, ma solo per quel grande autore, e poi più nulla, che in fondo quello là, era il solo e unico evento del paese e così tanto atteso dalla cittadinanza, e ne era consapevole, il sindaco, che quel grande scrittore sarebbe stato amato da tutti, persino dai bambini, perché studiare Pirandello o Montale, in quella scuola di quel paesotto lì, in un vecchio edificio non ristrutturato risalente alla metà degli anni sessanta, forse quei bambini, di studiare quella roba lì, in quell'antico e non ristrutturato edificio, con le crepe sui muri e i balconi fatiscenti che disseminavano bocconi di fascinoso e antico marmo, risalenti a quei magnifici e mai dimenticati anni sessanta, un po' forse si erano stancati, e invece lui che spettacolo che aveva organizzato, questo bravo sindaco!

si diceva persino che per giorni e giorni, ovunque andasse il grande narratore, tutti lo chiamassero nostro, e non perché fosse davvero loro, né perché avessero la minima intenzione di approfittarsi della sua eccessiva gentilezza e disponibilità, ma solamente per una forma di deferenza, un po' come si ci dà del *signore* tra sol-

распоряжение мэра и городской управы все самое лучшее, а, если надо, и самое худшее, ведь до вчерашнего дня они яростно воевали друг с другом, зато теперь сплотились во имя единой цели, всем не терпелось продемонстрировать свои достижения, картины, музыку, фотографии – все, что можно приурочить к проведению главного культурного события года, такое бывает раз в году, – сколько имен, подписей, логотипов, марок! – пока на сцене царствовал великий романист, весь задний план занимали они, четыре мелкие городские общества, которые, как подчеркнули в новостях на местном телевидении, развили бурную деятельность, потому что им было важно, действительно важно показать себя хоть с какой-то стороны, лишь бы, как выражались представители этих обществ, представители городка, пробиться в мир большого искусства.

«ах, что за чудо, ах, какой у нас сегодня редкий гость!» – хором подхватывали местные жители, ведь в том году мэр потратил на большие культурные события от силы триста евро, недостающую часть гонорара собрали общества, упростили хозяев местных магазинчиков выступить спонсорами, – только ради великого писателя, потом у вас никто ничего не попросит, – истинная правда, потому что приезд писателя был единственным культурным событием, которого ждал весь город, и как было мэру не знать, что великого писателя непременно полюбят все, даже дети, потому что проходить Пиранделло и Монтале в местной школе, в старом, давно не ремонтировавшемся здании середины шестидесятых, детям, которые проходили этих авторов в старом, давно не ремонтировавшемся здании с потрескавшимися стенами, с балконами, которые того и гляди обрушатся, которые тоже появились в славные и незабываемые шестидесятые и с которых то и дело отваливались куски пленительного древнего мрамора, порядком надоело, зато мэр, какой же он у нас молодец, устроил всем настоящий праздник!

говорили даже, что в течение долгого времени, куда бы ни приехал великий прозаик, все называли его «нашим»: не потому, что он на самом деле был «их», и не потому, что

dati, soprattutto nei film americani, così che sembrava davvero uno di loro, sembrava, e a tutti faceva un po' piacere sembrare un caro amico o un parente di quel grande scrittore, perché diventava davvero uno di loro, cioè un po' di tutti, e un po' di nessuno, però non ditelo mai ad anima viva, che uno dei suoi più cari e fidati amici, di quelli veri, non di quelli inventati, mi disse un giorno in estrema confidenza e quasi in confessione che, alle volte, al gran letterato, lo indisponeva un po' questa invadenza da parte di tutti, questa dimostrazione inspiegabile di affetto, che sentiva troppo esagerata, magari contraffatta, così pensava, per cui molti sindaci di molti paesotti, molte associazioni e molti cittadini, dove lui aveva letto i suoi libri, si volevano far grandi anche loro vicino al primo affabulatore, quasi che si sentissero un po' tutti quanti scrittori, un po' tutti quanti critici, insomma un po' tutti quanti migliori di quel che erano veramente.

e questo non stava molto bene pensai, pensai così d'un tratto che alla stregua di questa offesa, fatta al gran letterato, di essere così invidiato e così apprezzato, di creare così tante aspettative e sogni, ma con così grande invadenza e intraprendenza, alla stregua di tutto ciò, forse, e dico forse, sarebbe stato meglio non invitarlo proprio a prendersi quel gettone e quel vitto e quell'alloggio, in quei paesotti di provincia, dove tutti sono un po' peggiori di quello che sono, e che volevano solo rubargli la scena, benché tutto ciò fosse dovuto all'ignoranza di certo, e di non perder tempo con questi sindaci e curati di campagna, che abbiamo capito che vogliono solo farsi belli assieme a lui, e su di lui, cercando di dividersi la sua fama, la sua solo, per sentirsi migliori di quello che sono.

ma d'altronde cosa poteva fare, il magnanimo scrittore? rifiutarsi di fronte a così tanti e solerti inviti, richiesti con così tanta gentilezza e competenza, ma soprattutto così ben pagati? neanche per sogno, negare tutto questo, a quei contadinotti, a quei ragazzi di provincia che tanto ambivano a diventar famosi, un giorno o l'altro

те, кто так его называл, намеревались злоупотребить его расположением и чрезвычайной любезностью, а просто–напросто из почтения, как военные, особенно в американских фильмах, которые обращаются друг к другу «господин офицер»; так он и вправду казался одним из них, и всем было приятно казаться его приятелями или родственниками, потому что он на самом деле будто становился одним из них, принадлежал всем и никому в отдельности, но (обещайте, что никогда не поведаете этого ни одной живой душе!) однажды один из его самых верных и преданных друзей, один из настоящих, невыдуманных друзей, рассказал мне по большому секрету, можно сказать, признался, что порой великого писателя раздражает вмешательство в его жизнь, всеобщее необъяснимое проявление любви, казавшейся ему преувеличенной, неискренней, ведь весь эти мэры, все общества и жители городков, где ему доводилось читать свои книги, только и мечтали урвать кусочек славы рядом с величайшим из прозаиков, словно все они ощущали себя немного писателями, немного критиками, в общем, становились лучше, чем были на самом деле.

и тогда я подумал, что это нехорошо, я вдруг подумал, что раз уж к нему, к великому писателю, так относятся, раз ему дают понять, что боготворят его, завидуют ему, раз встреча с ним порождает честолюбивые мечты и ожидания, раз люди ведут себя нахально и бесцеремонно, раз уж к нему так скверно относятся, так его обижают, может быть (может быть!), лучше вообще не заманивать его гонорарами, обещанием оплатить проживание и питание в провинциальные городишки, где все люди хуже, чем пытаются казаться, и все они, пусть и по невежеству, мечтают лишь о том, чтобы на них обратили внимание, и вовсе не стоит терять время на мэров и сельских священников, которых, как мы уже поняли, хлебом не корми – дай покрасоваться рядом с писателем, за его счет, разделить его славу, хотя это его личная слава, но им так хочется казаться самим себе лучше, чем они есть на самом деле.

а, с другой стороны, что же было делать нашему великодушному писателю? отвергать

con quella scrittura così imberbe? o semplicemente perché erano stati a cena con lui? no, no, era meglio tirare avanti e far regalo di sé agli altri, seppur con qualche riserva, mi aveva detto uno dei più cari amici, di quelli veri e non di quelli inventati del grande, grandissimo scrittore.

ma che gran signore, quest'uomo magnanimo, un uomo di cultura con la C maiuscola, che stavolta avevo persino pensato che fosse un po' meno simile a quel *signore* che ci si dà tra soldati, e più vicino a quello dei tempi andati, che ci si dava tra uomini anch'essi andati da tempo, e che durante gli eventi culturali, uno all'anno come aveva ben programmato il sindaco assieme al curato, incantava gli spettatori, e faceva sognare gli insegnanti dei gruppi scuola, con i bambini che in quell'occasione non mancavano di esser ripresi come fossero nel mentre di una lezione di classe, bambini vedete che vocaboli sta usando il *nostro* grande scrittore? prendete nota che domani vi interrogo, diceva l'insegnante, presa subito da un moto di autorevolezza, a dover istruire quelle menti ancora così vuote, ma che prima di allora aveva sempre considerato abbastanza piene, invece quel giorno proprio no, perché forse, e dico forse, quel giorno, lei, si sentiva come tutti gli altri, e cioè migliore di prima.

ma che soddisfazione vedere il primo cittadino così indaffarato a organizzare ogni minimo particolare, le cene, il pernottamento, il gettone, l'unico gettone dell'anno, che bellezza vederlo così presente tra le genti, lui che adesso promuoveva il suo evento, il più bello mai organizzato dalle altre amministrazioni precedenti, ah, sì com'era impegnato adesso, tanto che alcuni cittadini si erano finalmente rincuorati a vederlo vivo e vegeto camminare per strada o alla tv locale, a promuovere l'evento con al seguito la buona presenza del gran personaggio perché, caso strano, il sindaco si era dato per morto tutto l'anno, proprio quando chiedevano di lui in comune, che c'erano certi affari che proprio non ricordava, ma che inve-

многочисленные, настойчивые приглашения, в которые вложено столько стараний, столько любезности, столько умения, и которые, главное, хорошо оплачивались? ни за что на свете! как же можно отказать бедным жителям захолустья, провинциальным мальчишкам и девчонкам, страстно желающим когда-нибудь стать знаменитыми, прославиться своими коряво написанными рассказами? Или прославиться тем, что однажды им посчастливилось поужинать с великим писателем?.. нет, нет, он обязан тянуть лямку, дарить себя другим, может, не так самоотверженно – вот что сказал мне один из самых близких друзей великого, величайшего писателя, один из настоящих, а не поддельных друзей.

что за редкий человек, благородный, великодушный, настоящий деятель культуры, – теперь мне кажется, что он похож не столько на «господ офицеров» из американских фильмов, а на героя былых времен, на благородных господ, каких нынче не сыскать, на тех, кто во время праздников культуры, раз в год, как и планировали мэр с местным священником, зачаровывал публику, пробуждал мечты в сердцах школьных учителей, которые одергивали детей, словно на уроке, и говорили: «Слышите, дети, какие слова использует наш великий писатель? Записывайте, завтра устроим опрос», – так и сказала учительница, внезапно осознавшая, что ее долг – просветить незрелые умы, наполнить знаниями головы, которые прежде вовсе не казались ей пустыми, но в тот день все изменилось, наверное (хотя это не более чем предположение), в тот день она почувствовала то же, что и все остальные, почувствовала, что стала чуточку лучше, чем прежде.

ах, что за удовольствие видеть, как первое лицо города самолично следит за мельчайшими деталями – ужин, гостиница, гонорар, единственный гонорар, выплаченный мэрией за целый за год, как чудесно видеть мэра в толпе, занятого организацией мероприятия – такого мероприятия, какое его предшественникам и не снилось, ах, сколько у него забот, да и горожане повеселели, увидев, как бодрый, цветущий мэр вышагивает по улице или выступает по местному телевидению, занимается организацией меро-

ce i cittadini avevano ben memorizzato e a cui, non si sa bene perché, tenevano molto di più che all'arrivo dell'unico evento culturale dell'anno.

pazienza, ora dovevano aspettare tutti, le ore, i minuti e i secondi, di tre giornate, tre in tutto, che erano dedicate all'ospitalità da riservare al grande autore, altrimenti che figura ci facevano con tutta la cittadinanza? che importava se poi il letterato si faceva attendere, coccolare, vezzeggiare, lusingare e poi dopo li considerava un po' tutti ignoranti, invadenti, questi paesani? almeno quei giorni lì si sentivano tutti più importanti, persino la ragazza che penna alla mano si faceva autografare il libro che aveva letto, e nel frattempo gli regalava quello che lei aveva scritto e pubblicato con un piccolo, piccolissimo editore.

e l'intellettuale, grande sì, ma forse un po' snervato, le aveva firmato la copia, e aveva di certo gradito il libro dicendole che sì, lo avrebbe letto e le avrebbe fatto sapere cosa ne pensava, appena avesse avuto del tempo, che importava se fosse passato un mese o un anno? la ragazza era sempre lì, in quel paesotto che amava e odiava, e pensava a quando il grande erudito le aveva dedicato il suo libro, dicendo a tutti in paese che lui aveva la copia del suo di libro, e che lo stava leggendo attentamente, perciò quando le chiedevano, ti ha scritto? che ne pensa del tuo romanzo? lei continuava a dire, a quei contadinotti di paese, che ci voleva certo del tempo per capire bene la sua storia, e che lui a breve si sarebbe fatto sentire, dopotutto era un uomo impegnato, che il tempo gli era prezioso.

приятия, и, наконец, с достоинством представляет народу выдающегося гостя, потому что (вы не поверите!) целый год мэр не подавал признаков жизни: как ни спросят о нем в мэрии – ни слуху, ни духу, а ведь были и важные дела, которые вылетели у него из головы, но горожане – то о них не забывали, и, как ни странно, для них эти дела были куда важнее, чем приближение единственного культурного события за целый год.

что поделаться, теперь уж придется подождать, пока пройдут часы, минуты, секунды, оставшиеся до конца этих трех дней, всего трех дней, пока город занят приемом великого писателя, а иначе что подумают люди о тех, кто добивается встречи с мэром? ну и что, что писатель заставляет себя ждать, баловать, холить и лелеять, упрашивать, и после все равно считает горожан назойливыми и невежественными провинциалами? Зато на протяжении трех дней они чувствовали себя важными, даже та девушка с авто-ручкой, попросившая великого писателя подписать ей книгу, которую она прочитала, а после подарившая ему собственную книжку, опубликованную в маленьком, совсем маленьком издательстве.

писатель – по-прежнему великий, но почти обессиленный, подписал ей книгу и, разумеется, благосклонно принял подарок, пообещав, что как только найдется минутка, он непременно прочтет ее книжку и поделится впечатлением; с того дня прошел месяц, потом год, ну и что? Девушка так и живет себе в любимом и ненавистном родном городке, вспоминая, как выдающийся эрудит подписал ей книгу, и рассказывая всем вокруг, что и у него есть экземпляр ее книжки, что он ее вдумчиво читает; а когда ее спрашивают: «Ну что, написал он тебе? Понравился ему твой роман?» – она неизменно отвечает темным жителям захолустья, что разобраться в написанной ей истории не-просто, но скоро писатель непременно ответит, все-таки он человек занятой, и времени у него в обрез.

Nota critica

Inizia con un “c’era una volta” questo racconto di Ambra Simeone. Proprio come nelle favole. Ma subito dopo questo *incipit* non appare un principe settecentesco, bensì un “eroe” del nostro tempo: lo scrittore di successo chiamato a dar vita al solito rituale: la presentazione del suo ultimo libro, la firma sul frontespizio, il ritiro del gettone di presenza. Non manca, in questa moderna favola, la ragazza che ricopre il ruolo di Cenerentola: una ragazza che dona al “grande intellettuale” il proprio libro, pubblicato con un piccolo editore, per avere un suo parere.

È la fiera delle illusioni e dell’apparenza quella che qui va in scena. Lo scrittore si affida all’illusione di essere “grande”; il sindaco, di essere un oculato amministratore del bene pubblico; gli sponsor dell’evento, di essere divulgatori di cultura; i ragazzi, di diventare un giorno “grandi scrittori” pure loro.

Il cielo è ormai vuoto, privo di eternità, di salvezza, di festa. L’unica aura festiva dei nostri tempi pare essere la vanità del successo. I nostri comportamenti sono sempre meno dettati dalla forza della necessità e della grazia, e sempre più condizionati dall’apparenza. Ognuno di noi rivendica un anacronistico diritto al *successo*, elemento così seducente agli occhi degli ingenui (come la ragazza) o dei troppo furbi (come il sindaco)!

Lo sguardo che Ambra Simeone getta su questo mondo illusorio è lucido e disincantato. Il suo sguardo non si limita a conoscere la verità (il “grande scrittore”, per esempio, non va nel piccolo paese di provincia per amore della cultura, ma unicamente per il “gettone di presenza”), il suo sguardo indaga anche nel profondo degli istinti e della grettezza umana per individuare un barlume di giustizia e di bontà. Chissà, sarà forse in quella scuola, in quel vecchio e non ristrutturato edificio, con le crepe sui muri e i balconi fatiscenti, forse lì, grazie allo studio di Pirandello e di Montale, potrà formarsi una nuova coscienza, quella che a un certo punto inaspettatamente nel racconto dice “io” (“e questo non stava molto bene pensai, [...] di creare così tante aspettative e sogni”) e dicendo “io” cerca di dire la verità.

Flavio Ermini

Отзыв о рассказе

«В некотором царстве, в некотором государстве», – так начинается рассказ Амбры Симеоне. Настоящая сказка. Однако на этот раз взору читателя предстанет не принц из восемнадцатого столетия, а «герой нашего времени»: успешный писатель, которого приглашают совершить литературный ритуал – представить свою последнюю книгу, подписать экземпляр, получить гонорар. Есть в этой современной сказке и героиня, играющая роль Золушки: девушка, преподносящая в дар «великому писателю» в надежде узнать его мнение собственную книжку, опубликованную в маленьком издательстве.

Происходящее на сцене – ярмарка иллюзий, напускного. Писатель верит в иллюзию собственного «величия», мэтр – в то, что он ловко распоряжается городским бюджетом, спонсоры – в то, что они помогают культуре, дети – в то, что когда-нибудь и они станут «великими писателями».

Небеса опустели: исчезли вечные ценности, спасение, праздник, ведь в наши дни праздник связан лишь с тщеславием успеха. Наши поступки все реже диктуются долгом или любовью, все чаще – стремлением произвести впечатление. Каждый из нас отстаивает анахроничное право на успех, столь соблазнительный для людей наивных (как юная писательница) или хитрых (как мэтр).

Взгляд Амбры Симеоне на этот иллюзорный мир – ясный и трезвый. Она не только рассказывает правду (например, о том, что «великий писатель» едет в маленький провинциальный городок не из любви к культуре, а за гонораром), но и заглядывает глубже, в мир инстинктов, в бездну человеческой убогости, надеясь увидеть проблески справедливости и доброты. Кто знает, может быть, в провинциальной школе, «в старом, давно не ремонтировавшемся здании с потрескавшимися стенами и балконами, которые того и гляди обрушатся», в школе, где проходят Пиранделло и Монтале, появится человек с новым взглядом, тот, кто внезапно произносит «я» («и тогда я подумал, что это нехорошо (...) раз встреча с ним порождает честолюбивые мечты и ожидания») и, говоря от первого лица, скажет правду.

Флавио Эрмини

Biografia

Ambra Simeone (1982) vive a Monza, dove lavora. Laureata in Lettere moderne, ha conseguito la specializzazione in Filologia moderna. Tra le sue raccolte poetiche: *Lingue Cattive* (2010), *Ho qualcosa da dirti - quasi poesie* (2014). Del 2013 è la raccolta di racconti *Come John Fante... prima di addormentarmi*. Ha curato un progetto multi-antologico attorno al tema della scrittura: *Scrivere un punto interrogativo* (2014). Suoi testi sono apparsi su riviste letterarie e antologie.

Биография

Амбра Симеоне (1982) живет и работает в Монце. Окончила филологический факультет университета по специальности «Современная филология». Выпустила несколько поэтических сборников, а том числе «Злые языки» (2010), «Я должна тебе кое-что сказать – почти стихи» (2014). В 2013 году опубликовала сборник рассказов «Как Джон Фанте... перед тем, как уснуть». Редактор сборника «Поставить вопросительный знак» (2014), посвященного литературному творчеству. Публиковалась в литературных журналах и антологиях.

Noemi Turino

Traduzione in russo di Anna Petrova

Ноэми Турино

Перевод на русский язык Анны Петровой

IL GIOCO DELLA LIBERTÀ

Alla nascita venivi condotto al tempio e i Fabbri ti facevano un tatuaggio sulla caviglia, che nessuno doveva mai vedere. A questo scopo ti applicavano un anello di metallo, di cui solo loro avevano la chiave. Man mano che crescevi, quando l'anello diventava stretto, i Fabbri ne mettevano uno più largo.

Compiuti i diciassette anni dovevi prendere parte alla *festa delle catene*, durante la quale avrebbero rimosso la catena dalla tua caviglia, imponendoti un futuro che non potevi scegliere: avresti sposato un ragazzo nato il tuo stesso anno, con lo stesso tatuaggio. In caso di disparità qualcuno sarebbe rimasto solo.

La festa era iniziata e quell'anno toccava anche a me e a León parteciparvi.

I Fabbri giravano tra noi e aprivano le serrature, svelando i tatuaggi.

I maschi erano in un'altra stanza, chissà se León aveva già visto il suo.

Ci amavamo da prima di sapere cosa fosse l'amore. I grandi ci avevano guardato con indulgenza, poi con angoscia: era improbabile che i nostri tatuaggi coincidessero ed era già arduo amare qualcuno d'imposto, senza qualcun altro da dimenticare.

Esisteva un inchiostro che non si cancellava dal metallo, ma non si poteva usare sulla pelle, perché la bruciava. Secoli prima una ragazza, quando le avevano tolto la catena, aveva dipinto un sole sul proprio tatuaggio. Nell'altra stanza il suo amato avrebbe fatto lo stesso. Avevano perso la gamba ed erano finiti nel palazzo delle torture.

ИГРА В СВОБОДУ

Вскоре после появления на свет тебя отводили в храм, и кузнецы делали тебе на лодыжке татуировку, которую никто не должен был видеть. Для этого поверх нее надевали металлический обруч, ключом от которого лишь кузнецы и владели. Ты рос, обруч начинал давить, и тебе надевали новый, пошире.

Достигнув семнадцатилетия, ты должен был принять участие в Празднике оков: тебе снимали с лодыжки цепь и назначали будущее, которое ты не имел права выбирать. Тебе предстояло выйти замуж за юношу, родившегося в тот же год, что и ты, с такой же татуировкой. Если юношей и девушек было не поровну, кто-то оставался один.

Праздник начался, в этом году пришел черед участвовать в нем нам с Леоном.

Кузнецы расхаживали между девушками, отмыкали замки, обнажали татуировки.

Юноши были в другом зале, и я не знала, успел ли Леон увидеть свою татуировку.

Мы любили друг друга еще до того, как узнали, что такое любовь. Взрослые поначалу смотрели на нас снисходительно, потом – обеспокоенно: было почти невероятно, чтобы наши татуировки совпали. И так-то непросто любить того, кого тебе навязывают, а когда есть кого забывать – и подавно.

Существуют такие чернила, которые не стираются с металла, но их нельзя использовать на коже – они ее разъедают. Сотни лет назад одна девушка, когда ей сняли цепь, нарисовала поверх своей татуировки солнце. В соседнем зале ее возлюбленный сделал то же самое. Оба остались без ноги и угодили во дворец пыток.

В семь лет Леон нарисовал этими нестираемыми чернилами две одинаковых звезды: одну на своем металлическом обруче, другую – на моем. «Под ними будут одинаковые татуировки, вот увидишь».

Каждый раз, когда нам меняли цепи, он снова рисовал звезду, и поэтому, когда кузнецы сняли с меня обруч, я не сомневалась, что и вправду увижу ее у себя на лодыжке. Я опустила взгляд, сердце забилося...

A sette anni León, con quell'inchiostro indelebile, aveva disegnato due stelle uguali: una sul suo anello di metallo, l'altra sul mio. «Sotto ci sarà lo stesso tatuaggio, vedrai».

Ogni volta che avevano cambiato le nostre catene lui aveva ridisegnato la stella, così, quando i Fabbri sfilarono il mio anello, credetti davvero di trovarla sulla mia caviglia.

Abbassai lo sguardo, il cuore batté...

... Ma c'era un falco.

Tolte le catene, i Fabbri ci portavano nell'arena, una per volta.

Lì avremmo incontrato il ragazzo con il tatuaggio uguale al nostro.

Il tempo scorreva lento, León era già stato chiamato?

Pregai per un falco sulla sua caviglia...

Mi scortarono nell'arena, un ragazzo mi fissò.

Non importa se sarebbe stato un buon marito: non era León.

«Roy» si presentò.

Balbettai un «Mika».

Ci accostammo al tavolo delle sfere: ognuno di noi avrebbe estratto un mestiere per il futuro dell'altro. Mi ero sempre detta che anche il lavoro peggiore sarebbe stato accettabile, annunciato da León.

Roy afferrò una sfera, l'aprì e lesse: «Medico».

Guardai le sfere: come potevo scegliere, seppur casualmente, il destino di un altro?

Ne presi una.

«Pescivendolo» dissi.

Mi guardò in un modo che non presagiva un matrimonio felice.

Il parolaio era una strada su cui erano incise le parole e il loro significato. Dovevi percorrerlo tutto, nei diciassette anni prima del-

... Но там был сокол.

Сняв оковы, кузнецы выводили нас на арену, по одной.

Там мы встречали юношей, у которых были такие же татуировки.

Время текло медленно. Леона уже вызвали?

Я молилась, чтобы и у него на лодыжке был сокол.

Меня вывели на арену. Какой-то юноша уставился на меня.

Неважно, будет ли он хорошим мужем, – это был не Леон.

– Рой, – представился он.

Я пробормотала:

– Мика.

Мы подошли к столу сфер: каждому полагалось определить для другого будущую профессию. Я всегда говорила себе, что соглашусь на самую скверную работу, если ее объявит Леон.

Рой взял одну из сфер, открыл ее и прочел:

– «Врач».

Я глядела на сферы: как я могу, пусть и случайно, выбрать судьбу другого?

Я взяла сферу.

– «Торговец рыбой», – произнесла я.

Его взгляд не предвещал счастливого брака.

Словесня – это такая дорога, на которой выбиты слова и их значение. Нужно было пройти ее всю за семнадцать лет, до праздника, иначе грозили пытки. На первом километре кузнец прицеплял тебе к обручу на лодыжке первое звено цепи. На последующих километрах другие кузнецы пересчитывали звенья – удостовериться, что ты прошел всю дорогу, и надставляли цепь.

Мы с Леоном всегда проходили эту дорогу вместе. В тот день, когда мы обнаружили единственное слово, у которого не было соответствия в действительности, у Леона еще не прорезалась щетина.

la festa, o avresti subito torture. Al primo chilometro un Fabbro attaccava all'anello sulla tua caviglia il primo pezzo di una catena. Nei chilometri successivi altri Fabbri avrebbero contato gli anelli, per assicurarsi che avessi percorso la strada fino a lì, e avrebbero allungato la catena.

Io e León l'avevamo sempre percorso insieme. Non gli era ancora cresciuta la barba il giorno in cui scoprimmo quell'unica parola che non trovava riscontro nella realtà.

«Che parola stramba» disse. «L'hai mai sentita?».

Mi avvicinai.

Libertà.

Condizione di chi non è soggetto al dominio dell'autorità altrui, e ha facoltà di agire a suo arbitrio, senza subire limiti nella volontà.

«Questa cosa non esiste» osservai. «Perché c'è una parola per descriverla?».

«Se tu fossi libera» disse León «che faresti?».

«La libertà non esiste» replicai.

«Ma se esistesse?» insisté.

Sospirai. «Sceglierei un lavoro che mi piace».

«Se fossi libero» disse lui «passerei tutta la vita con te».

«È quello che farei anch'io» assicurai. «Non l'ho detto perché lo faremo anche se non siamo liberi. Abbiamo lo stesso tatuaggio, no?».

Annuì, felice. «Mika?».

«León?».

«Se facciamo spesso questo gioco... questa parola inizierà a esistere?».

Da quel giorno, sul parolaio, discutevamo ciò che avremmo fatto, se fossimo stati liberi. Era un gioco doloroso, ci mostrava cose che non avremmo vissuto.

– Какое странное слово, – сказал он. – Ты его когда-нибудь слышала?

Я подошла поближе.

Свобода.

Состояние неподчиненности чужой власти, возможность действовать по собственному усмотрению без ограничения воли.

– Так не бывает, – заметила я. – Зачем тогда слово, чтобы это описывать?

– Будь ты свободна, – сказал Леон, – что бы ты сделала?

– Свободы не бывает, – повторила я.

– Но если бы она была? – настаивал он.

Я вздохнула.

– Выбрала бы работу по душе.

– Будь я свободен, – сказал он, – я бы прожил всю жизнь с тобой.

– Я тоже, – заверила я. – Я этого не сказала, потому что так все и будет – и без свободы.

У нас же одинаковые татуировки, правда?

Он радостно согласился.

– Мика?

– Леон?

– Если будем почаще так играть... это слово появится в действительности?

С того дня, шагая по Словесне, мы обсуждали, что бы стали делать, будь мы свободны.

Это была мучительная игра – она показывала, чего нам не суждено прожить.

Но пока мы играли, перед нами открывались безграничные возможности.

На следующий день после праздника мы с Леоном поднялись на холм бабочек.

Единственное место, где за нами не наблюдали, но сюда почти никто не ходил – гиблое место.

На холме было много цветов, но, вопреки названию, ни одной бабочки.

Зато здесь была каменная арка, которая никуда не вела. Если пройти под ней, превратишься в бабочку и улетишь.

Mentre lo facevamo, però, si aprivano infinite possibilità.

Io e León salimmo sulla collina delle farfalle, il giorno dopo la festa. Era l'unico luogo non sorvegliato, ma quasi nessuno ci andava: era un luogo letale.

C'erano tantissimi fiori ma, nonostante il nome, nessuna farfalla.

C'era, invece, un arco di pietra che non portava da nessuna parte: se l'attraversavi ti trasformavi in una farfalla e volavi via.

Nel cielo spuntava una clessidra e, dopo ventiquattro ore, la farfalla tornava indietro, morta.

León rise. «Tu almeno avrai un impiego prestigioso, io sarò un becchino».

Parlammo dei nostri futuri lavorativi perché non potevamo accettare che, sulle nostre caviglie, fosse scritto qualcosa di diverso da quanto era scritto nei nostri cuori.

«Chissà che succede in quelle ventiquattro ore» dissi.

Lui si girò. «Come?».

«Se attraversi l'arco, dopo ventiquattro ore sei morto, ma se quelle ventiquattro ore valessero più di tutte le ore che possiamo vivere qui?».

Mi abbracciò. «Ventiquattro ore tutte per noi... non tentarmi».

Sospirai. «Potrebbero essere ventiquattro ore di torture».

Mi guardò negli occhi. «Se fossi libero ti bacerei».

Fissai l'arco. «E se potessimo esserlo?».

Anche lui guardò l'arco.

Feci un passo avanti, mi fermò.

«Aspetta» sussurrò. «Potremmo morire...».

Fu la nostra prima vera scelta: un bacio.

В небе появлялись песочные часы, и спустя сутки бабочка возвращалась – мертвая.
Леон засмеялся.

– Тебя хотя бы престижная работа ждет, а я стану могильщиком.

Мы говорили о наших будущих профессиях – не в силах смириться с тем, что начертанное у нас на лодыжках не совпадало с начертанным в сердце.

– Кто знает, что происходит в те сутки, – сказала я.

Он обернулся.

– Что?

– Если пройти под аркой, через сутки ты умрешь, но вдруг эти сутки стоят дороже всех дней, прожитых здесь?

Он обнял меня.

– Целые сутки для нас одних... Не искушай меня.

Я вздохнула.

– Может, это целые сутки пыток.

Леон заглянул мне в глаза.

– Будь я свободен, я поцеловал бы тебя.

Я пристально смотрела на арку.

– А если бы мы были свободны?

Он тоже глянул на арку.

Я шагнула вперед. Остановилась.

– погоди, – прошептал он, – мы можем погибнуть...

Это был наш первый настоящий выбор: поцелуй.

Потом, держась за руки, мы прошли под аркой: теперь, зная, что такое свобода, мы бы не стали жить в мире, где свобода была пустым звуком.

Не отпуская руку Леона, я открыла глаза: мы стояли на холме, по другую сторону арки. Недалеко от города, которого прежде не было.

– Добро пожаловать, – услышался голос.

Poi, tenendoci per mano, attraversammo l'arco: ora che sapevamo cos'era la libertà, non avremmo vissuto in un mondo in cui era solo una parola.

Con la mano di León stretta alla mia, aprii gli occhi: eravamo sulla collina, dall'altra parte dell'arco. Poco distante una città che prima non c'era.

«Benvenuti» disse una voce.

Ci voltammo, era un vecchio.

«Visitate la città, ma prima che la clessidra si sia svuotata, dovrete tornare qui» disse. «Lo promettete?».

Annuimmo e corremmo verso la città, dove una donna ci fece scegliere dei vestiti, per poi chiederci che cosa volessimo mangiare e come avremmo trascorso la giornata. Non eravamo abituati a tutte quelle decisioni, nella nostra città i vestiti erano uguali, i pasti prestabiliti e le giornate programmate.

Per strada la gente si teneva per mano con spontaneità.

«Si amano tutti, qui?» chiesi.

La donna annuì. «Non siamo obbligati a sposarci, lo facciamo se ci va».

Due uomini, su un muretto, si baciavano.

«Sono entrambi maschi» osservai.

Lei annuì. «Lo trovi sbagliato?».

«Dalle mie parti non è consentito» dissi, poi li guardai: erano felici, come me e León. «Ma si amano, non può essere sbagliato».

León sospirò. «Vorrei vivere qui».

«Sei libero di farlo» replicò la donna.

Quella notte potemmo fare l'amore senza rendere conto a nessu-

Мы обернулись – и увидели старика.

– Сходите в город, но прежде, чем высыплется песок, вы должны вернуться, – сказал он. – Обещаете?

Мы кивнули и побежали к городу, где какая-то женщина предложила нам выбрать одежду, а потом спросила, что нам хочется съесть и как провести день. Мы не привыкли принимать подобные решения: у нас в городе вся одежда была одинаковая, еда – предписанная, а дни – спланированы за нас.

На улице люди держались за руки, просто так.

– Здесь все друг друга любят? – спросила я.

Женщина кивнула.

– Мы не обязаны жениться. Только если захочется.

Двое юношей целовались, сидя на парапете.

– Они оба мужского пола, – заметила я.

Она кивнула.

– По-твоему, это неправильно?

– У нас так нельзя, – сказала я и посмотрела на них. Они были счастливы, как мы с Леоном. – Но они любят друг друга, значит, это не может быть неправильным.

Леон вздохнул.

– Я бы хотел здесь жить.

– Ты волен так и поступить, – ответила женщина.

Той ночью мы занимались любовью, не отчитываясь ни перед кем, – и впервые были по-настоящему счастливы. Пока Леон спал, прижимая меня к себе, я глядела на песочные часы.

Что будет с нами, когда истечет время?

Мы направились к холму.

– Давай не пойдем, – предложил Леон. – Откуда нам знать, что там у старика на уме, а мы здесь будем счастливы.

no; per la prima volta fummo davvero felici. Mentre lui dormiva, tenendomi stretta, guardai la clessidra.

Quando il tempo fosse scaduto, che ne sarebbe stato di noi?

Ci incamminammo verso la collina.

«Non andiamo» propose León. «Non sappiamo che vuole il vecchio, saremo felici qui».

«Ci ha offerto le ore più belle della nostra vita» risposi. «Abbiamo promesso di tornare».

«Ma siamo liberi, possiamo decidere di non farlo» disse.

«È l'unica regola che ci ha dato, León».

Si fermò. «Sono stanco delle regole!» urlò.

Lo guardai: l'amavo, ma sarei tornata sulla collina.

Proseguì.

«Se fossi stato libero, avrei trascorso la vita con te» gridò. «Perché ora che lo sono, non posso farlo?».

«Forse la libertà è più complicata di quel che dice il parolaio» tentai. «Forse essere liberi comporta scelte difficili».

Mi rincorse, afferrò la mia mano. «Non voglio la libertà, se non è con te».

Proseguimmo fino alla collina.

«Vogliamo vivere qui» disse León.

Il vecchio guardò l'arco. «È una vostra scelta: se saltate nell'arco, tornerete nella vostra città. Se non lo fate, rimarrete in questa».

Schiocò le dita, di fronte all'arco ne spuntò un altro.

«La libertà è una scelta personale. Salterete ciascuno in un arco, o non ci salterete, senza guardarvi».

Tremai: avevo creduto che, ovunque fossi finita, avrei avuto León.

- Он подарил нам самые счастливые часы нашей жизни, - ответила я. - Мы обещали вернуться.

- Но мы же свободны и можем решить этого не делать, - сказал он.

- Это единственное правило, которое он установил, Леон.

Леон замер.

- Я устал от правил! - воскликнул он.

Я посмотрела на него. Я любила его, но должна была вернуться на холм.

И я пошла дальше.

- Будь я свободен, я бы прожил с тобой всю жизнь! - кричал он. - Почему сейчас, когда я свободен, мне нельзя этого сделать?

- Может, свобода сложнее определения, написанного на Словесне, - сказала я. - Может, «свобода» означает «совершать трудный выбор».

Леон догнал меня, схватил за руку.

- Без тебя мне никакая свобода не нужна.

Мы дошли до самого холма.

- Мы хотим жить здесь, - сказал Леон.

Старик посмотрел на арку.

- Это ваш выбор. Прыгнете в арку - вернетесь в свой город. Не прыгнете - останетесь здесь.

Он щелкнул пальцами, перед аркой появилась еще одна.

- Свобода - личный выбор. Оба вы либо прыгнете в арку, либо нет - но без оглядки друг на друга.

Я задрожала - прежде я думала, что, где бы ни оказалась, Леон всегда будет со мной.

- Все, кто ушли из нашего города, умерли, - сказал Леон. - Что они выбрали?

Старик засмеялся.

- Откуда ты знаешь, что они умерли?

Леон наморщил лоб.

- Бабочки...

«Gli uomini partiti dalla nostra città sono morti» disse lui.
«Cos'hanno scelto?»
Il vecchio rise. «Come sai che sono morti?»
León corrugò la fronte. «Le farfalle...»
«Non sono uomini della vostra città» spiegò il vecchio. «Sono io a mandarle. Se non temessero di morire, tutti attraverserebbero l'arco».
«Se non possiamo tornare a casa» disse León «perché attraversarlo?»
«Potete tornare» disse il vecchio «ma nessuno l'ha mai scelto. Se salterete nell'arco non potrete più tornare qui».
Presi León per mano. «La nostra gente vive in trappola» dissi.
«Pensano non ci sia alternativa, se torniamo indietro dimostreremo che non è così».
«Nessuno è mai tornato!» urlò lui. «Il prezzo di tornare è la libertà!»
Il vecchio tossì. «Giratevi, al mio tre farete la vostra scelta. Non guarderete indietro finché non ve lo dirò».
Fissai il cielo: la clessidra era quasi vuota.
Mi girai.
«Uno...» contò il vecchio.
Avrei dovuto baciare León, potevo non rivederlo più.
«Due...»
Se non saltavo, saremmo rimasti in questa città.
Sarei stata libera? O il pensiero che avrei potuto salvare la mia gente, ma non l'avevo fatto, sarebbe stato una catena più pesante di quelle portate finora?
«Tre!»
Il mio corpo, più veloce dei pensieri, saltò nell'arco e...
... fui di nuovo davanti a esso.

- Это не люди из вашего города, - объяснил старик. - Это я их посылаю. Если бы люди не боялись умереть, все бы проходили через арку.

- Раз нам все равно не вернуться домой, - сказал Леон, - зачем шагать в арку?

- Вернуться к себе вы можете, - объяснил старик, - но никто еще никогда этого не выбирал. Но если прыгнете в арку - сюда вам уже не вернуться.

Я взяла Леона за руку.

- Наш народ живет в западне, - сказала я. - Они думают, что у них нет выбора. Если вернемся - объясним им, что это не так.

- Никто еще не возвращался! - воскликнул Леон. - Цена возвращения - свобода!

Старик кашлянул.

- Повернитесь. На счет «три» вы сделаете свой выбор. Не оглядывайтесь, пока я не скажу.

Я поглядела на небо: почти весь песок в часах пересыпался.

Я повернулась.

- Раз... - начал считать старик.

Надо было поцеловать Леона - вдруг я больше никогда его не увижу.

- Два...

Если не прыгну, мы останемся в этом городе.

Буду ли я свободна? Или мысль о том, что я могла спасти свой народ и не сделала этого, станет цепью потяжелее тех, что я носила до сих пор?

- Три!

Мое тело, опередив мысли, метнулось в арку и...

... я снова оказалась перед ней.

Как так вышло, если я только что прыгнула? Где Леон?

- Верный выбор. Обернись, - сказал старик.

Я обернулась - обернулся и Леон.

Я бросилась к нему.

- Ты прыгнул!.. - прошептала я, прижимаясь к его груди.

Come potevo essere lì, se avevo saltato? Dov'era León?
«Hai fatto la scelta giusta, girati» disse il vecchio.
Mi girai e anche León si stava girando.
Gli corsi incontro. «Hai saltato...» dissi, stretta al suo petto.
Mi sorrise. «Ero sicuro che tu l'avresti fatto. Era la scelta più giusta».
Fissai il vecchio. «Non potevamo tornare nella nostra città, vero?».
Indicò l'arco: due farfalle erano appena morte, attraversandolo.
«No» rispose. «Ma avete dimostrato di meritare la libertà, mettendo prima quella della vostra gente. Non si può essere liberi senza tenere conto degli altri».
Guardai le farfalle. «Penseranno che siamo morti».
Il vecchio annuì. «E se saranno pronti a rischiare, avranno la loro opportunità».
León si guardò attorno. «E ora?».
Il vecchio allargò le braccia. «Decidete voi».

Он улыбнулся.

- Я был уверен, что ты тоже прыгнешь. Верный выбор.

Я глянула на старика.

- Мы и не могли возвратиться в свой город, да?

Он показал на арку: две бабочки только что умерли, пролетев под ней.

- Нет, - ответил он. - Но вы доказали, что заслуживаете свободы, поставив свободу своего народа выше собственной. Нельзя быть свободным, не думая о других.

Я посмотрела на бабочек.

- Все решат, что мы умерли.

Старик кивнул.

- А если будут готовы рискнуть, им представится такая же возможность.

Леон огляделся.

- А что же дальше?

Старик развел руками.

- Решайте сами.

Nota critica

Comunemente si dice che mancano le parole per nominare una cosa, per esprimere un concetto. Più raramente accade che per una parola manchi il significato. Ma è proprio questo che accade nel racconto di Noemi Turino. La parola è “libertà” e il suo significato sembra quasi non esistere per i due giovani protagonisti fino al momento in cui, finalmente, giungono a farne esperienza.

Il gioco della libertà ci segnala che il vero pensiero rivoluzionario consiste non tanto nel rovesciare i rapporti di potere, quanto piuttosto nel lasciar sorgere una libertà che nessun potere possa scalfire. In tal senso va inteso questo racconto che rivendica una libertà radicale, che sia, sì, la garanzia delle libertà sociali e politiche, ma che rappresenti anche una liberazione *inaugurale* e davvero radicale rispetto a tutte queste libertà, ovvero una libertà di *scelta*.

Una politica della libertà *iniziale* – magari fondata sull’amore – è in realtà una politica che consente alla libertà di cominciare, di insorgere.

Insomma, quel che ci manca, ci segnala Turino, è un pensiero della libertà che non sia quella acquisita, ereditata, ma la libertà che si prende da sé, e che si conquista. L’uomo e la donna sono esattamente quello che progettano di essere. Non per caso, infatti, il racconto si chiude con un perentorio invito rivolto ai due protagonisti: “Decidete voi”.

Non è facile. Questa scelta comporta di diventare responsabili: ognuno per se stesso e per la propria comunità. Ne è consapevole la protagonista quando afferma: “Forse essere liberi comporta scelte difficili”.

Infatti la libertà non è mai data una volta per tutte. Va ogni volta riconquistata, senza mai barattarla per un po’ di sicurezza. Richiede l’audacia di dubitare delle certezze che ci vengono offerte come regole immutabili. Rivelatrice a questo proposito è l’esclamazione di uno dei due protagonisti: “Sono stanco delle regole!”.

La libertà consiste nel mettere in dubbio in continuazione ciò che crediamo di sapere.

Flavio Ermini

Отзыв о рассказе

Обычно говорят, что для обозначения неких понятий, их выражения не хватает слов. Куда реже случается, что для слова недостает значения. Так и происходит в рассказе Ноэми Турино. Слово это – «свобода», и оно почти ничего не значит для двух юных героев, пока они не знакомятся со свободой на собственном опыте.

Рассказ «Игра в свободу» говорит о том, что настоящая революция заключается не в свержении власти, а в том чтобы позволить проявиться свободе, которую никакой власти не задушить. В этом смысле рассказ можно трактовать как призыв к полной свободе – не столько гарантии общественных и политических свобод, а к первичной свободе, предваряющей всякую иную свободу, – свободе выбора.

Защищая первичную свободу (основанную на любви), мы позволяем всякой иной свободе развиваться и крепнуть.

По мысли Турино, мы остро нуждаемся не в приобретенной, унаследованной свободе, а в той свободе, которую завоевываешь сам. Герои рассказа становятся теми, кем и хотели стать. Не случайно рассказ заканчивается призывом: «Решайте сами».

Это непросто. Подобный выбор предполагает ответственность – и за себя самого, и за других. Героиня понимает это – она говорит: «Может, «свобода» означает «совершать трудный выбор».

Действительно, свобода не дается раз и навсегда. Ее нужно вновь и вновь завоевывать, от нее нельзя отказаться ради безопасности. Свобода требует отваги: нужно уметь сомневаться в том, что нам представляют как неоспоримые и неизменные правила. Показательны в этом смысле слова одного из двух героев: «Я устал от правил!»

Быть свободным означает постоянно сомневаться в том, что кажется нам непреложным.

Флавио Эрмини

Biografia

Noemi Turino (1986) è nata a Catania e vive ad Acicatena (Catania). Dopo la maturità classica, consegue la laurea in Infermieristica. Nel 2012 mette su famiglia. Cosa che, nell'accezione italiana post-moderna, significa che ha adottato due gatti. Il resto della sua vita sentimentale, per mancanza di tempo, è attualmente delegato alle serie tv. Sta organizzando un trasferimento nel Regno Unito, nella speranza che l'accettino a Hogwarts, nonostante l'età. O che, quantomeno, la assumano come docente di "Cura delle creature magiche".

Биография

Ноэми Турино (1986) родилась в Катании, живет в Ачи-Катене (Катания). По окончании классического лицея получила диплом медсестры. В 2012 году создала семью, что в постмодернистской Италии означает: завела двух котов. Остальное время ее личной жизни, которого немного, посвящено телесериалам. Готовится переехать в Великобританию – в надежде, что, несмотря на возраст, ее примут в Хогвартс. Или хотя бы возьмут на работу – преподавать науку ухода за волшебными существами.

Молодые российские переводчики
Giovani traduttori russi

Мария Гойхман родилась в Санкт-Петербурге. В 2012 г. окончила Академическую Гимназию СПбГУ, с 2012 г. – студентка филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (лингвистика, итальянский язык). В 2014 г. обучалась в Университете для иностранцев г. Перуджа. В том же году вошла в шорт-лист конкурса «Музыка перевода» в номинации «проза».

Marija Gojchman è nata a San Pietroburgo. Nel 2012 ha terminato il Ginnasio Accademico, e si è iscritta alla facoltà di Filologia dell'Università Statale di San Pietroburgo (linguistica, italiano). Nel 2014 ha studiato presso l'Università per Stranieri di Perugia e, nel medesimo anno, è entrata nella *short-list* del concorso La musica della traduzione nella sezione "Prosa".

Наталья Горбачева родилась в Москве. Окончила МГУ имени М. В. Ломоносова, факультет иностранных языков и регионоведения (отделение Лингвистики и межкультурной коммуникации). Стажировалась в Болонском и Флорентинском университетах, а также в Университете для иностранцев г. Сьены. Имеет богатый опыт работы устным и письменным переводчиком, работала волонтером на итальянских фестивалях кино (Триест) и джаза (Фолиньо). В настоящее время работает переводчиком в Административном отделе Посольства Италии. В 2009 г. была удостоена Премии мэра г. Москвы «Талантливая молодежь», дипломант конкурса «Моя Италия», организованного МГУ (2010), и конкурса «С Днем рождения, Италия», организованного Итальянским институтом культуры в Москве (2011).

Natal'ja Gorbačjova è nata a Mosca. Si è laureata presso l'Università Statale Lomonosov di Mosca, facoltà di Lingue straniere e studi di area (dipartimento di Linguistica e comunicazione interculturale). Ha svolto tirocini presso le università di Bologna e di Firenze, e anche presso l'Università per Stranieri di Siena. Ha una vasta esperienza come interprete e traduttrice, ha lavorato come volontaria in festival italiani di cinema (Trieste) e di jazz (Foligno). Attualmente lavora come traduttrice nella sezione amministrativa dell'Ambasciata d'Italia. Ha ricevuto dal sindaco di Mosca il Premio Giovane di talento (2009); ha vinto il concorso La mia Italia organizzato dall'Università Statale Lomonosov di Mosca (2010), e il concorso Buon compleanno, Italia, organizzato dall'Istituto Italiano di Cultura di Mosca (2011).

Марина Куличихина родилась в Саратове. Окончила филологический факультет Саратовского государственного университета по специальности «Немецкий язык и литература». Ее дипломная работа посвящена творчеству немецкого романтика Л.А. фон Арнима и включает в себя художественный перевод повести «Рафаэль и его соседки». В 2012 г. защитила кандидатскую диссертацию по теме «Тело и телесность в немецком романтизме: концепции и образы». Помимо немецкого языка работает с итальянским, английским и польским. Итальянский язык изучала в Саратове, а также в университете Сиэтла (США) и в университете Констанца (Германия). В 2007 г. участвовала в Форуме молодых писателей России в секции «Художественный перевод», в 2015 г. во встрече литературных переводчиков в Берлине. Опубликовала переводы произведений Т. Книбе, Э. Елинек, Л.А. фон Арнима.

Marina Kuličichina è nata a Saratov. Si è laureata presso la facoltà di Filologia dell'Università Statale di Saratov, specializzandosi in Lingua e letteratura tedesca. La sua tesi riguarda l'opera del romantico tedesco L.A. von Arnim, e comprende la traduzione della novella *Rafael e i suoi vicini*. Nel 2012 ha sostenuto la tesi di dottorato sul tema *Corpo e fisicità nel romanticismo tedesco: concezioni e immagini*. Oltre che in tedesco, lavora in italiano, inglese e polacco. Ha studiato Italiano a Saratov, nonché presso l'Università di Seattle (USA) e l'Università di Costanza (Germania). Nel 2007 ha partecipato al Forum dei giovani scrittori della Russia nella sezione "Traduzione letteraria", e nel 2015 a un incontro di traduttori letterari a Berlino. Ha pubblicato traduzioni delle opere di T. Knibe, E. Jelinek, L.A. von Arnim.

Анна Петрова родилась в Москве. Окончила факультет психологии МГУ имени М. В. Ломоносова по специальности «Нейропсихология». Изучила итальянский язык из-за любви к итальянской музыке и литературе. Работает устным и письменным переводчиком, преподает итальянский язык, путешествует по Италии, изучает ее историю и искусство. Переводческих и писательских публикаций нет, выполняла научную редактуру книг, связанных с нейронаукой.

Anna Petrova è nata a Mosca. Si è laureata presso l'Università Statale Lomonosov di Mosca, specializzandosi in Neuropsicologia. Ha imparato l'italiano perché è innamorata della musica e della letteratura italiane. Lavora come interprete e traduttrice, insegna Italiano e compie viaggi in Italia per studiarne la storia e l'arte. Non ha finora pubblicato traduzioni. Segue la redazione scientifica di libri nell'ambito delle neuroscienze.

Забаву Пузицкая родилась в Москве. В 2013 г. окончила школу 1252 имени Сервантеса с углубленным изучением испанского языка, поступила в Литературный институт имени А.М. Горького, отделение художественного перевода с итальянского языка (семинар Е.М. Солоневича). В 2014 г. издала книгу стихов.

Zabava Puzickaja è nata a Mosca. Nel 2013 ha terminato la scuola Cervantes 1252, dove ha approfondito lo studio dello spagnolo, e si è iscritta all'Istituto A.M. Gor'kij (indirizzo di Traduzione letteraria dall'italiano, seminario di E.M. Solonovič). Nel 2014 ha pubblicato un libro di poesie.

МОЛОДЫЕ РОССИЙСКИЕ ПИСАТЕЛИ
GIOVANI NARRATORI RUSSI

Ирина Богатырева	Irina Bogatyřjova
Татьяна Ильдими́рова	Tat'jana Il'dimirova
Амалия Мокрушина	Amalija Mokrušina
Гала Узрютова	Gala Uzrjutova
Дмитрий Филиппов	Dmitrij Filippov

Ирина Богатырева

Перевод на итальянский язык Марии Де Каро

Irina Bogatyrjova

Traduzione in italiano di Maria De Caro

ТАМ, ЗА ПОЛЕМ И ЗА ХОЛМАМИ

На следующий день, проснувшись, Любовь Сергеевна вышла на кухню и остановилась у большого окна. На улице было яркое, веселое, морозное утро, каких не случалось уже давно – весь декабрь стоял кислый, дождливый, бесснежный, и вот только к новому году подморозило и выбелило, причем так, словно желало отыграться за весь прошедший втуне месяц и на месяц же вперед: пустырь, откывавшийся из окна, и вся уходящая вперед деревенская улица, крыши домов, так хорошо видные отсюда, со второго этажа, и деревья, поднимающиеся между ними, и лес, создающий линию горизонта, хотя не так-то уж он и далеко, этот лес, и песчаный яр, и дальше, все спящее, замерзшее тело Волги, отсюда не видимой, но ощущаемой – или же Любовь Сергеевна просто знала, что она там, за темной полосой, так волнующе близко от ее нового дома, что по ночам, кажется, слышно, как она дышит – все это блистало и слепило белизной и чистотой, новым днем и новой жизнью, новыми надеждами, и Любовь Сергеевна с улыбкой смотрела на этот, еще непривычный ей вид из дома, о котором так долго мечталось, о котором так долго грезилось и к которому шли с мужем столько лет – и вот, наконец, построили и поселились, совсем недавно, буквально на днях, а потому и этот вид, и еще незнакомая, непривычная, а точнее – так крепко с юности забытая деревенская тишина, – все это и радовало, и дразнило каким-то неизведанным еще, но неизменным и обетованным счастьем. Любовь Сергеевна смотрела и улыбалась. Муж еще спал; спали и гости, разместившиеся так свободно в этом непривычно после городской квартиры просторном доме, что о них можно было невзначай и позабыть, – спали дети, и их супруги, и их дети, внуки Любви Сергеевны, и она, вдруг вспомнив о них, подумав о них, не поверила: откуда они взялись, из какого такого будущего, где она уже – и мать, и бабушка, и хозяйка, и накануне отметила с мужем сорок пять лет свадьбы, пусть и некруглый, но все же юбилей, где

LÀ, OLTRE IL CAMPO E LE COLLINE

Il giorno dopo, appena sveglia, Ljubov' Sergeevna andò in cucina e si fermò alla finestra grande. In strada era un mattino allegro, gelato, luminoso, come non ne capitavano ormai da molto tempo: tutto dicembre era stato aspro, piovoso, senza neve, ed ecco che solo verso l'anno nuovo era arrivato un po' di freddo e si era, al contempo, imbiancato il paesaggio, come a volersi rifare di tutto il mese passato invano e anche di quello successivo; la spianata sulla quale si apriva la finestra, e tutta la strada di campagna che vi correva di fronte, e i tetti delle case, così ben visibili da lì, dal primo piano, e gli alberi svettanti fra i tetti, e il bosco che formava la linea d'orizzonte – pur non essendo poi così lontano, questo bosco, – e la scarpata sabbiosa e, un po' più in là, tutto ghiacciato e dormiente, il corpo del Volga, non distinguibile da lì, ma percepibile (o almeno Ljubov' Sergeevna lo sapeva che lui era là, oltre la fascia scura, così inquietantemente vicino alla sua nuova casa che di notte pareva se ne udisse il respiro): tutte queste cose brillavano e accecavano di candore e di purezza, di giorno nuovo e di vita nuova, di nuove speranze, e Ljubov' Sergeevna guardava con un sorriso questo panorama per lei ancora insolito da una casa tanto a lungo sognata, tanto a lungo vagheggiata, e dove si recavano col marito da così tanti anni; ora, finalmente, l'avevano costruita e vi si erano trasferiti, da pochissimo tempo, qualche giorno appena, per cui quel panorama e quel silenzio di campagna ancora insolito, sconosciuto o, per meglio dire, caduto in un oblio così profondo sin dai tempi della giovinezza, le davano la gioia e l'emozione di una felicità non ancora sperimentata ma necessaria, di una terra promessa. Ljubov' Sergeevna guardava e sorrideva. Il marito dormiva ancora; dormivano anche gli ospiti, sparpagliatisi con tale libertà per quella casa insolitamente spaziosa dopo l'appartamento cittadino, che senza volerlo ci si sarebbe potuti anche dimenticare di loro; dormivano figli e consorti, e i figli di questi, nipoti di Ljubov' Sergeevna, e lei, ricordatasi di loro all'improvviso, e pensatoci un attimo, si meravigliò: da dove erano spuntati fuori, e da quale futuro per di più, un futuro in cui lei è già madre, e nonna, e moglie, e il giorno prima ha festeggiato quarantacinque anni di matrimonio col

новый дом, большой и крепкий, пахнет свежей штукатуркой и мебелью, но все же сам по себе – как бы отражение, увеличенное годами и собственной фантазией, проекция того, другого, родительского дома, где она стоит у окна маленькой кухоньки, смотрит на морозную и заснеженную улицу и улыбается ей. Впереди еще жизнь, ей восемь или около того; семья ее давно проснулась – мать уже накормила скотину, папа уехал на работу в райцентр, сестра где-то на дворе, или, может, кормит кур, или, может, ушла к подружкам – а Любка одна в кухне, щурится на солнце и вытирает тряпочкой со стекла воду. В доме жарко натоплено, и двойные зимние рамы запотевают, и воду эту надо постоянно стирать, чтобы дерево не разбухло и потом не потрескалось. Любка и стирает, собирает воду тряпочкой, не зная, конечно же, еще ничего ни о пластиковых окнах, ни о досадной их «потливости» – дешевые стеклопакеты, самая невыверенная деталь в их современном и правильном доме, где все подогнано, где все просчитано, где все так, как должно быть, и газовый котел сопит, разгоняя тепло, как кровь, по жилам дома, и вода, нагреваясь, течет из кранов в ванной и в душевой, и через весь дом снизу, из подвала, из бани, поднимается труба, выводя наружу дым – дыхание дома, сны дома – и во всем этом стеклопакеты оказались самыми слабыми, выбранными впопыхах, без отдушки, без вентиляции, они запотевают в морозный и солнечный день – «плачут», и влага стекает по стеклу на подоконник, и надо ее тряпочкой собирать, как когда-то, как раньше, подумала Любовь Сергеевна, и от этого вдруг зашло сердце, – а Любка тем временем еще ничего не знает ни о будущем этом доме, ни о семье и муже, ни о сыне, ни о дочери, ни даже об учебе в университете, ни о жизни в Прибалтике, ни о военном городке и скуке офицерских жен среди косых, исподлобья взглядов местных на них самих и на форму их мужей с советскими офицерскими погонами, ни о конце империи, ни о стоящем заводе, умершем, призрачном заводе, в котором так гулко идти, словно в брюхе погибшего, выброшенного на берег волною и сгнившего морского чуда, и высоко под его ребрами вдруг взметнет крыльями стая голубей, разрезая луч света, и

marito, che non è cifra tonda ma è pur sempre un anniversario, un futuro in cui la casa nuova, grande e solida, odora di mobili e intonaco fresco, ma è di per sé come un riflesso ingigantito dagli anni e da fantasie personali, una proiezione di quell'altra casa, paterna, in cui lei se ne sta alla finestra del cucinotto, guarda la strada gelida e innevata e le sorride. Ha ancora tutta la vita davanti, ha otto anni o giù di lì; la sua famiglia è già sveglia da un po': la mamma ha sfamato il bestiame, il papà è andato a lavorare nel centro distrettuale, la sorella è chissà dove in cortile, o forse dà il cibo alle galline, o forse ancora è andata dalle amiche; Ljubka invece è sola in cucina, strizza gli occhi al sole e asciuga l'acqua dal vetro con una pezzuola. La casa è ben riscaldata, e le controfinestre invernali si appannano, e quest'acqua va asciugata di continuo, perché il legno non si gonfi e poi si screpoli. E Ljubka sta lì ad asciugare, a raccogliere acqua con la pezzuola, non sapendo ancora nulla, com'è ovvio, né delle finestre di plastica, né della loro incresciosa 'iperidrosi': è vetrocamera da quattro soldi, il particolare meno studiato della loro casa giusta e moderna, in cui tutto è abbinato, tutto è calcolato, tutto è così come deve essere, e in cui sbuffa la caldaia a gas, mentre irradia il calore, come sangue, lungo le arterie della casa, e l'acqua, non appena si riscalda, scende dai rubinetti del bagno e della doccia, mentre il tubo che parte da giù, dallo scantinato, dalla *banja*, risale l'intera abitazione, trasportando il fumo – respiro della casa, sogno della casa – all'esterno; in tutto questo, la vetrocamera si è rivelata la più debole, scelta in fretta e furia, senza sfiatatoio né ventilazione: si appanna nei giorni di sole e in quelli di gelo, 'piange', e la condensa cade goccia a goccia giù sul davanzale, e va raccolta con la pezzuola, come una volta, come in passato, pensò Ljubov' Sergeevna, ed ebbe un tuffo al cuore; intanto la piccola Ljubka ancora non sa niente né di questa casa futura, né della famiglia e del marito, né del figlio e della figlia, e nemmeno degli studi all'università, della vita nei paesi baltici, della cittadina militare e della noia delle mogli degli ufficiali, circondate dagli sguardi obliqui, in cagnesco della gente locale, rivolti a loro e all'uniforme dei mariti con le tipiche spalline da ufficiale sovietico; né sa qualcosa della fine dell'impero, né della fabbrica ferma, quella fabbrica morta, spettrale, in cui il suono dei passi di chi vi cammina riecheggia come nel ventre di un mostro marino esanime, spiaggiato a riva da un'onda e ormai putrefatto – d'un tratto, in alto, poco sotto le costole sbatte le ali uno stor-

где боятся одичавших собак, по вечерам провожающих тебя по пустынной территории до самой проходной, как сейчас боишься волков, живущих за деревней и бредущих следом за тобой по заслеженному полю, когда бежишь к бабушке в другую деревню, которая там – за полем и за холмом.

Ты маленькая, идешь – одна черная точка на белом фоне, оглянешься – пустота, только солнце заливает снег, и вроде бы нет никого, но ты знаешь, что они есть, отец говорил, чтобы одна не ходила, он уже встречал в эту зиму волков, откуда взялись только, столько лет не было их у деревни, и вот появились, но он – то взрослый, его не тронут, а ты маленькая, ты не ходи.

Но Любка идет. Отважная Любка – у нее вся жизнь впереди, и она не боится волков. Оделась и идет себе, и ей весело в этот яркий и солнечный, зимний, морозный день, когда еще не надо в школу, и вообще еще ничего не надо ни ей от жизни, ни жизни от нее – она выходит из родительского дома, маленького, крепкого, его строил еще до войны отец, построил, сходил на войну, отвоевал и вернулся, и потом еще все что-то достраивал, чинил и пристраивал к дому, который стоит на холме – вся деревня на холмах, они растеклись, будто катили волны к Волге, но застыли, уснули, и теперь на них люди живут – на них Любка живет, и вот она вышла из дома, спускается с холма и идет по дороге к полю, через мосток и речку, где летом стирают белье, где вода быстрая и холодная, потому что совсем недалеко отсюда пробилась из-под земли, и вот бежит и журчит – даже подо льдом слышно, и под обледенелыми досками мостика слышно – журчит и бежит она к Волге, Любка знает, что все реки бегут к Волге, и она сама, кажется ей, к ней бежит и может до нее добежать, так весело ей, легко и морозно, так бы и шел, и шел, до самой Волги, которая бесконечно отсюда далеко – от родительского дома она далеко, но как же близко она будет потом от того, будущего, который еще предстоит построить с мужем, намечтать, замыслить и построить вместе, сбжав из городской квартиры, вернуться опять – в дом, где в морозное утро плачут окна, где печка и труба над крышей, и по трубе этой всегда ясно, жив

mo di colombe, tagliando un raggio di luce, – e in cui hai paura dei cani randagi che la sera ti accompagnano, attraverso il territorio deserto, fin sull'ingresso, proprio come ora hai paura dei lupi che vivono intorno alla campagna e che si trascinano dietro di te per il campo sporco di orme, mentre corri dalla nonna nell'altro villaggio, che è là, oltre il campo e la collina.

Tu sei piccola e vai – puntino nero sullo sfondo bianco – e ti guardi intorno: il vuoto, solo neve inondata dal sole, e sembra che non ci sia nessuno, ma tu sai che ci sono, papà te l'ha detto di non andarci da sola, lui ha già incontrato i lupi quest'inverno, da dove siano sbucati non si sa, per tanti anni non ce n'erano stati al villaggio, ed ecco che sono ricomparsi, ma lui è grande, non gli fanno nulla, tu invece sei piccola, tu non ci andare.

Ma Ljubka va. La coraggiosa Ljubka: ha tutta la vita davanti, e non ha paura dei lupi. Si è vestita e ora va, ed è allegra in questo luminoso giorno di sole, invernale e gelato, in cui ancora non bisogna andare a scuola e in cui lei, in fin dei conti, non ha ancora bisogno di nulla dalla vita, come la vita non ha bisogno di lei; esce dalla casa paterna, piccola, solida, suo papà aveva cominciato a costruirla ancor prima della guerra, poi l'aveva finita, era partito, aveva fatto tutta la guerra ed era tornato, e in seguito aveva sempre avuto qualcos'altro da ultimare, riparare e costruire in aggiunta a quella casa che sta sulla collina; tutta la campagna sta sulle colline, propagatesi come onde che scorrevano verso il Volga ma che poi si sono ghiacciate, addormentate, e ora c'è gente che abita lì: Ljubka abita lì, ed ecco che è uscita di casa, scende giù per la collina e prende la strada che porta al campo, attraverso un ponte e un fiumiciattolo dove in estate si lavano i panni, e dove l'acqua è rapida e fredda, perché è sgorgata dal terreno poco lontano da lì, e ora corre e gorgoglia (si ode anche sotto il ghiaccio e sotto le assi ghiacciate del ponticello), gorgoglia e corre verso il Volga; Ljubka sa che tutti i fiumi corrono al Volga, e anche a lei sembra di correrli incontro e di poterli raggiungere: tanto è il freddo, e l'allegria, e la spensieratezza, che camminerebbe ancora, e ancora, proprio fino al Volga, che è infinitamente lontano da lì, lontano dalla casa paterna, ma poi come sarà vicino, un giorno, a quell'altra casa, futura, che è ancora da costruire col marito, che è da sognare, ideare e costruire insieme, fuggendo dall'appartamento di città per tornare di nuovo in una casa in cui nelle mattine gelate piangono le finestre, in cui c'è la stufa e un comignolo sul tetto, e dal

ли дом, снится ли ему лето. Но Любка об этом не знает; она спускается с холма, и переходит речку, и думает о Волге, и представляет ее берега так, как если бы глядела на них из окна, пусть даже не видно воды, но все равно она есть, так близко, что слышно, как двигается подо льдом ее стылое, спящее тело, – и думая так, Любка переходит мостик, а тут навстречу ей, вся в тумане морозного пара, в поседевшей от инея теплой, пушистой шали, сияющая морозным румянцем – сама идет ее бабушка из той деревни, что за полем, холмом и волками – идет навстречу и улыбается, еще радостная, еще такая живая. Здравствуй, говорит, Любунюшка, куда это ты одна пострекотала, – а Любовь Сергеевна только улыбается ей, и слезы глотает, и молчит, и не знает, что ей отвечать. Совсем не знает, что ей отвечать.

comignolo è sempre chiaro se la casa è viva, e se sogna l'estate. Ma questo Ljubka non lo sa; lei discende la collina, e attraversa il fiumiciattolo, e pensa al Volga, e se ne figura le rive come se le guardasse dalla finestra – l'acqua c'è lo stesso, anche se non si vede, così vicina da udire il movimento del suo corpo, ormai freddo e addormentato, sotto il ghiaccio – e, mentre pensa così, Ljubka attraversa il ponticello, e qui le viene incontro, tutta avvolta nella foschia di un vapore gelato e in un caldo scialle lanoso imbiancato di brina, raggianti nel viso arrossato dal freddo, proprio sua nonna, del villaggio oltre il campo, i lupi e la collina; le viene incontro e le sorride, ancora così allegra, ancora così viva. “Ciao” le dice, “Ljubunjuška, dov'è che te ne scappi tutta sola?”, ma Ljubov' Sergeevna sorride soltanto, e ingoia le lacrime, e tace, e non sa cosa rispondere.

Cosa risponderle, proprio non lo sa.

Отзыв о рассказе

Вместить в небольшой трехстраничный рассказ отрефлексированную историю одной человеческой жизни, построить текст композиционно, синтаксически и стилистически таким образом, что читатель с первых слов добровольно сдается в плен писателю – трудная задача и для начинающего писателя, и для мастера.

Ирина Богатырева кратко и безоценочно излагает событийную фактуру жизни своей героини, как будто смотрящей из своего далекого прошлого в будущее: она «...тем временем еще ничего не знает ни о будущем этом доме, ни о семье и муже, ни о сыне, ни о дочери, ни даже об учебе в университете, ни о жизни в Прибалтике, ни о военном городке...». Такой метод сразу дает нам понять, что не сами события станут лейтмотивом рассказа, но нечто иное. Здесь идет диалог детства и старости, начала и конца. Автор фиксирует внимание читателя на мощной динамике, на движении человека в пространстве и времени. Сила, дающая импульс этому движению, и есть та великая тайна, перед которой всякий человек – и старый, и малый – застывает в изумлении. В детстве это изумление беспричинно восторженное, но в старости к нему прибавится благостная покорность.

В рассказе И. Богатыревой на удивление свежо, уверенно и самостоятельно звучит авторская интерпретация одного из основных экзистенциальных вопросов. «Куда это ты одна...?» – спрашивает старость. Молодость не дает ответа. «Я начинаю мой путь. Я иду», – как будто хотим мы ответить за героиню и радуемся вместе с ней.

Елена Пастернак

Nota critica

Ripercorrere e analizzare la storia di una vita umana, riuscendo a incastrarla in un breve racconto di tre pagine, e costruire un testo che per stile, sintassi e struttura faccia sì che il lettore si arrenda di buon grado, e già dalle prime parole, per lo scrittore è compito difficile sia per chi è alle prime armi sia per un maestro della scrittura.

Irina Bogatyrjova delinea in maniera concisa e imparziale le vicende della protagonista, che sembra guardare al futuro dal suo lontano passato: "... intanto la piccola Ljubka ancora non sa niente né di questa casa futura, né della famiglia e del marito, né del figlio e della figlia, e nemmeno degli studi all'università, della vita nei paesi baltici, della cittadina militare...". Tale procedimento ci permette di capire immediatamente che non saranno gli eventi in sé a costituire il *leitmotiv* del racconto, ma qualcos'altro. Ciò che avviene qui è un dialogo tra l'infanzia e la vecchiaia, tra il principio e la fine. L'autrice concentra l'attenzione del lettore su un potente dinamismo, il movimento dell'uomo nel tempo e nello spazio. La forza da cui trae impulso questo movimento è anche quel grande mistero davanti a cui ogni uomo, il vecchio come il bambino, rimane in preda allo stupore. Uno stupore che durante l'infanzia è immotivatamente entusiasta, ma che in vecchiaia vede aggiungersi una benefica rassegnazione.

Nel racconto risuona meravigliosamente fresca, decisa e originale l'interpretazione dell'autrice su una delle questioni esistenziali fondamentali. "Dov'è che te ne scappi?" chiede la vecchiaia. La gioventù non dà risposta. "Comincio il mio cammino. Vado" vorremmo rispondere noi per la protagonista, mentre ci ralleghiamo con lei.

Elena Pasternak

Биография

Ирина Богатырева родилась в Казани, выросла в Ульяновске, живет в Подмосковье. Окончила Литературный институт имени А. М. Горького. Пишет прозу. Публиковалась в журналах «Октябрь», «Новый мир», «Дружба народов», «Кольцо А», «День и Ночь» и др. Дипломант премии «Эврика!», финалист премии «Дебют», лауреат премии журнала «Октябрь», премии «Белкина», премии Гончарова, премии С. Михалкова за литературу для юношества и подростков. Была главным редактором журнала молодых писателей Поволжья «Берега». Член Союза писателей Москвы. Играет на варгане в дуэте «Ольхонские ворота», преподает игру на этом инструменте.

Biografia

Irina Bogatyrjova è nata a Kazan', è cresciuta a Ul'janovsk, vive nell'Oblast' di Mosca. Si è laureata presso l'Istituto Letterario A.M. Gor'kij. Scrive prosa. Ha pubblicato su diverse riviste, tra cui "Oktjabr'", "Novyj mir", "Družba narodov", "Kol'co A", "Den' i Noč'". Ha ottenuto un riconoscimento al premio Èvrika!, è arrivata tra i finalisti del premio Debjut e ha vinto il premio della rivista "Oktjabr'", il premio Belkin, il premio Gončarov e il premio di letteratura per ragazzi S. Michalkov. È stata redattore capo della rivista dei giovani scrittori del Volga "Berega". È membro dell'Unione degli scrittori di Mosca. Oltre a suonare lo scacciapensieri nel duo "Ol'chonskie vorota", è anche insegnante di questo strumento musicale.

Татьяна Ильдимирова

Перевод на итальянский язык Донателлы Каристины

Tat'jana Il'dimirova

Traduzione in italiano di Donatella Caristina

ПИКОВАЯ ДАМА

– С помощью такой помады можно вызвать Пиковую даму, – авторитетно заявила Варя, и в груди сладко заняло от предстоящего удовольствия.

Варя неделю назад вернулась из пионерского лагеря, полная всевозможных важных для третьеклассницы умений и социальных навыков – предсказывать судьбу по руке, вызывать Пиковую даму или гнома–матершинника, прыгать в резиночку до четвертых! Оля завидовала ей лютой завистью хорошей девочки, которую никогда никуда не отпускают.

Сегодня был особенный вечер – впервые в жизни Оле разрешили остаться у старшей подруги с ночевкой. Девочки обещали друг другу вообще не ложиться спать, и это было несложно – Варина мама ушла в больницу на ночное дежурство, а сестра Галина немедленно убежала гулять со своим.

Оставшись в квартире одни, Оля с Варей послушали все Галины кассеты, а одну из них, итальянскую, аж трижды. И подпевали, фальшивя и перевирая слова песен, и прыгали по широкой родительской кровати, пытаясь коснуться потолка, расплескивая беспричинное музыкальное ликование, и кружились, держась за руки, до зеленых пятен в глазах.

– А я тоже буду певицей, – отдышавшись, сказала Варя. – Или лучше врачом. Я еще не решила точно.

И они посмотрели картинки в медицинской энциклопедии, в которой все было страшно по–настоящему. «Оля, ты такая внутри!» – шептала Варя, недоверчиво глядя на человека в разрезе.

Суп в холодильнике они не заметили, но зато обнаружили в буфете заныканный к праздникам кулек с конфетами и съели по одной и еще по одной, а потом Варя гордо, как свои, показала мамины выходные туфли – ярко–красные, блестящие, как леденцы, с тонюсенькими каблучками. Примерить туфли она не

LA DAMA DI PICCHE

“Con questo rossetto... io... evocherò la dama di picche!”. Con solenne gravità Varja pronunciò queste parole e, al solo pensiero, un fremito di eccitazione le vibrò in petto.

Era tornata da una settimana dal campo dei pionieri,¹ infarcita di nozioni fondamentali per la terza classe e di competenze di inequivocabile utilità come leggere il futuro nel palmo della mano, evocare la dama di picche e lo gnomo dispettoso, saltare con l’elastico fino all’altezza della vita!

Olja nutriva verso di lei una sottile invidia, simile a quel rancore sordo e crudele che solo una brava bambina priva da sempre del pur minimo spazio di libertà è capace di provare.

Quella, però, era una serata memorabile: per la prima volta le avevano concesso di restare a dormire dall’amichetta più grande. Per l’occasione, le due ragazzine giurarono l’un l’altra di restare sveglie per tutta la notte. Nulla di più semplice! D’altronde, la mamma di Varja era di turno in ospedale e la sorella Galina ne aveva approfittato per andare a spasso con gli amici.

Rimaste sole, Olja e Varja tirarono fuori tutte le cassette di Galina. Inebriate da melodie italiane, le riascoltarono per ben tre volte. Cantavano a squarciagola, stonate come due campane rotte, storpiando quelle parole a loro ignote. E saltavano sul lettone dei genitori, portando le braccia verso l’alto come a voler toccare il soffitto, mentre le pareti della stanza vibravano all’unisono con la loro gioia cristallina. Volteggiavano, tenendosi per mano, finché la vista si annebbiava e verdi macchie scintillanti danzavano davanti ai loro occhi.

“Anch’io da grande farò la cantante!” diceva Varja, riprendendo fiato. “O diventerò un dottore, il più bravo di tutti! Devo ancora decidere!”.

Poi si misero a guardare le illustrazioni dell’enciclopedia di medicina, assai spaventose a dirla tutta.

¹ Le organizzazioni giovanili del Pcus (Partito comunista dell’Unione Sovietica) o “movimento dei pionieri” raggruppavano ragazzi dai 10 ai 14 anni e si ispiravano allo scoutismo. [N.d.T.]

дала, и Оля твердо решила, что когда она вырастет, у нее таких будет много. Вволю налюбовавшись на туфли, девочки съели еще по конфете, вытащили из тумбочки Галины ее косметичку, густо намазали лица тональным кремом и раскрутили все тюбики с помадой, от которой пахло так, что хотелось ее надкусить.

И тут Варя вспомнила про Пиковую даму.

Это очень просто, сказала она, Пиковая дама всегда появляется, когда ее зовут. И гномик-матершинник, кстати, тоже, но его мы вызовем потом.

Очень важно все сделать верно, покровительственным тоном говорила Варя, густыми помадными линиями рисуя на зеркале в ванной комнате лестницу с дверцей на самом верху. Как только увидишь огонек на верхней ступеньке, надо немедленно все стереть, иначе Пиковая дама выйдет из зеркала и задушит тебя.

«Может, лучше не надо?» – хотела сказать Оля, но, застыдившись, промолчала. Варя принесла из кухни тонкую зажженную свечу и по кафельным стенам ванной медленно потекли зыбкие полуживые тени. У Оли от волнения похолодели уши.

– Пиковая дама, приди! – торжественно прошептала Варя, обеими руками сжимая свечу. – Пиковая дама, приди! Пиковая дама, приди!

Оля зажмурилась, застыв в неудобной позе на краю ванны. Под закрытые веки прокрадывался свечной оранжевый свет. В такие минуты остро чувствуешь, что у тебя есть позвоночник и солнечное сплетение, в котором что-то шевелится и щекочет.

Внизу, у соседей, прокашлялся кран, заунывно зашумела вода. Варя тихо сказала:

– Смотри, смотри, вот она....

Зеркало отражало темноту, загогулисто исчирканную помадой. Оля задержала дыхание и всмотрелась в глубину зеркала, хотя больше всего ей хотелось сей-

“Olja, tu sei fatta così!” esclamò Varja in un sussurro, osservando incuriosita la figura di un uomo sezionato che la fissava con la stessa diffidenza dalle pagine del libro.

Alla cena in frigo non fecero nemmeno caso, ma scovarono nella credenza, messo da parte per le grandi occasioni, un sacchetto di caramelle e ne mangiarono a turno una a testa. Poi Varja mostrò orgogliosa le scarpe eleganti della mamma, di un bel rosso acceso, lucide come leccalecca e dai tacchi assai sottili. Vietò all’amica di provarle e Olja, indispettita, giurò a se stessa che da grande ne avrebbe avute a centinaia.

Continuarono a mangiare dolci, mentre ammiravano rapite quelle scarpe da sogno. Poi presero i trucchi dal comodino di Galina. Stendevano generosi strati di fondotinta sul viso e svitavano i tubetti dei rossetti, dall’odore così gradevole che veniva voglia di assaggiarli.

E all’improvviso a Varja tornò in mente la dama di picche.

“È molto semplice!” disse. “La dama di picche appare sempre quando la chiami. E anche lo gnomo dispettoso, ma a lui penseremo dopo...”.

“L’importante è far tutto con molta precisione”, proseguì Varja con tono sicuro, tracciando sullo specchio del bagno linee marcate di rossetto a formare una scaletta che si arrampicava fino in cima allo sportello del mobiletto. “Appena comparirà un fuocherello sullo scalino più in alto, dobbiamo cancellare tutto subito, altrimenti la dama di picche uscirà dallo specchio e ti strozzerà!”.

“Non sarebbe meglio non farlo?” avrebbe voluto dire Olja, ma tacque per la vergogna.

Varja fece ritorno dalla cucina con una sottile candela accesa. Sulle piastrelle del bagno la fiamma chiara proiettava ombre tremule simili a spiritelli. Dall’agitazione a Olja si gelò il sangue nelle vene.

“Dama di picche, vieni a me!” disse solenne Varja in un sussurro, tenendo la candela ben stretta fra le mani. “Dama di picche, vieni a me! Dama di picche, vieni a me!”.

Olja strizzò gli occhi e restò immobile in un angolo, costretta in una posa scomoda e innaturale. Sotto le palpebre socchiuse si insinuava piano la luce arancione della candela. Era proprio uno di quei momenti in cui senti qualcosa agitarsi nel profondo delle viscere e risalire con un pizzico lungo la schiena.

Nel frattempo, dai vicini al piano di sotto, il rubinetto si schiariva la gola in un gorgoglio e l’acqua cominciava a rumoreggiare inquieta. Varja disse piano: “Guarda, guarda, eccola lì...”.

час убежать в комнату и забиться под плед, и чтобы мама была дома, на кухне, в теплых ароматах будущего ужина с пирогами.

И вдруг на тысячную долю мгновения померещилось Оле, что из зеркала выглянул кто-то – нечеловек – и пристально посмотрел ей прямо в глаза. Этот холодный взгляд был таким острым, что немедленно коснулся сердца. Оля закричала, и в эту же самую секунду раздался и Варин визг. Началась ужасная суматоха: Варя схватила и задула свечу, отпихнула Олю и бросилась стирать лестницу с зеркала первой попавшейся тряпкой, нет, полотенцем так быстро, как будто у нее было несколько рук.

– Она пришла... – причитала Варя, – нам конец теперь... Она нас убьет!

Оля стремглав выскочила из ванной, не разбирая дороги, до слез больно ударилась косточкой локтя о дверной косяк и затормозила прямым в мягкий полный живот сестры Галины, так некстати вернувшейся домой со свидания.

– Ой-ей! – взвизгнула Галина.

– Ой! – согласилась Оля.

Варя безуспешно пыталась скрыть следы преступления: красная помада была отменной стойкости и размазалась по зеркалу живописными разводами. Галина, однако, шедевра не оценила, зато немедленно опознала помаду и от души вlepила Варе увесистый подзатыльник.

Гнома-матершинника решили не вызывать.

Засыпать не дома оказалось неудобно и громко – чужое дыхание под ухом, чужие сны, порхающие вокруг, непривычная постель. Сна не было ни в одном глазу. Варя, лежа рядышком, нашептывала очередную страшную историю:

– Это мне Маша рассказала! Они с подругами тоже начали вызывать Пиковую даму, и уже позвали ее, но тут им послышался шорох, они испугались и включили свет. А потом увидели, что в колоде с картами нет Пиковой дамы, они обыскали всю комнату, но карту не наши! Подружки ушли домой, а Маша легла

Lo specchio rifletteva l'oscurità, inghiottita dalle linee voraci del rossetto. Olja trattenne il respiro e fissò il buio profondo, sebbene desiderasse più di ogni altra cosa correre a nascondersi nella sua stanza sotto le coperte, mentre la mamma di là in cucina preparava i pirogi per cena e la casa si riempiva di odori familiari.

All'improvviso, per un breve istante, appena un battito di ciglia, a Olja sembrò che dallo specchio facesse capolino qualcosa, qualcosa di non umano, e la fissasse dritto negli occhi. Così glaciale e penetrante era quello sguardo che in un attimo la raggiunse al cuore. Olja cacciò un grido e al contempo anche Varja esplose in uno strillo acuto. Si scatenò un tremendo parapiglia. Varja afferrò la candela e vi soffiò sopra per spegnerla, spinse da parte Olja e si precipitò allo specchio a cancellare la scala con il primo panno che le capitò fra le mani... anzi no, con l'asciugamano, così svelta che sembrava avere più di due braccia.

“È arrivata!” sussurrò Varja fra i singhiozzi. “Adesso per noi è la fine... Ci ucciderà!”.

Olja si precipitò a rotta di collo fuori dal bagno, senza guardare dove metteva i piedi. Col gomito urtò lo spigolo dello stipite di legno, scoppiando in lacrime per il dolore. E si fermò solo quando andò a sbattere contro il ventre morbido e tondo di Galina, inaspettatamente già di ritorno a casa.

“Ohi, ehi!” strillò Galina.

“Ohi!” le fece eco Olja.

Varja tentò inutilmente di nascondere le tracce del misfatto: il rossetto, ostinato, era sparso in confusi arabeschi sulla superficie dello specchio. Galina, però, non sembrò apprezzare l'opera d'arte. Anzi, riconosciuto all'istante il rossetto, d'impeto assestò a Varja un violento ceffone.

Va da sé che l'idea di evocare lo gnomo dispettoso per quella sera fu accantonata...

Non fu semplice prender sonno in una casa non sua. Tutto le infondeva un sottile disagio: sentire il respiro pesante di altri così vicino al suo orecchio e sogni di altri svolazzarle intorno, cedere al torpore in un letto non suo. Proprio non riusciva a chiudere occhio.

Varja invece giaceva supina con un'espressione beata, bisbigliando l'ennesima storia di paura:

“Questa me l'ha raccontata Maša! Anche lei e le sue amiche avevano deciso di evocare la dama di picche, ma quando hanno pronunciato il suo nome, si è sentito come un fruscio. Si sono spaven-

спать, но в три часа ночи проснулась, потому что какой-то жуткий страх на нее напал. Она посмотрела на кресло, которое стояло в комнате, – Варинны глаза возбужденно блестели в темноте. – Там сидела женщина в черном платье, а лицо под вуалью, лишь злая улыбка была видна. Сидела молча и неподвижно, только улыбалась, а Маша от страха не могла ни пошевелиться, ни закричать. Ровно в шесть утра Пиковая дама исчезла, на кресле осталась карта, пропавшая из колоды. Это все по правде было!

Оля слушала ее и верила, что вызванная ими ради баловства из мира мертвых Пиковая дама все идет и идет с того на этот свет по подземному коридору, в темноте, со свечой в руках. Путь неблизкий, но совсем скоро она появится здесь. Если медленно досчитать до ста и открыть глаза, то можно будет увидеть, как она, настоящая, аккуратно приподняв подол черного кружевного платья, перешагнет через порог, обмахнется веером и сядет на круглый табурет у Вариного пианино. Из-под вуали она взглянет на Олю, а Оля наберется смелости и спросит: что на самом деле происходит с человеком после смерти? Думать о таком было страшно, но вовсе не тем сладким страхом, ради которого и вызывают Пиковую даму и рассказывают истории о привидениях, и не той боязнью, приходящей рано утром к кабинету с жуткой табличкой «Забор крови». Нет, это напоминало внезапный и нелепый страх, когда ты, поклявшись смертью мамы, забываешь об этом, а потом вдруг вспоминаешь, что обещание не сдержала: и понимаешь, не маленькая, что все эти дурацкие клятвы – ерунда, но все же долго не отпускает ощущение прикосновения ледяной руки к позвоночнику, а мысль «вдруг?» так и вьется вокруг, злая и надоедливая, как августовская оса.

Еще говорят, если позвонить по телефону 666-666, трубку может снять черт. Оля представляла себе безграничную пустыню, залитую туманом, не позволяющим увидеть что-нибудь дальше одного шага, и посреди тумана – одинокую ярко-красную телефонную будку (как на фотографии в учебнике английского).

tate e hanno acceso subito la luce. Poi si sono accorte che nel mazzo di carte non c'era la dama di picche, e allora l'hanno cercata in tutta la stanza, ma la carta era sparita! Più tardi le amiche sono tornate a casa e Maša è andata a dormire, ma alle tre di notte si è svegliata di colpo, tremando di paura. Ha guardato verso la poltrona nell'angolo della stanza e..." gli occhi di Varja scintillavano nell'oscurità per l'eccitazione "... lì, seduta nel buio, c'era una donna con un vestito nero e il volto coperto da un velo. Si intravedeva soltanto il suo sorriso malvagio. Stava in silenzio, immobile. E Maša non riusciva a muoversi dalla paura, né a gridare. Alle sei in punto la dama di picche è scomparsa e sulla poltrona è rimasta solo la carta caduta dal mazzo. E questo è tutto, a dire il vero!". Olja ascoltava il racconto e intanto si convinceva che, richiamata per una loro monelleria dal regno dei morti, la dama di picche fosse adesso libera di andare e venire da quel mondo a questo, attraverso un oscuro corridoio sotterraneo, stringendo una candela fra le mani. "Il cammino non è breve, ma ben presto apparirà" pensava. Se contano lentamente fino a cento e spalancano gli occhi, potranno vederla, lì, davanti a loro, sollevare con grazia un lembo dell'abito di merletto e varcare la soglia, farsi aria agitando il ventaglio e accomodarsi al pianoforte di Varja. Da sotto il velo volgerà lo sguardo a Olja e Olja prenderà finalmente coraggio e le domanderà senza esitazione: "Cosa accade davvero all'uomo dopo la morte?".

Il solo pensiero risvegliava una paura tremenda. Non quella paura ingenua che porta a evocare la dama di picche per gioco o a raccontare storie di fantasmi, e neppure quell'agitazione che sopraggiunge dal dottore al mattino presto, davanti alla minacciosa targhetta 'Prelievo del sangue'. No, somigliava più a un terrore improvviso e irrazionale, un terrore che ti coglie alla sprovvista, come quando, dopo aver giurato sulla morte di tua madre, l'attimo seguente lo hai già dimenticato. Poi d'un tratto ricordi di non aver mantenuto quella promessa e di nuovo ti rendi conto – non sei più una bambina! – che tutti quei giuramenti ridicoli erano solo sciocche ingenuità. Eppure a lungo non ti abbandona la sensazione di una mano gelida che ti sfiora la schiena, e il pensiero "E se invece...?" continua a tormentarti, spietato e fastidioso, come una vespa ad agosto.

Vi era inoltre la credenza che, componendo il numero 666-666, all'altro capo del telefono rispondesse il diavolo in persona. Olja immaginava un deserto sconfinato avvolto nella nebbia, densa barriera che cela la vista a un palmo dal naso. Nella foschia si intravede soltanto una cabina del

В будке сидит коренастый косолапый чертик в отутюженной форме швейцара. Он раздражен – телефон звонит постоянно. Ему не нравится его работа, и поэтому он часто спит, играет в карты и разгадывает кроссворды, не отвечая на звонки. Но иногда он все же снимает трубку, и тогда его можно попросить позвать к телефону кого-нибудь из мира мертвых. Только об этом разговоре никому нельзя рассказывать. А если расскажешь, то за тобой придут и тебя заберут. Или кого-нибудь из твоих близких. Одна девочка по секрету сказала подруге, и ни ее, ни подругу никто больше не видел...

Оля один раз набралась смелости и позвонила, но телефонист был не в настроении, и женский механический голос ответил: «Неправильно набран номер». Больше она не пыталась. Боялась, что не сможет сохранить секрет. Но если бы все же дозвонилась, то наверняка сказала бы какую-нибудь ерунду, например: – У Машки родились котятки. Один был совсем слабенький, мы с мамой кормили его из пипетки. Он уже пытается встать, только лапки еще разъезжаются и мяукать не умеет.

Или:

– Санька вообще ненормальный. Мы с ним все время деремся. В субботу он выстрелил в меня из трубочки ранеткой и попал по лицу. Теперь у меня синяк рядом с глазом. Мама говорит, это все потому что я красивая и потом будет еще хуже. А папа сказал, что поймает его и вставит ему эту трубочку в одно место. Но пока не поймал.

Или:

– Я теперь живу в твоей комнате. Там нет ни твоей кровати, ни тумбочки, и больше не пахнет лекарствами. Кровать увезли на дачу, а мне купили новую тахту. Я просила двухэтажную кровать, такую, чтобы каждый день спать, как в поезде, но мама сказала, что это глупо, когда один ребенок. Я пожалела, что у меня нет брата, но потом подумала, что он бы все равно спал наверху, и сразу перестала жалеть.

telefono dal colore rosso squillante (proprio come appare sui libri di inglese). Nella cabina siede un diavoletto tarchiato dai grossi zoccoli caprini, impettito come un usciere. È irritato, il telefono squilla in continuazione. Non ama il suo lavoro e per questo si ubriaca spesso, gioca a carte e alle parole crociate e si rifiuta di rispondere alle chiamate. Nondimeno, a volte si decide a sollevare la cornetta e allora lo puoi pregare di metterti in contatto con qualcuno nel mondo dei morti. Ma di questa conversazione non puoi far parola con nessuno. E se proverai a rivelarla, allora da te *verrà* e ti *afferrerà*. Da te o da uno dei tuoi cari. Una ragazzina confidò il segreto a un'amica e né lei, né l'amica nessuno più le rivide...

Una volta Olja prese il coraggio a due mani e chiamò, ma forse il centralinista non era in vena e una voce automatica di donna rispose: "Il numero chiamato è inesistente". Non riprovò mai più. Temeva di non riuscire a mantenere il segreto. E anche se fosse riuscita a parlare con lui, di sicuro gli avrebbe raccontato qualche sciocchezza del genere:

"La gatta di Maška ha avuto i gattini. Uno era molto debole e io e la mamma gli abbiamo dato da mangiare con il biberon. Adesso prova già a stare in piedi, solo che scivola ancora sulle zampine e non sa miagolare".

Oppure:

"San'ka non è normale. Ci azzuffiamo sempre. Sabato mi ha sparato un pezzetto di mela con una cannuccia e mi ha centrata in pieno viso. Ora ho un livido scuro intorno all'occhio. Mamma dice che tutto questo succede perché sono bella e sarà sempre peggio in futuro. Papà invece dice che lo prenderà e gli infilerà la cannuccia in quel posto. Ma per il momento non l'ha ancora preso".

Oppure:

"Adesso ci sono io nella tua camera. Il tuo letto non c'è più e neppure il tuo comodino. E l'aria non odora più di medicinale. Hanno portato il tuo letto nella casa in campagna e mi hanno comprato un divano nuovo. Avevo chiesto un letto a castello, così ogni notte potevo immaginare di dormire sul vagone di un treno, ma la mamma ha detto che è una cosa stupida quando si è figli unici. Mi è dispiaciuto non avere un fratello, ma poi ho pensato che in ogni caso avrebbe dormito nel letto di sopra e allora non mi è più dispiaciuto".

Oppure:

Или:

– Мама говорит, ты умер, потому что курил. Я никогда в жизни не буду курить. Оля не видела его мертвым. Не захотела посмотреть. Запомнила только ноги. Самые обыкновенные ноги деда – черные отутюженные брюки, носки и новенькие, лакированные ботинки. В таких только танцевать, кружить барышень под ритмы рок-н-ролла, веселиться, быть живым, а не лежать здесь, в комнате с занавешенными зеркалами. Поэтому и ботинки такие, подумала Оля. Чтобы ловчее было танцевать в другом мире под неведомую музыку.

Там, в ином мире, наверняка сохранилась старая квартира из снесенного дома. На стене по-прежнему висят часы с маятником, но время остановилось. Изю дня в день кот Тимка урчит в любимом углу дивана, лениво обмякнув на вышитой подушке; папин брат Ванюшка, трехлетним упавший в колодец, катает по полу грузовичок; прабабушка и прапрабабушка солят на кухне огурцы и сплетничают о соседях. А молодая бабушка, готовясь идти на танцы, красит губы вишневой помадой, крутится перед зеркалом в летящем платье и хохочет, когда дед подхватывает ее за талию, а она, зацепившись за его шею, дрыгает в воздухе ногами.

Оля видит их, молодых, счастливых, влюбленных, нездешних, и проплывает дальше, сносимая во взбитое пуховое облако крепкого сна.

“La mamma dice che sei morto perché fumavi. Non fumerò mai in vita mia”.

Olja non lo aveva visto da morto. Era stata lei a non volerlo vedere. Di lui ricordava soltanto le gambe. Erano gambe assai comuni quelle del nonno, avvolte in pantaloni neri ben stirati, ai piedi calzini nuovi di zecca e scarpe di vernice. Solo con queste ballava, faceva volteggiare le fanciulle a ritmo di rock'n'roll, si divertiva, si sentiva vivo. Eppure lì, nella stanza con gli specchi coperti da drappi, non c'erano. Ecco perché, pensava Olja. Per essere più agile nel ballo anche nell'altro mondo e danzare al ritmo di una musica misteriosa.

Nell'aldilà, di sicuro è rimasto immutato il vecchio appartamento nella casa ormai demolita. Alla parete è appeso, come prima, un orologio a pendolo, ma il tempo si è fermato. Ogni giorno il gatto Timka fa le fusa nel suo angoletto preferito del divano, acciambellandosi pigramente sul cuscino ricamato. Il fratello di papà, Vanjuška, caduto a tre anni in fondo a un pozzo, spinge un camioncino per il campo. In cucina, la bisnonna e la bis-bisnonna conservano i cetrioli sotto sale e intanto spettegolano dei vicini. E la nonna, così giovane, si prepara per la festa danzante. Mette il rossetto color ciliegia alle labbra e si ammira davanti allo specchio, disegnando ampie volute con gli svolazzi dell'abito. Ride di cuore quando il nonno la solleva tenendola per la vita e, aggrappandosi al suo collo, agita le gambe in aria.

Olja li vede, giovani, felici, innamorati, eterei, e naviga oltre, cullata dalla soffice nube vaporosa del sonno profondo.

Отзыв о рассказе

Рассказ Татьяны Ильдимировой «Пиковая дама» может показаться, на первый взгляд, очень традиционным и даже консервативным: девичьи игры, страхи, шалости, желания, грезы, реальность и сон, обещающее начало жизни – что нового можно здесь сказать? Но – много. Ибо как бы ни были схожи периоды взросления людей разных поколений, все равно каждый в свой черед проходит через отрочество и с самыми разными чувствами его вспоминает. Этой живостью и детализированностью памяти насыщена и проза Ильдимировой. Однако рассказ ее замечателен не только своей реалистичностью, психологизмом, традиционностью и органичной принадлежностью к классической русской литературе (начиная с названия). Он написан так, как будто ничего не случилось и мир не сошел с ума. В противовес авторам, которые считают нужным, интересным изображать непременно уродства, извращения, отклонения – Татьяна показала нормальных детей, хороших, чутких, милосердных, и для современной, во многом развращенной литературы именно эта обычность, обыденность жизни оказалась вдруг страшно новой, страшно оригинальной, исполненной чуда и тайны. Это такой рассказ, который хочется посоветовать прочитать другим, своим друзьям, детям, детям друзей – после ильдимировской «Пиковой дамы» хочется жить. Тут все по Блоку: «сотри случайные черты, и ты увидишь – мир прекрасен». Ильдимирова нечаянно сумела навести точный фокус на мироздание и оставить читателя с чувством благодарности к жизни за то, что она может быть вот такой – волшебной, чуткой, милосердной.

Алексей Варламов

Nota critica

A una prima lettura, il racconto *La dama di picche* di Tat'jana Il'dimirova può sembrare l'opera di una scrittrice tradizionale, quasi *rétro* e a tratti conservatrice: giochi tra bambini, avventure paurose, monellerie, desideri, fantasie, realtà e sogno, l'inizio pieno di speranza della vita: cosa c'è di nuovo da dire? E invece c'è, e anche tanto. Poiché, per quanto simili periodi di passaggio all'età adulta interessino le generazioni più diverse, ognuno attraversa l'adolescenza a suo modo e la rievoca con le sensazioni più svariate. Di questa intensità e ricchezza di dettagli della memoria è saturata la prosa di Il'dimirova. Tuttavia, il racconto non si distingue soltanto per il realismo, lo psicologismo, il carattere tradizionale e l'appartenenza organica alla letteratura russa classica (a cominciare dal titolo). È scritto come se l'orologio del mondo si fosse arrestato in un tempo sospeso. In contrapposizione agli autori che considerano indispensabile e avvincente la riproduzione puntigliosa della bruttezza, della deformità, della devianza, Tat'jana ha raffigurato bambini comuni, graziosi, sensibili, capaci di empatia. È proprio questa ordinarietà e prosaicità della vita, questo delicato connubio di meraviglia e mistero a rivelarsi all'improvviso terribilmente nuovo, tremendamente originale nel panorama della letteratura contemporanea in gran parte triviale. È un racconto così che si desidera condividere con gli altri, gli amici, i figli, i figli di amici, perché dopo aver letto *La dama di picche* di Il'dimirova si ha voglia di vivere. Come scriveva Blok: "Cancella i tratti accidentali e vedrai, il mondo è bello". In maniera del tutto spontanea, l'autrice è riuscita a mettere a fuoco l'umanità con tenue precisione, lasciando al lettore una sensazione di profonda gratitudine per la vita così com'è, per quel suo essere magica, delicata, emozionante.

Aleksej Varlamov

Биография

Татьяна Ильдимирова родилась в городе Кемерово. Окончила юридический факультет Кемеровского государственного университета. В настоящее время работает юристом в банковской сфере, живет в Кемерово. Публиковалась в журналах «День и ночь», «Сибирские огни», «Огни Кузбасса», электронном журнале «Пролог», а также в сборнике «Новые писатели-2013». В 2007 г. выпустила книгу «Солнце». Член Союза писателей России. В 2011 и в 2014 гг. вошла в лонг-лист премии «Дебют» в номинации «малая проза».

Biografia

Tat'jana Il'dimirova è nata a Kemerovo. Si è laureata alla facoltà di Giurisprudenza dell'Università Statale della sua città natale, dove attualmente vive e lavora nel settore bancario. Alcuni suoi racconti sono apparsi sulle riviste “Giorno e notte”, “Fuochi siberiani”, “Fuochi del Kuzbass”, sulla rivista online “Prologo” e nella raccolta *Nuovi scrittori - 2013*. Nel 2007 ha pubblicato il libro *Sole*. È membro dell'Unione degli scrittori russi. È stata finalista nel 2011 e nel 2014 nella *long-list* del Debut Prize, premio letterario russo per giovani autori, nella categoria “Narrativa breve”.

Амалия Мокрушина

Перевод на итальянский язык Илари Сикари

Amalija Mokrušina

Traduzione in italiano di Ilaria Sicari

СТРАШНОЕ ДЕЛО

Знает каждый: чтобы не было страшно, нужно поджать колени к груди и засунуть в рот палец. Страх уйдет. Ему просто не будет места в крошечном теле-точке, скрючившемся в углу комнаты.

Затаить дыхание и... м-м-м-м-м...

- Он больной у вас, что ли?

Подтянуть колени еще ближе. М-м-м-м-м...

- Ты вообще можешь вести себя по-человечески?

Как? Как это, по-человечески? М-м-м...

- Я ничего тебе не сделаю, вылезай оттуда.

Ложь. Ложь. Ложь.

Тетя Инесса раньше просила называть ее мамой. Вся она - мягкие волосы и яблочный свежий запах. Она его защищала. «Никакой он не больной, Саша нормальный ребенок. Просто он еще не привык и боится». И потом снова: «Он не привык». И еще раз: «Он просто боится». Много-много «не привык», но еще больше «боится».

- Ну, чего ты боишься?

М-м-м-м...

- Чего ты боишься?

М-м-м-м...

- Ты боишься грозы?

Да.

- Ты боишься этого шума за окном?

Да.

- Ты боишься собаку?

Да.

- Ты боишься меня?

UNA SPAVENTOSA FACCENDA

Lo sanno tutti che per non aver paura bisogna stringere le ginocchia al petto e ficcarsi un dito in bocca. La paura andrà via perché, semplicemente, non troverà un posto in cui stare nel minuscolo corpo-punto rannicchiato nell'angolo della stanza.

Trattenere il respiro e... m-m-m-m-m...

– Ma non sarà mica malato?

Stringere le ginocchia ancora di più. M-m-m-m-m...

– Insomma, non ti potresti comportare come una persona per bene?

Che cosa? Come sarebbe a dire “come una persona”? M-m-m...

– Io non ti ho fatto niente, vieni fuori di lì.

Bugia. Bugia. Bugia.

Una volta la zia Inessa chiedeva di esser chiamata mamma e tutto in lei era un profumo di morbidi capelli e mele fresche. Lo difendeva. «Non ha nessuna malattia. Saša è un bambino normale, solo che non è abituato e ha paura». E poi di nuovo: «Non è abituato». E ancora una volta: «Ha solo paura». Tanto-tanto «non abituato» e ancora di più «ha paura».

– E allora, di cosa hai paura?

M-m-m-m-m...

– Di cosa hai paura?

M-m-m-m-m...

– Hai paura dei temporali?

Sì.

– Hai paura di quel rumore fuori dalla finestra?

Sì.

– Hai paura del cane?

Sì.

– Hai paura di me?

Прижать колени к груди.

- Почему ты меня боишься?

Засунуть в рот палец.

«Я не понимаю, что с ним!». - «Ты сама хотела его взять». - «Да, но я же не думала, что...»

- «Да ведь я же предупреждал, что...». - «Что нам делать?» - «Не знаю, но боюсь, что...».

Они тоже боятся.

Он нарисовал тетю Инессу, когда все прочие рисовали маму. Нарисовал мягкие волосы, но не знал, как нарисовать яблочный свежий запах. Рисунок остался вложенным в большую книгу, стоявшую на полке в гостиной. Он не знает, о чем эта книга. Буквы в ней не похожи на буквы, слова не похожи на слова. Зачем нужна такая книга? И этого он не знает.

Если тебя как будто нет, то не нужно быть смелым. Все, что нужно - уметь ждать. Сейчас они знают что-то, но если подождать немного или чуть дольше, или очень долго, то и ты узнаешь. Совсем несложно.

Это оказался мышонок. Белые круглые уши и лапки-пальчики. Он такой крошечный, что с легкостью мог бы пролезть в щель под дверью. Он такой крошечный, что его могло бы не быть. Но нет, вот он здесь, грызет кусочек хлеба.

Кирилл горд и доволен.

- Я его на работа обменял!

- Ого!

- Здорово!

- Классно!

- Можно погладить?

- Он не укусит?

- Как его зовут?

- А что ты с ним будешь делать?

- Ты его домой возьмешь?

- Не-а.

Stringere le ginocchia al petto.

– Perché hai paura di me?

Ficcarsi un dito in bocca.

«Non capisco che ha!». – «Sei tu che l’hai voluto prendere». – «Sì, ma io non pensavo che...». –

«Però io ti avevo avvisato che...». – «Che cosa dobbiamo fare?» – «Non lo so, ma temo che...».

Anche loro hanno paura.

Lui disegnò la zia Inessa quando tutti gli altri disegnavano la mamma. Disegnò i morbidi capelli, ma non sapeva come disegnare il profumo di mele fresche. Il disegno fu conservato nel grande libro riposto sulla mensola in soggiorno. Non ha alcuna idea di che libro si tratti. In esso le lettere non assomigliano alle lettere e le parole non sono simili alle parole. A cosa serve un libro simile? Non lo sa proprio.

Se fingi di non esserci, allora non è necessario essere coraggioso. Tutto ciò che bisogna fare è saper aspettare. Adesso loro sanno qualcosa, ma se aspetterai un po’, oppure appena più a lungo o magari per molto tempo ancora, allora lo saprai anche tu. Non è per nulla difficile.

Risultò essere un topolino. Bianche orecchie tonde e zampe-ditini. Così minuscolo che senza sforzo potrebbe infilarsi nella fessura sotto la porta. Così minuscolo che potrebbe persino non esserci. E invece no, eccolo lì che rosicchia un pezzettino di pane.

Kirill è superbo e tronfio.

– L’ho scambiato con un robot!

– Bel colpo!

– Mitico!

– Che figata!

– Si può accarezzare?

– Non morde?

– Come si chiama?

– E cosa te ne farai?

– Lo porterai a casa?

– Ni.

Ухмылка.

– Отпустишь что ли?

– Вот еще!

Ухмылка.

– А что тогда?

Все недоумевают. Что тогда? Как? Где?

– Я ему хвост отрублю.

Ухмылка.

Но ведь...

– Что-о-о?!

– Зачем это?!

– Не смей!

– Дурак!

– Ему же больно будет!

Ухмылка все шире.

– Он мой, что хочу, то и делаю!

И все вдруг замолкают перед этой уверенной жестокостью. Все молчат и не смотрят друг на друга. Все отходят прочь, подальше, чтобы не быть причастными. Все усердно принимают за другие дела.

Но вот, наконец, оборачивается кто-то. Мольбы в голосе больше чем укора:

– А вот, если бы тебе самому...

Слова не слова, как в той книге на полке в гостиной.

Из угла с ужасом смотрят Сашины глаза.

Бедный-бедный мышонок. Круглые уши прижмутся к маленькой голове. Он будет дрожать от страха и боли. Саша плачет очень тихо. Никто не слышит всхлипов, но все чувствуют его страх.

– Чокнутый плачет. Что с ним?

И все рады тому, что можно говорить и думать о другом. Но вот Саша не может.

Sogghigno.

– Lo libererai?

– Neanche per sogno!

Sogghigno.

– Ma allora che farai?

Sono tutti perplessi. E allora cosa? Come? Dove?

– Gli taglierò la coda.

Sogghigno.

Ma mica...

– Cooooosa?

– E perché mai?

– Non ti azzardare!

– Stupido!

– Soffrirà!

Sogghigno ancora più largo.

– È mio e ci faccio quello che mi pare!

Improvvisamente ammutoliscono tutti davanti a tanta sfrontata crudeltà. Stanno tutti in silenzio e non si guardano l'un l'altro. Se ne vanno altrove, stanno alla larga per non essere complici e prendono a occuparsi con zelo di altre faccende.

Ma alla fine qualcuno si volta e con voce supplichevole più che di biasimo:

– Però se fossi proprio tu...

Le parole non sono parole, come in quel libro sullo scaffale in soggiorno.

Dall'angolo della stanza gli occhi del piccolo Saša guardano con orrore.

Povero-povero topolino. Si stringerà le orecchie tonde alla testolina e tremerà dalla paura e dal dolore. Saša piange sommessamente e nessuno sente i suoi singhiozzi, ma tutti sentono la sua paura.

– Il ritardato piange. Ma che ha?

E sono tutti felici di poter parlare e pensare a qualcos'altro. Ma Saša non può farlo.

Каждую следующую минуту он думает о бедном испуганном мышонке, и слезы сами текут по щекам.

Тетя Инесса расстроена.

– Сашенька, тебя кто-то обидел?

Тетя Инесса недовольна.

– Перестань уже! Сколько можно плакать! Ты же мужчина...

Тетя Инесса не обращает на него внимания.

И Саша плачет, сжавшись в малюсенькую точку в углу комнаты. Саша умеет выдавить из своей груди страх, но не умеет выдавить из нее жалость.

Он думает, думает, думает.

Это ведь не сложно – просто подойти, дернуть за рукав.

Кирилл оборачивается и с удивлением оглядывает чокнутого.

– Чего?

Как же страшно.

– Чего тебе?

Страшно.

– Чего тебе надо, придурок?

– Можешь мне его отдать?

Саша совсем не уверен, что произнес эти слова вслух. Но в своей голове он прокричал их в полную глотку.

– Чего отдать?

Саша хочет зажмуриться, забиться в самый темный угол, чтобы никто и никогда его больше не увидел.

– Мышку отдай... Или продай.

Кирилл смотрит вопросительно:

– Зачем тебе?

Но Саша лишь передергивает плечами.

– Ну, ладно. Продам за... эммм... тысячу рублей. Купишь?

In ogni singolo minuto pensa al povero topolino spaventato e le lacrime gli scorrono da sole sulle guance.

Zia Inessa è afflitta.

– Saša, piccolo mio, qualcuno ti ha offeso?

Zia Inessa è scontenta.

– Piantala! Quanto la fai lunga con questo piangere! Oramai sei un ometto...

Zia Inessa non fa più caso a lui.

E Saša piange, rannicchiandosi in quel piccolissimo punto all'angolo della stanza, riuscendo a scacciare dal suo petto la paura, ma incapace di scacciare da esso la pietà.

Pensa, pensa, pensa.

Eppure non è difficile: basta avvicinarsi e tirarlo per la manica.

Kirill si volta e guarda con stupore lo sciocco.

– Che vuoi?

Paura tremenda.

– Che cosa vuoi?

Paura.

– Che ti serve, idiota?

– Me lo puoi dare?

Saša non è sicuro di aver pronunciato quelle parole ad alta voce, ma nella sua testa le ha urlate a squarciagola.

– Darti cosa?

Saša vuole coprirsi gli occhi, appiattarsi nell'angolo più buio e sparire per sempre dalla vista di tutti.

– Dammi il topo... oppure vendimelo.

Kirill lo scruta con aria interrogativa:

– A che ti serve?

Ma Saša alza soltanto le spalle.

– E va bene, d'accordo. Lo venderò per... ehm... mille rubli. Lo compri?

Ухмылка.

Саша молча кивает. Со стороны, наверное, кажется, что у него просто дергается голова.

– Только сейчас приноси деньги. Потом я могу передумать!

Саша, сгорбившись, отступает в глубину класса.

Он идет домой и заходит в квартиру. Заглядывает в комнату, проверяя, что в ней никого нет. Открывает маленькую черную сумочку тети Инессы и вынимает из нее маленький черный кошелек. Берет оттуда одну тысячу рублей и на секунду застывает, разглядывая купюру, зажатую в пальцах – никогда еще Саша не держал в руках целую тысячу рублей! Аккуратно убирает кошелек обратно в сумку и закрывает ее. Выходит в коридор и бежит по ступенькам вниз. Находит Кирилла и отдает ему деньги.

Крошечный мышонок. Белые круглые уши и лапки-пальчики. Саша улыбается. Кирилл только грозился отрубить ему хвост, но вот он, на месте. Саша прижимает мышонка к груди – к тому самому месту, откуда было не выдавить жалость. Он бежит быстро-быстро, скорее добраться до дома, до квартиры, до комнаты, до...

Сашу встречает тетя Инесса.

Тетя Инесса рассержена.

– Что... что это ты притащил в дом? Это крыса?!

Саша стоит, опустив голову. Ему страшно, и мышонок дрожит в Сашиних пальцах.

– Верни ее немедленно, откуда взял!

В дверном проеме появляется огромная фигура дяди Володи.

– Это ведь домашняя мышь, – Дядиволодин голос спокоен, – Где ты ее достал?

Саша молчит.

– Отвечай, где ты взял животное?

Голос очень спокоен, но Саша отчетливо слышит угрозу.

– Купил...

Шепот совсем слабый, и тетя Инесса вдруг меняется в лице.

– Купил? Откуда у тебя деньги?!

Она идет в комнату и через минуту вновь стоит в прихожей.

Sogghigno.

Saša annuisce in silenzio. All'apparenza si direbbe che abbia semplicemente mosso la testa.

– Però porta subito i soldi altrimenti più tardi potrei ripensarci!

A capo chino Saša si ritira in fondo alla classe.

Va a casa e fa un giro nell'appartamento. Dà un'occhiata in camera controllando che non ci sia nessuno. Apre la borsetta nera della zia Inessa e tira fuori il piccolo borsellino nero. Prende un biglietto da mille rubli e per un secondo rimane pietrificato alla vista della banconota che stringe tra le dita: prima d'allora Saša non aveva mai tenuto in mano mille rubli! Con estrema attenzione ripone il borsellino dov'era e chiude la borsa. Esce in corridoio e corre giù per le scale. Trova Kirill e gli dà i soldi.

Minuscolo topolino. Bianche orecchie tonde e zampette-ditini. Saša sorride. Kirill aveva soltanto minacciato di tagliargli la coda e invece eccola al suo posto. Saša stringe il topolino al petto nell'esatto punto dal quale non era riuscito a scacciare la pietà. Corre veloce-veloce, giunge rapidamente a casa, nell'appartamento, nella stanza, in...

Saša incontra la zia Inessa.

Zia Inessa è arrabbiata.

– Ma cosa... cosa diavolo hai portato in casa? Un sorcio?

Saša rimane in piedi abbassando la testa. Ha paura e tra le dita del piccolo Saša anche il topolino trema.

– Riportalo immediatamente dove l'hai preso!

Nel vano della porta appare l'enorme figura dello zio Volodja.

– È soltanto un topo domestico. – La voce dello zio Volodja era tranquilla. – Dove lo hai trovato?

Saša tace.

– Rispondi, dove hai preso l'animale?

La voce è molto calma, ma Saša sente distintamente la minaccia.

– L'ho comprato...

Il sussurro è molto debole, ma la zia Inessa cambia immediatamente espressione.

– Come sarebbe a dire che l'hai comprato? E da dove ti arrivano i soldi?

- Ты воруюешь у меня деньги?!

Саше нужно рассказать, объяснить, показать, но он не может. Он делает шаг назад и, ощутив за спиной стену, сползает по ней вниз. Коленки прижаты к груди.

Дядя Володя молча уходит. Но тетя Инесса все еще стоит здесь. Смотрит на Сашу сверху, и взгляд ее глаз не такой, как обычно.

Проходит много-много времени, и тогда тетя Инесса берет Сашу за руку и тащит в комнату.

- Сядь! - Почти толкнула его на стул.

Тетя Инесса стоит прямо напротив.

- То, что ты сделал очень-очень плохо! Ты это понимаешь?

Саша молчит.

- Ты копался в чужих вещах и ты украл деньги! Ты...

Мышонок, наконец, вырывается из Сашиных пальцев и выскакивает за дверь.

- Володя! Крыса убежала! В кухне...

Саша хочет броситься следом за мышонком, но не может даже пошевелиться. Тетя Инесса смотрит с ужасом в сторону кухни.

- Ты поймал ее?

- Это не крыса, а всего лишь мышь.

Громко хлопает что-то.

- Поймал или нет?!

- Да.

- Что ты с ней сделал?

- Прибил, что я еще мог с ней сделать.

Прибил, это значит... насмерть?

Тетя Инесса недовольно смотрит сверху. Говорит спокойно, без злости страшные слова:

- Сам виноват, зачем ты эту гадость в дом притащил? Она же заразу разносит.

Va in camera e dopo qualche minuto è di nuovo in piedi nell'ingresso.

– Mi hai rubato i soldi?!

Saša deve raccontare, spiegare, chiarire, ma non può. Fa un passo indietro e sentendo contro la schiena il muro scivola verso il basso lungo la sua superficie. Le ginocchia strette al petto. Lo zio Volodja se ne va senza dire niente, mentre la zia Inessa rimane lì in piedi. Guarda Saša dall'alto e lo sguardo dei suoi occhi non è quello di sempre.

Passa tanto-tanto tempo e alla fine zia Inessa prende Saša per mano e lo trascina in camera.

– Siediti! – dice, spingendolo quasi sulla sedia.

Zia Inessa gli si piazza proprio di fronte.

– Allora, quello che hai fatto è molto-molto brutto! Lo capisci?

Saša tace.

– Hai rovistato nelle cose altrui e hai rubato i soldi! Tu...

Finalmente il topolino si divincola dalle dita del piccolo Saša e schizza fuori dalla porta.

– Volodja! Il sorcio è scappato in cucina...

Saša vuole inseguire il topolino, ma non è capace neppure di muoversi. La zia Inessa guarda inorridita in direzione della cucina.

– L'hai preso?

– Non è un sorcio, ma soltanto un topo.

Qualcosa sbatte fragorosamente.

– Lo hai preso o no?

– Sì.

– Cosa gli hai fatto?

– L'ho spiacciato, che altro avrei potuto fare?

Spiacciato, quindi... a morte?

La zia Inessa guarda dall'alto scontenta. Parla con calma e senza rabbia pronuncia le terribili parole:

– Sei tu il colpevole, perché hai trascinato questa schifezza in casa? Porta le malattie.

Отзыв о рассказе

Амалия Мокрушина живет в Санкт–Петербурге, преподает арабский язык в университете, ведет научную работу. У нее около пятидесяти публикаций по арабистике и переводов с арабского языка. А еще она пишет рассказы и вот уже не первый раз участвует в конкурсе «Радуга». В прошлом году дошла до финала, ее рассказ «Немного тепла в снежный вечер» опубликован в альманахе 2014 г.

Рассказы Амалии отличает какая–то особая душевность, пристальное внимание к «чувствам добрым» своих героев, бережное отношение к их внутреннему миру. И горечь от непонимания, с которым так часто сталкиваются хрупкие, незащищенные души. Вот маленький человек оказывается в новом для него, чужом и пугающем мире. Приемные родители, видящие свой долг в правильном воспитании и даже не пытающиеся *его* просто понять, школа, где все зовут его «чокнутый» – как трудно приноровиться к этому страшному, жестокому миру ребенку с трепетной, ранимой, жалостливой душой. Но что бы ни ожидало нашего героя в будущем, возвращение в сиротский приют или отчужденное, замкнутое существование в «семье», мы верим, что он сбережет свой великий дар сострадания, любви ко всему живому. Эта светлая вера в добро – особенность творческого почерка Амалии Мокрушиной.

Нина Литвинец

Nota critica

Amalija Mokrušina vive a San Pietroburgo, dove insegna Lingua araba all'università e svolge attività di ricerca scientifica. Autrice di circa cinquanta pubblicazioni di arabistica e traduzioni dall'arabo, si dedica anche alla scrittura di racconti e non è la prima volta che partecipa al Premio Raduga. Lo scorso anno è stata nominata tra i finalisti con il racconto *Un po' di tepore in una sera di neve* pubblicato sull'*Almanacco* del 2014.

I racconti di Amalija sono caratterizzati da una particolare dimensione psichica, dalla grande attenzione rivolta ai “buoni sentimenti” dei suoi personaggi e dall'altrettanto accurato legame con il loro mondo interiore. Ma anche dall'amarezza provocata dall'incomprensione con la quale molto spesso si fronteggiano le anime fragili e indifese. In questo racconto, infatti, il protagonista è un bambino che si ritrova in un mondo nuovo che percepisce come estraneo e spaventoso. I genitori adottivi sono preoccupati di svolgere il loro dovere impartendogli una buona educazione, ma senza sforzarsi di capirlo; a scuola tutti lo chiamano “ritardato”: com'è difficile adattarsi in questo mondo spaventoso e crudele per un bambino dall'animo timoroso, suscettibile e compassionevole! Ci si potrebbe aspettare di tutto nel futuro del nostro eroe – il ritorno in orfanotrofio oppure una vita “in famiglia” alienante e isolata –, tuttavia, a noi pare che conserverà quel suo grande dono della pietà e dell'amore per tutti gli esseri viventi. Ed è proprio questa vivida fede nel bene che costituisce il tratto peculiare della scrittura creativa di Amalija Mokrušina.

Nina Litvinec

Биография

Амалия Мокрушина родилась в Санкт-Петербурге. В 2005 г. окончила Санкт-Петербургский государственный университет со степенью магистра востоковедения, африканистики. В 2009 г. защитила диссертацию на соискание степени кандидата филологических наук. Преподает арабский язык на Восточном факультете и на факультете свободных искусств и наук (Санкт-Петербургский государственный университет). Переводчик с арабского языка, автор более тридцати научных работ. Финалист конкурса молодых писателей «Радуга 2014». Вошла в шорт-лист конкурса драматургов «Время драмы» (2014) и в лонг-лист третьего международного литературно-художественного конкурса «Сказка сегодня» (2014).

Biografia

Amalija Mokrušina è nata a San Pietroburgo. Nel 2005 si è laureata presso l'Università Statale di San Pietroburgo in Orientalistica e africanistica. Nel 2009 ha discusso la tesi di dottorato in Filologia. Insegna Lingua araba presso la facoltà di Orientalistica e la facoltà di Arti liberali e delle scienze (Università Statale di San Pietroburgo). Traduttrice dall'arabo e autrice di oltre trenta pubblicazioni scientifiche. Finalista del concorso per giovani scrittori Raduga 2014. È entrata nella *short-list* del concorso per drammaturghi Vremja dramy (2014) e nella *long-list* del terzo concorso letterario internazionale Skazka segodnja (2014).

Гала Узрютова

Перевод на итальянский язык Франчески Мастрुццо

Gala Uzrjutova

Traduzione in italiano di Francesca Mastruzzo

СЧАСТЛИВАЯ ШАПКА

Настал день, когда Артур должен был собрать отца в больницу. Пока он вел старика из спальни в коридор, по телевизору успели рассказать о погоде в Ростове, Самаре, Воронеже, Петербурге и Москве. Погоду в их городе никогда не сообщали. Да и Артура это перестало интересовать, с тех пор как в жизни установилось только два сезона: отец в больнице и отец дома.

Он осторожно усадил старика в заранее приготовленный стул и стал надевать ему ботинки.

- Дай сам, - прервал его отец, но, подернувшись, тут же разогнулся и снова облокотился на спинку стула.
- Рано тебе еще самому. Вот долечишься и будешь самкать.
- Как ты с отцом-то разговаривашь!
- А как с тобой говорить, когда ты как ребенок.
- Пошто это как ребенок?
- Ты даже не помнишь, когда у тебя День рождения. Как только родился. Хотя вчера повторяли. Каждый день одно и то же.
- Как это не помню? Седьмого января.
- Это у другого седьмого января. А у тебя пятого марта!
- Сам ты пятого марта! Пятого марта - это у тебя. Али я не помню, че ли.
- Опять двадцать пять. Запомни уже - пятого, пятого марта! Нормально шнурки? Не туго? Встанешь сам? Помочь?
- А у кого тогда седьмого января?
- У того самого.
- А что это за ботинки? Новые, поди? - встал отец, пробуя обувь на шаги.
- Какие новые, пап? В прошлом году еще купили тебе. Правда, ты всего раза два их надевал с этими больницами.

IL BERRETTO PORTAFORTUNA

Arrivò il giorno in cui Artur doveva portare suo padre in ospedale. Mentre accompagnava il vecchio dalla camera da letto al corridoio, alla televisione avevano già dato le previsioni del tempo di Rostov, Samara, Voronež, San Pietroburgo e Mosca. Com'era il tempo nella loro città non lo dicevano mai. E comunque ad Artur non interessava più da quando nella sua vita esistevano solo due stagioni: il padre in ospedale e il padre a casa.

Lo fece adagiare pian piano sulla sedia che aveva sistemato prima e cominciò a mettergli le scarpe.

«Faccio da me» lo interruppe il padre, e con una spintarella si tirò su per ricadere subito sullo schienale.

«Da te ancora non puoi. Finisci la scuola, e poi farai tutto da te».

«Senti come parli con tuo padre!».

«E come dovrei parlarti se sei come un bambino?».

«Bambino, che?».

«Non ti ricordi neanche quando fai il compleanno. Come se fossi appena nato. Eppure l'abbiamo detto anche ieri. Ogni giorno la stessa storia».

«Come non me lo ricordo? Il sette gennaio!».

«Il sette gennaio non è il tuo, è il cinque marzo!».

«Tu lo fai il cinque marzo! Il cinque marzo è il tuo, di compleanno! Ti pare che non mi ricordo?».

«Rieccoci. Mettitele in testa: cinque, cinque marzo! Vanno bene i lacci? Stringono? Ti alzi da solo o ti aiuto io?».

«Ma allora chi lo fa il sette gennaio?».

«Il sottoscritto».

«Ma che hanno 'ste scarpe? Sono nuove?».

Il padre si alzò, saggì gli scarponcini sul pavimento.
«Ma come nuove, pa'? Se le abbiamo comprate l'anno scorso! In effetti le hai messe solo due volte, per andare in ospedale».

- Дорогие, небось. Были ж у меня стары, коричневые.
- Пап, не выступай, а. Такси сейчас уже приедет, пошли. Все взяли?
- Пошто тебе сумка така больша?
- Это твоя сумка, пап. Мама собрала в больницу тебе.
- Ишь ты, как на курорт. На курорт, поди, едем?
- На курорт, на курорт.
- Курорты – это мы любим. Погодь–ка. Забыли, – стал оглядываться отец.
- Чего забыли? Все взяли, пап, поехали уже!
- Забыли–забыли. Ну–ка, пошвыряй там, в спальне у меня.
- Что забыли–то? Что искать?
- Шапку.
- Какую шапку?
- Каку–каку! С помпоном!
- Эту, что ли? – Артур принес из спальни серую драную шапку с большим розовым помпоном, напоминавшим отцветающий разветренный пион. Эту шапку, пролежавшую лет пять в шкафу, как заснувшая кошка среди старых вещей, мать купила Артуру еще в начальных классах. Заболев, старик стал надевать ее по ночам, чтобы голова не мерзла. Отец выхватил у него шапку и надел, однозначно направившись к двери.
- Пап, ты что – так пойдешь? Ты с ума сошел?
- А что? Айда ужо, таксая твой ждет, поди, айда!
- Пап, она же совсем драная, ты че? Это же дома просто, чтоб тебе не холодно было! Никуда ты в ней не пойдешь! Надень вот эту, недавно купили тебе хорошую, новую! Снимай давай...
- Куда лезешь–то? Ишь, руки распустил! Сказал, энту, значит, энту! Не зли меня! Айда!
- Я не пойду с тобой в этой шапке! Позоришь только нас!
- Ну, и иди к лешему! Не пойдет он! Энто счастливая шапка! Счастливая! И я пойду в ней!
- Чего? Почему счастливая?

«Pagate care, eccerto! Ce le avevo già, marroni».

«Pa', ora non fare scene. Il taxi sta arrivando, forza. Preso tutto?».

«E quella borsa così grande che c'hai?».

«È la tua borsa, pa'. La mamma te l'ha preparata per l'ospedale».

«Che roba! Come in villeggiatura! Andiamo in villeggiatura, giusto?».

«Sì, sì, in villeggiatura».

«La villeggiatura sì che ci piace. Aspe'. Ci siamo dimenticati». Il padre si guardò intorno.

«Cosa ci siamo dimenticati? Abbiamo preso tutto, pa', andiamo!».

«Sì che ci siamo dimenticati. Su, vai a dare una controllata, è in camera».

«Cosa abbiamo dimenticato? Che devo cercare?».

«Il berretto».

«Quale berretto?».

«Quale, quale!... Col pompon!».

«Dici questo?».

Artur portò dalla camera da letto un consunto berretto grigio con un grosso pompon rosa che sembrava una peonia spampanata. Quel berretto, che se n'era stato in armadio una cinquina d'anni come un gatto addormentato tra le vecchie cose, gliel'aveva comprato sua madre quando lui faceva ancora le elementari. Il vecchio, ammalatosi, aveva iniziato a indossarlo di notte per tenere la testa al caldo.

Il padre glielo tirò via dalle mani e se lo infilò, marciando dritto verso la porta.

«Pa', ma che fai, esci così? Sei impazzito?».

«Che c'è? Su su, il tuo tassì aspetta, 'ndiamo!».

«Pa', ma non vedi com'è ridotto? Quello è solo per casa, per stare caldo. Non puoi uscirci! Mettiti questo, te ne abbiamo appena comprato uno nuovo, bello. Dai, toglitelo...».

«Ma che fai? Pure le mani mi alzi! Questo ho detto e questo mi metto! Non farmi dispetti! 'Ndiamo!».

«Non vengo se tu esci con quel berretto! Ci facciamo ridere dietro!».

«E allora attaccati al tram! Non viene, il signorino! Questo è un berretto portafortuna. Portafortuna! E io me lo metto!».

- Дурья твоя башка! – в эмоциях оперся отец на стул. – В этой шапке же я ходил, когда вернулся из больницы!
- Куда ходил?
- И гулять ходил, и по дому!
- На улицу? В ней?
- Ходил, с собой брал и там девал ее на бошку–то. Вот и таперича хочу в ней, чтоб вернуться–то с курорта этого больничного. Вернуться чтоб. И гулять.
- Дурдом какой–то! Пошли уже! Сигналят вон нам!
- Так я те давно гутарю – айда! Нет, уперся, как старый пень. Айда–айда, – шатаюсь, исчезал розовый помпон в гуляющем холоде двери.

- В то утро свет падал как раз на отцовскую койку, рассеиваясь так, будто искал кого–то, а смог нащупать лишь простыню, подушку и смятое больничное одеяло.
- Артур, а куда ты все понес–то? – спросил его сосед отца по палате, рыжий мужчина с привязанными к кровати руками. – Переводят папку куда, что ли?
 - Переводят, дядя Ген, переводят.
 - Куда это? – удивилась Генина жена, успокаивая руки мужа, бившиеся на привязи.
 - Туда и переводят, тетя Кать. – Туда.
 - Матушки! Да ты что! Да как же это! Операция же хорошо вчера прошла. Да как же это, а? Господи! Да не дергайся ты, Ген! Успокойся! А, ба! Мамка–то знает, Артур?
 - Знает, – выдохнул он, выгребая тюбики, одежду, журналы, пакеты, бритву и памперсы из тумбочки.
 - Матушки, горе–то какое. Не помещается? Сейчас дам тебе пакет еще, у меня есть. Сейчас.
 - Не надо, тетя, Кать, засуну как–нибудь, – вещи то и дело вылетали из пакета, нарушая свет на кровати и на полу.
 - На вот, клади сюда, Артур, клади, давай помогу, давай.

«Che? Perché portafortuna?».

«Fesso che sei!» e per l'agitazione ricadde sulla sedia. «Questo berretto ce l'avevo quando sono andato via dall'ospedale!».

«E dov'è che sei andato?».

«A passeggio, e poi a casa!».

«Per strada? Con quel berretto?».

«Sì, ci sono uscito e me lo sono messo sulla cocuzza. Lo voglio subitissimo, così dopo me ne posso tornare dalla villeggiatura dell'ospedale. Così torno. E vado a passeggio».

«Roba da matti! Andiamo, va'! Ci stanno chiamando».

«Te lo sto a ripetere da mo'! 'Ndiamo! Ma niente, lui si blocca che manco un mulo. Va', va'». Tra-
ballando, il pompon rosa sparì nello spiffero freddo della porta.

Quella mattina la luce cadeva proprio sul letto del padre, spargendosi come se cercasse qualcuno ma tutto ciò che riusciva a trovare fossero solo le lenzuola, il cuscino e la coperta dell'ospedale.

«Artur, dove l'hai messa la roba?» chiese il vicino di letto del padre, un uomo dai capelli rossi con le braccia legate al letto. «Ma che, trasferiscono il papà?».

«Sì, Gen, lo trasferiscono».

«E dove?» si stupì la moglie di Gen, tenendo ferme le braccia del marito in lotta con i nodi.

«Lì lo trasferiscono, Kat'. Lì».

«Oh, Madonna! Ma che dici? Ma come può essere? L'operazione ieri è andata bene. Come può essere, eh? Oddio! E tu non tirare, Gen! Calmati! Santo cielo! La mamma lo sa, Artur?».

«Lo sa» sospirò mentre raccoglieva dal comodino tubetti, vestiti, riviste, sacchetti, pannoloni e il rasoio.

«Oh, Madonna, che dolore. Ci entrano quelle? Aspetta che ti do un altro sacchetto, ce l'ho, aspetta».

«Non serve, grazie Kat', ce le ficco in qualche modo». Proprio in quell'istante le cose volarono fuori dal sacchetto, spezzando la luce sul letto e sul pavimento.

- Спасибо, тетя Катя. Да я сам. У вас вон, ангел какой лежит. За ним глаз да глаз нужен!
- Да тут полбольницы таких ангелов, Артур. Этот вчера, в соседней палате, с усами который. Ногами ползал по стене, жена его рассказывала. А ночью-то, во сне, значит, она ему руки-то развязала, чтоб хоть поспал нормально, а он во сне как будто курил, значит. А она смотрит - то ли курит, то ли крестится во сне. Вот как бывает. А медсестра сказала, ангелов столько, что в отделении веревки кончились. Сами, мол, ищите, чем привязывать их.
- Артур, все взял? Ничего не забыл? Телефон его взял? - плакала из двери мать.
- Наташенька, держитесь, и ты, Артур, будь с мамой, будь. Горе-то какое! Господи! Вчера только, надо же. Ну, давайте, с Богом! - падали в свет катины слова, вырастая то в пакеты, то в пыль, то в подоконник. - Успокойся, Ген, успокойся. Его просто перевели в другую палату. Они вон его вещи забрали, понесли ему в другую палату. Специальную - после операции. Не здесь же ему лежать. Сейчас тут медсестра все заново постелит, и нового соседа тебе положат. Познакомишься. Скоро мы вылечимся, поедем домой. Скоро Новый год. Дома будем встречать. Дома. Завтра Лешка приедет, он уже с работы отпросился. Он тебе ту рыбу привезет, как ее... Ну, которую ты любишь. На даче которую мы тогда коптили. Привезет. Немножко-то можно. Попробуешь чуть-чуть. О, Артур! Забыл, что ли чего?
- Да вот, вещь одну забыл. Да где же она? Тетя Катя, не видели тут такую шапку старую?
- Это такую с розовым помпоном?
- Да-да.
- Так это. Прятал ее твой отец куда-то. Помню, Наташа-то ему говорит, мол, выкину, если еще раз в ней увижу. И он ей: я те выкину, щас я те выкину! А потом он ей и говорит, что мол, выкинул, но я его еще видела после этого в розовом помпоне этом. Спрятал, наверное, где-то. В тумбе смотрел?
- Смотрел, нет там. Я оттуда все выгреб. Может, мама ее выкинула, все-таки.
- Так ведь это, медсестра тут прибиралась сейчас, стелила. Может, она и забрала. Ты спроси-спроси.

«Ecco, mettile qui Artur, mettile. Dammi che ti aiuto, su».

«Grazie, Kat', ma faccio da solo. Guardi che angelo ha su questo letto. Non può lasciarlo solo un attimo!».

«Artur, di angeli come lui è pieno l'ospedale. Ieri nella camera accanto c'era un altro di questi campioni. Si arrampicava con le gambe sul muro, racconta la moglie. E di notte, cioè nel sonno, lei gli ha legato le braccia per farlo dormire tranquillo, ma lui nel sonno fa come se fumasse. Lei guarda... e lui è lì che fuma o si fa il segno della croce. Questa è la situazione. E l'infermiera dice che ci sono così tanti angeli che in ospedale hanno finito le corde. Trovatevelo da soli, fa lei, con cosa legarli».

«Artur, hai preso tutto? Non ti sei dimenticato niente? Il telefono?» piagnucolò la madre dalla porta.

«Natašen'ka, si faccia forza, e tu, Artur, stai con la mamma, mi raccomando. Che dolore! Signore! Giusto ieri, poi. Oh, da' qua, per amor del cielo!».

Le parole di Kat' cadevano nella luce, divenendo ora un sacchetto, ora polvere, ora il davanzale. «Calmati, Gen, calmati. L'hanno solo trasferito in un'altra stanza. Guarda, hanno preso le sue cose per portarle in un'altra stanza. Una speciale, per dopo l'operazione. Non è questo il suo posto. Adesso l'infermiera viene a cambiare le lenzuola e qui ricoverano un altro malato. Faremo amicizia. Tra poco guariremo e ce ne andremo a casa. Tra poco è Capodanno. Lo festeggeremo a casa. A casa. Domani viene Leška, ha già chiesto il permesso al lavoro. Ti porta il pesce, quello... be', quello che ti piace. Quello che abbiamo affumicato alla dacia, ti ricordi? Te lo porta. Un assazzino. Un pezzettino lo puoi provare. Oh, Artur! Hai dimenticato qualcosa?».

«Sì, mi sono dimenticato una cosa. Mmm, ma dov'è? Kat', ha mica visto un vecchio berretto?».

«Quello col pompon rosa?».

«Sì, sì».

«Già. Tuo padre l'ha nascosto non so dove. Mi ricordo che Nataša gli ha detto: te lo butto se te lo vedo ancora in testa. E lui: io ti butto a te! Ti butto subito! Poi le dice: l'ho buttato. Ma io l'ho rivisto con quel coso col pompon rosa. L'ha nascosto da qualche parte, mi sa. Hai guardato nell'armadietto?».

«Sì, non c'è. L'ho svuotato tutto. Forse l'ha buttato la mamma, comunque».

- Это какая?
- Высокая такая, полненькая. Маша, что ли.
- Ага, помню. Пойду спрошу. Спасибо, тетя Кать. Пока, дядя Ген!
- Пока, Артур, пока. Ну что ты опять загрустил, Ген? Ну, не могу я тебя развязать, не могу. Опять сейчас буянить начнешь. Потерпи еще немного, потерпи. Скоро домой поедем. Гулять с тобой будем. Сначала немножко, а потом подольше. Упражнения будем делать. Врач сказал, надо упражнения делать. Лешка тебе там турник сделает, будем заниматься.

Хоронить в майские праздники – все равно, что в новогодние. Когда катафалк заезжает во двор, там уже роятся машины, жужжа распахнутыми дверцами. Жильцы дома несут рассаду, контейнеры с шашлыком, мини-телевизоры, антенны, уголь, кошек и собак. Почуввав горе, люди убавляют музыку в машинах, тихо закрывают дверцы и уезжают на дачи. Солнце пробралось даже внутрь катафалка, освещая черный костюм того, кто за рулем и лицо сидящего рядом. Второй иногда пил пиво: работа такая, что не объяснишь, чем занимаешься, маленькой дочке, с которой тебя узнают на улицах родственники десятков похороненных тобой в городе людей.

По пути солнце пропало, а когда процессия подъехала к кладбищу, оно замелькало снова, будто специально, чтобы проводить аруторова отца. Лучи грели все, кроме ямы.

- Ты спятил, что ли? Отца хороним, а он, как клоун, в этом помпоне! Сними! – сквозь рыдания умоляла мать Артура. – Где ты ее взял? Я же ему сказала выкинуть!
- Он спрятал. Шапка под матрасом была. Мне потом медсестра дала ее. Это его счастливая шапка.
- Снимай!
- Не сниму!

«Ma sai, l'infermiera prima ha messo in ordine e rifatto il letto. Forse l'ha preso lei. Domandaglielo».

«Qual è?».

«Quella alta, grassottella. Maša, no?».

«Ah, sì, mi ricordo. Vado a chiederglielo. Grazie, Kat'. Ciao, Gen!».

«Ciao, Artur, ciao. Che hai che sei di nuovo triste, Gen? Ah, no, non posso slegarti, no. Ricominci a ribellarti. Sopporta un altro pochino, sopporta. Presto torneremo a casa, sì. Ce ne andremo a spasso. All'inizio due passettini, poi un altro po'. Faremo gli esercizi. Il dottore ha detto che bisogna fare gli esercizi. Leška ti costruisce la sbarra, così possiamo fare ginnastica».

Fare un funerale nelle vacanze di maggio è come farlo a Capodanno. Quando il carro funebre entra in cortile le macchine già sciamano ronzando con gli sportelli spalancati. I condòmini trasportano piante, contenitori con gli spiedini, mini-televisori, antenne, carbonella, gatti e cani. Annusando l'aria di lutto, la gente abbassa l'autoradio, chiude piano le portiere e parte per la dacia.

Il sole si intrufolò persino nel carro funebre, illuminando il completo nero dell'autista e il viso di chi gli sedeva accanto. Quest'ultimo prendeva ogni tanto un sorso di birra: il lavoro che fai non vai a spiegarlo alla tua figlia piccola, quella con cui ti incrociano per strada i parenti di tutte quelle persone che hai seppellito, in città.

Lungo il tragitto il sole scomparve, ma quando la processione raggiunse il cimitero si riaffacciò, come a farlo apposta, per accompagnare il padre di Artur. I raggi rischiararono tutto tranne la fossa.

«Ma sei impazzito? Stiamo seppellendo tuo padre, non un pagliaccio, con quel pompon! Levaglielo!» supplicò la madre di Artur tra i singhiozzi. «Dove l'hai preso? Io gli avevo detto di buttarlo!».

«L'ha nascosto. Era sotto il materasso. Me l'ha dato l'infermiera dopo. È il suo berretto portafortuna».

«Levaglielo!».

«No!».

Пока все поминали отца в столовой, Артур вышел на майское солнце и направился к берегу. В детстве, когда отец проходил через сосны леса и подолгу стоял на берегу реки, то казалось, что это его главное предназначение. Артур с матерью бродили и стояли сзади него, разглядывая воду и небо из-за обгоревшей за лето спины.

- Слишком близко не подходите, - всегда предупреждал он, стоя на песчаном яру. - Обвалиться может.

Время шло, а отец все молчал на самом краю. Стоял до того, что уже становилось ясно: отец - это продолжение берега, очертания которого сливались с его спиной в одну плоскость. Медленно катившееся солнце делало общий силуэт все более контрастным. Сталкиваясь с отцовской спиной, прямая линия берегового обрыва, вдруг превращалась в гору, а затем снова успокаивалась в темную равнину.

- Холодно. Пошли, - разворачивался отец. И они уходили через лес.

И Артур ушел через лес, раньше заката оставив полахать на ветке сосны старое пио-новое солнце.

Mentre gli altri commemoravano suo padre nella sala da pranzo, Artur uscì nel sole di maggio e camminò verso la riva. Da piccolo, quando suo padre attraversava il bosco di pini per poi soffermarsi in piedi sulla riva del fiume, pareva che quello fosse il suo posto nel mondo. Artur e la madre restavano alle sue spalle a girellare, guardando il cielo e l'acqua da dietro quella schiena bruciata dal sole.

«Non avvicinatevi troppo» li avvertiva lui, in cima al dirupo sabbioso. «C'è rischio di frana».

Il tempo passava e suo padre taceva sull'orlo del precipizio. Stava lì così a lungo che alla fine diveniva tutto chiaro: il padre era la continuazione del fiume, i cui contorni si fondevano con la schiena formando un unico piano. Il sole lentamente scendeva facendo risaltare ancora di più la sua figura. Scontrandosi con le spalle del padre, la linea retta del dirupo sul fiume di colpo si faceva montagna, per poi addolcirsi in una buia pianura.

«Fa freddo, andiamo» diceva il padre girandosi. E tornavano per il bosco.

Anche Artur tornò per il bosco, prima del tramonto, lasciando a infuocarsi su un ramo di pino il vecchio sole peonia.

Отзыв о рассказе

Героем трогательного рассказа Галы Узрютовой можно назвать шапку – старую шапку с розовым помпоном, без которой человек, страдающий старческим слабоумием, отказывается ехать в больницу, откуда, как читатель узнает позже, уже не выйдет живым. Картина больничной палаты, в которой жена и сын покойного торопливо собирают его вещи перед тем, как освободившуюся кровать займет новый больной, не обещают и этому новому больному ничего хорошего.

Автору рассказа удалось экономно использовать ограниченное несколькими страницами пространство для истории жизни человека с молодых лет до последнего часа. Для его сына Артура эта история не кончается и после похорон отца, занимающих в повествовании несколько ярких абзацев: в финале рассказа Артур покидает знакомый с детства берег реки, «оставив полахать на ветке сосны старое пионовое солнце».

Евгений Солонович

Nota critica

Il protagonista del commovente racconto di Gala Uzrjutova può essere considerato il berretto – un vecchio berretto con un pompon rosa, senza il quale un uomo affetto da demenza senile si rifiuta di recarsi in ospedale; ospedale da cui, come il lettore apprende in seguito, non uscirà vivo.

La scena in cui la moglie e il figlio del defunto si affrettano a raccogliere gli oggetti personali prima che il letto vuoto sia occupato da un nuovo malato, non fa presagire nulla di buono neanche per quest'ultimo.

L'autrice è riuscita, nello spazio limitato di una manciata di pagine, a raccontare sinteticamente la storia della vita di un uomo dalla giovinezza alla sua ultima ora. Per il figlio Artur questa storia non si conclude neanche dopo il funerale del padre, che nel testo occupa solo pochi – vividi – paragrafi: nel finale Artur si allontana dalla riva del fiume a lui noto dall'infanzia, «lasciando a infuocarsi su un ramo di pino il vecchio sole peonia».

Evgenij Solonovič

Биография

Гала (Галина) Узрютова родилась и живет в Ульяновске. Окончила Ульяновский государственный университет, факультет культуры и искусства (специалист по рекламе). Работает копирайтером–фрилансером, райтером в информагентстве, журналистом. Пишет прозу, стихотворения и пьесы. Публиковалась в ряде литературных журналов и альманахов. Финалист поэтической премии «Русского Гулливера» – 2014 в номинации «Поэтическая рукопись», дипломант Международного Волошинского конкурса (2014) в поэтической номинации издательства «Воймега», шорт-лист 12-го Международного Волошинского конкурса (2014) в номинации ДРАМАТУРГИЯ «XXI век», лонг-лист поэтического конкурса «Критерии свободы–2014» имени Иосифа Бродского и др.

Biografia

Gala (Galina) Uzrjutova è nata e vive a Ul'janovsk. Si è laureata alla facoltà d'Arte e cultura dell'Università Statale di Ul'janovsk specializzandosi in Pubblicità. È *copywriter freelance, writer* per un'agenzia di stampa, giornalista. Scrive prosa, poesia e *pièce* teatrali. Le sue opere sono apparse su numerose riviste e almanacchi letterari. È stata, tra gli altri, finalista al premio di poesia Rus-skij Gulliver nel 2014 nella categoria “poetičeskij rukopis”, vincitrice del concorso internazionale Vološin (2014) nella categoria “poesia” della casa editrice Vojmega, nella *short-list* alla XII edizione del concorso internazionale Vološin (2014) nella categoria “drammaturgia del XXI secolo” e nella *long-list* al concorso di poesia Iosif Brodskij “Kriterii svobody 2014”.

Дмитрий Филиппов

Перевод на итальянский язык Никколо Гальмарини

Dmitrij Filippov

Traduzione in italiano di Niccolò Galmarini

ВОЗВРАЩЕНИЕ

В сенях пахло яблоками и еще чем-то родным, не имеющим точного слова. Полу-мрак вычертил резиновые сапоги, плетеные корзины, покрытые пылью банки на полках, старый холодильник, груды ватников и старых курток, сваленных в одну кучу. Глеб втянул ноздрями этот знакомый воздух и ощутил легкую тревогу: чего-то не хватало. С этой занозой вошел в дом.

Тесть сидел за столом и чистил рыбу. На подоконниках дозревала антоновка, и этот яблочно-рыбный дух свел скулы и наполнил рот голодной слюной.

- Здравствуй, дядь Коль, - сказал Глеб.

Тесть не обернулся, только стряхнул налипшую к ножу чешую.

- Я заночую?

- Ночуй.

Тесть положил нож на край стола. Обернулся.

Мужчины очень внимательно глядели друг на друга, выедавая утаенное, не произнесенное вслух. Дернула хвостом изодранная рыба, и от этого судорожного движения качнулся мир.

- Чего встал?.. Проходи.

Глеб тяжело, устало разделся, долго путался в намокших шнурках, наконец выпрямился, но не во весь рост, с грузом на покатых плечах. Огляделся. Попробовал узнать дом.

Привычные вещи не опознавали Глеба. Кровать, тумбочка, шкаф, гипсовый бюст Ленина на комодке - все настороженное, забывшее прикосновение его рук. Пропала фотография, где он с женой и сыном на фоне теплицы, - пустое место на стене. Только защитившийся от пыли квадрат (тридцать на сорок) мозолил глаза.

- Вещи твои на веранде. Нинка сложила перед отъездом.

- Где она?

IL RITORNO

Nel vestibolo dell'isba c'era odore di mele e di qualcos'altro di familiare, senza un nome preciso. La penombra tratteggiava stivali di gomma, cestini di vimini, barattoli su scaffali coperti di polvere, un vecchio frigorifero, un ammasso di giubbotti imbottiti e vecchi giacconi buttati in un unico mucchio. Gleb aspirò con le narici quell'aria conosciuta e provò una leggera ansia: mancava qualcosa. Con quel fastidio acuto entrò in casa.

Il suocero sedeva al tavolo e puliva un pesce. Sui davanzali maturavano le antonovka e quell'odore di pesce e mele storceva gli zigomi e riempiva la bocca affamata di saliva.

– Ciao, nonno Kol' – disse Gleb.

Il suocero non si voltò, scrollò soltanto una squama incollata al coltello.

– Resto a dormire?

– Resta.

Il suocero appoggiò il coltello sul bordo del tavolo. Si voltò.

I due uomini si guardarono molto attentamente, consumando quanto di nascosto non dicevano ad alta voce. Il pesce lacerato mosse di scatto la coda, e a quel movimento convulso il mondo oscillò.

– Cosa fai lì fermo?... Entra.

Gleb si spogliò con fatica, stancamente, si imbrogliò a lungo con i lacci bagnati, finalmente si rad-drizzò, ma non in tutta la sua statura, con un peso sulle spalle arrotondate. Si guardò attorno. Provò a riconoscere la casa.

Gli oggetti consueti non riconobbero Gleb. Il letto, il comodino, lo scaffale, il busto in gesso di Lenin sul comò – tutto diffidente, dimentico del tocco delle sue mani. Era sparita la fotografia con lui, la moglie e il figlio sullo sfondo della serra, uno spazio vuoto sulla parete. Solo un quadrato (trenta per quaranta), che si difendeva dalla polvere, infastidiva la vista.

– Le tue cose sono in veranda. Ninka le ha preparate prima di partire.

– Dov'è?

– In città.

– В городе.

– Я знаю, где именно?

Старик замялся, но выдавил нехотя:

– У Сажина.

– Ясно. Давно?

– Месяца полтора.

В сенях не хватало коляски, но подумал об этом Глеб отстраненно. Просто мысль. Промелькнула и не оставила следа.

Их комната утратила запах. А чем она пахла раньше? Глеб попытался вспомнить и уже не мог, как будто прошло десять лет. Детские салфетки, подушки из верблюжьей шерсти, волосы Нины, плюшевый медведь, книги на полках – все вместе это пахло уютом. И, конечно, карамельный запах сына... Где все это?

Мужчина сел на кровать.

Вошел тесть. Положил на стул постельное белье.

– Баню затопить?

– Да.

В комнату забежал Марсик – белый облезлый кот с разодранной бровью, – прыгнул на кровать и положил голову Глебу на колени. Мол, я тебя признал, держись. Горький комок подкатил к горлу. Чтобы его задавить, Глеб начал с силой гладить кота. Кот понимал, терпел и не вырывался. Только урчал горлом и хлестко бил хвостом по кровати.

Наконец отпустило. Выдохнул, сбросил кота. Подошел к окну, взял яблоко с подоконника, взвесил его мягким движением, подкинул, положил на место. За окном, на краю деревни, вмерзла в пейзаж вековая береза. На самой вершине аисты свили гнездо. Глеб смотрел на это гнездо. Аистов не было. А он смотрел и ждал, когда же они прилетят.

Вернулся тесть с улицы, прошаркал на кухню. Через пару минут зашипела сковорода.

– Lo so, dove di preciso?

Il vecchio esitò, ma pronunciò controvoiglia:

– Da Sažin.

– Chiaro. Da molto?

– Un mese e mezzo.

Nel vestibolo mancava la carrozzina, ma Gleb ci pensò con indifferenza. Un semplice pensiero. Balenò e non lasciò traccia.

La loro stanza aveva perso l'odore. Di cosa odorava prima? Gleb cercò di ricordarsi, ma non ci riuscì, quasi fossero passati dieci anni. Le salviettine per bambini, i cuscini di lana di cammello, i capelli di Nina, l'orso di *peluche*, i libri sugli scaffali – tutto insieme odorava di comodità. E, ovviamente, il profumo caramellato del figlio... Dov'era tutto ciò?

L'uomo di sedette sul letto.

Entrò il suocero. Posò su una sedia la biancheria da letto.

– Devo scaldare la banja?

– Sì.

Marsik, il gatto bianco spelacchiato con il sopracciglio tagliato, entrò di corsa nella stanza, saltò sul letto e appoggiò la testa sulle ginocchia di Gleb. Ti ho riconosciuto, forza.

In gola si formò subito un grumo amaro. Per mandarlo giù, Gleb cominciò ad accarezzare con forza il gatto. Il gatto capiva, sopportava e non si divincolava. Faceva soltanto le fusa e batteva la coda sul letto.

Finalmente andò meglio. Sospirò, buttò giù il gatto. Si avvicinò alla finestra, prese una mela dal davanzale, la soppesò con un movimento delicato, la lanciò in aria, la rimise a posto. Dietro alla finestra, sul limitare del villaggio, il gelo aveva intrappolato nel paesaggio una betulla secolare. In cima alcune cicogne avevano fatto il nido. Gleb guardava il nido. Le cicogne non c'erano. Ma lui guardava e aspettava che arrivassero in volo.

Rientrò il suocero, passò in cucina trascinandosi i piedi. Dopo un paio di minuti una padella prese a sfrigolare.

Gleb tirò fuori dallo zaino una tuta mimetica slavata, si cambiò.

Глеб достал из рюкзака застиранный маскхалат, переоделся.

- Иди ужинать, - позвал тесть.

На сковородке дымился жареный лещ. На столе - черный хлеб, нарезанный мужскими кусками, соленые огурцы, сало. Бутылка водки. Две пузатые стопки. Тесть с сомнением поглядел на Глеба.

- Чего вырядился?

- Тебя не спросил.

- Ты не хами. С тобой по-русски разговаривают.

- А я что, по-китайски?

- Водку будешь?

Глеб жадно сглотнул.

- Буду.

- Тогда разливай.

Глеб сел на скрипучий стул, свинтил пробку одним резким движением, наполнил стопки до краев.

- С возвращением, - произнес тесть. - За то, что живой.

Чокнулись и выпили.

Водка провалилась в пустой желудок и обожгла. Глеб сморщился.

- Закусывай.

Мужчины набросились на еду. Тесть ел со значением, внушительно пережевывал, аккуратно откладывал мелкие кости на край тарелки. Глеб жевал жадно и суетливо, наполняя желудок горячей рыбой, огурцами, салом - всем подряд.

Налили еще по одной, выпили.

- Что делать будешь?

- Не знаю. Работу найду.

- У тебя взгляд пустой, тебе в себя прийти надо.

- Приду.

- Конечно, придешь, куда ты денешься. Жену потерял, сына потерял...

– Vieni a cenare – lo chiamò il suocero.

Nella padella fumava un abramide fritto. Sul tavolo pane nero, tagliato virilmente a pezzi, cetrioli sottosale, lardo. Una bottiglia di vodka. Due bicchierini panciuti. Il suocero lanciò uno sguardo dubbioso a Gleb.

– Cosa ti sei agghindato a fare?

– Non sono affari tuoi.

– Non fare il cafone. Ti sto parlando in russo.

– E io invece, in cinese?

– Vodka ne vuoi?

Gleb deglutì con avidità.

– Sì.

– Allora versa.

Gleb si sedette su una sedia scricchiolante, svitò il tappo con un movimento brusco, riempì i bicchierini fino all'orlo.

– Al ritorno – disse il suocero. – Perché sei vivo.

Fecero cin cin e bevvero.

La vodka scese nello stomaco vuoto e bruciò. Gleb fece una smorfia.

– Mangiaci sopra qualcosa.

Gli uomini si avventarono sul cibo. Il suocero mangiava con importanza, ruminava imponente, spostava con cura le piccole lisce sul bordo del piatto. Gleb masticava avido e frettoloso, riempiendo lo stomaco di pesce caldo, cetrioli, lardo – uno dietro l'altro.

Riempirono di nuovo i bicchieri, bevvero.

– Cosa farai?

– Non so. Troverò un lavoro.

– Hai lo sguardo vuoto, devi tornare in te.

– Ci tornerò.

– Certo, tornerai chissà dove. Hai perso la moglie, hai perso il figlio...

– Chiudi il becco, nonno Kol'.

– Заткнись, дядь Коль.
– А то что?
– Кадык, вырву, – произнес с расстановкой, без злобы, и от этого спокойствия стало страшно.
– Ты в зверя превратился.
Глеб ничего не ответил. Налил еще по одной.
– За всех... – И, не дожидаясь теста, лихо опрокинул стопку.
– Не нажрись смотри. С пьяным не буду возиться.
Глеб снова промолчал. Только глаза осветились твердым, на крови закаленным светом.

Баня пахнула жаром ста тысяч солнц, но этот жар не тревожил, а успокаивал. Только медный крестик мгновенно накалился и Глеб, матерясь, торопливо сорвал цепочку. Сел на полок, спрятал лицо в ладони, размазывая выступившие капли пота. Покраснел шрам на правом предплечье. Пуля прошла навывлет, рана стянулась быстро, но сейчас в бане плечо заныло тягучей болью, как будто в него гвоздь вогнали.

Тело было худым, скукоженным. Распаренная кожа вычерчивала красным изгибы ребер. От жары и странных, сладких мыслей затвердела... плоть, и Глеб вскочил, заходил из стороны в сторону, смахивая со лба капли пота, растирая его по телу. Наконец, не выдержав, он подошел к баку с холодной водой и нырнул в него головой. Взметнулся вверх, фыркнул. Потом набрал таз, окатил себя, шумно и часто задышал. Успокоился. Сладкие мысли ушли. Вадим, молодой сапер во взводе, говорил, что передернуть не грех, мол, саперу полезно передергивать, спокойней будет. Вадима накрыло «градом» под Дебальцево. Собирали по кускам.

Глеб залил кипятком свежий дубовый веник, еще раз окатил себя водой и вышел в предбанник. Облако пара поднималось от красного тела к потолку. Глеб достал сигареты и закурил, приоткрыв дверь. Свежий вечерний воздух погладил спину. Потом он парился до изнеможения, с силой хлестал себя веником, оставляя на

– Sennò?

– Ti strappo... il pomo d'Adamo – pronunciò con una pausa, senza rancore, e quella calma fece paura.

– Ti sei trasformato in una bestia.

Gleb non rispose. Si versò un altro bicchiere.

– A tutti... – e, senza aspettare il suocero, svuotò baldanzoso il bicchiere.

– Vedi di non sbronzarti. Non ho voglia di perder tempo con un ubriaco.

Gleb rimase di nuovo in silenzio. Solo gli occhi si illuminarono di una luce metallica, temprata nel sangue.

Nella banja spirava il calore di centomila soli, ma quel calore non agitava, bensì calmava. Solo la crocetta di rame in un attimo si arroventò e Gleb, bestemmiando, strappò in fretta la catenina. Si sedette sul ripiano, nascose il viso fra i palmi, spalmando le gocce di sudore fuoriuscite. La cicatrice sull'avambraccio destro divenne rossa. La pallottola era passata da parte a parte, la ferita si era raggrinzita in fretta, ma ora nella banja la spalla aveva cominciato a far male, di un dolore intenso, quasi vi avessero conficcato dentro un chiodo.

Il fisico era magro, incurvato. La pelle ammollata tratteggiava di rosso le curvature delle costole. Per il caldo e i pensieri strani, dolci il corpo... cominciò a indurirsi, e Gleb si sollevò di scatto, prese a camminare da una parte all'altra, scrollandosi le gocce di sudore, spalmandoselo sul corpo. Alla fine, non resistette, si accostò al recipiente con l'acqua fredda e ci tuffò dentro la testa. Si rialzò subito, sbuffò. Poi prese il catino, se lo rovesciò addosso, fece dei respiri frequenti e rumorosi. Si calmò. I pensieri dolci se ne andarono. Vadim, un giovane geniere del plotone, diceva che farsi una sega non è peccato, al geniere fa bene farsi una sega, poi sta più tranquillo. Vadim era stato centrato dalla «grandine» nei pressi di Debal'cevo. Lo avevano raccolto a pezzi.

Gleb inondò di acqua bollente la scopetta di quercia verde, si rovesciò di nuovo addosso l'acqua e uscì nell'antibagno. Una nuvola di vapore si alzò dal corpo rosso verso il soffitto. Gleb prese le sigarette e si mise a fumare, dopo aver aperto leggermente la porta. L'aria fresca della sera gli accarezzò la schiena.

Poi si ammollava col vapore fino allo sfinimento, si sferzava forte con la scopetta, lasciando sul

теле вздувшиеся багряные полосы. Выбивал из себя отчаяние, заполняя пустоты влажным дубовым духом. Это была молитва. За мертвых и живых, за Нину, за сына, за то, что все не зря, не зря...

Тесть приготовил ему чистую рубаху.

– Переоденься.

Глеб скинул маскхалат.

– Что это? – тесть указал на мелкие подсохшие нарывы на груди.

– Сигареты тушили.

Помолчали.

– Эх, парень ты, парень...

– До свадьбы заживет. – Глеб попробовал усмехнуться.

– Долго ты был... у них?

– Пятьдесят два дня.

Тесть покачал головой.

– Дядь Коля... – в голосе Глеба прорезались просящие нотки. – Есть еще выпить?

Тесть плюнул и пошел на кухню. Вышел с новой поллитрой.

– Последняя.

Брезгливо бросил стопку на стол.

– Сопьешься.

– Плевать.

Пил Глеб муторно и тяжело. Теплая водка не лезла, и он с усилием проталкивал ее внутрь, сглатывая сивушное послевкусие, заедая свежим хрустящим луком. Взгляд туманился, зарастал болотной ряской. Лопнули капилляры на глазах, белки покрылись красными трещинками.

Тесть сел в кресло, включил телевизор. На экране хорошие дядьки ловили плохих. Один долгий, затяжной сериал, имитирующий жизнь. Идет уже много лет. Меняются актеры, режиссеры, сюжет, название, а сериал все тот же: безвыходная дрянь.

corpo rigonfie strisce purpuree. Buttava fuori da sé la disperazione, riempiendo i vuoti dell'odore di quercia umida. Era una preghiera. Per i morti e i vivi, per Nina, per il figlio, perché non fosse tutto vano, tutto vano...

Il suocero gli aveva preparato una camicia pulita.

– Cambiati.

Gleb si levò la tuta mimetica.

– Questo cos'è? – il suocero indicò sul petto dei piccoli ascessi cicatrizzati.

– Sigarette spente.

Tacquero.

– Eh, ragazzo, sei un ragazzo...

– Fra poco passerà tutto. – Gleb cercò di sorridere.

– Ci sei stato tanto... da loro?

– Cinquantadue giorni.

Il suocero scosse la testa.

– Nonno Kol'... – dalla voce di Gleb emersero note di supplica. – Ce n'è ancora da bere?

Il suocero sputò e andò in cucina. Tornò con una bottiglia da mezzo litro nuova.

– L'ultima.

Gettò con disgusto il bicchierino sul tavolo.

– Diventerai un ubriacone.

– Me ne frego.

Gleb beveva cupo e con fatica. La vodka calda non andava giù e lui si sforzava di spingerla dentro, deglutendo il retrogusto di alcol non raffinato, rifacendosi la bocca con della cipolla fresca scrocchiante. Lo sguardo si annebbiava, si copriva di lenticchie d'acqua. I capillari degli occhi si rompevano, il bianco si riempiva di piccole crepe rosse.

Il suocero si sedette in poltrona, accese il televisore. Sullo schermo dei bravi signori acchiappavano i cattivi. Un lungo e duraturo telefilm che imitava la vita. Lo danno da molti anni. Cambiano gli attori, i registi, la trama, il titolo, ma il telefilm è sempre lo stesso: robbaccia senza speranza.

– È interessante? – chiese Gleb.

- Интересно? – спросил Глеб.
- Нормально.
- Ну, раз нормально, смотри.
- Я и смотрю.

Водку Глеб не допил. Уронил голову на стол и засвистел слипшимся пьяным свистом. Тесть чертыхнулся, подошел к столу и обхватил парня сзади. Поднял на ноги одним резким рывком.

- Давай, давай... Свинья...

Потащил в комнату. Глеб пьяно мычал и отмахивался.

Уложил на кровать, накрыл одеялом. Несколько минут смотрел на парня, как тот проваливается в долгожданный сон. Потом вышел на улицу позвонить.

- Алло... Нина... Знаю, что поздно. Глеб приехал... Спит... Просто звоню, чтобы знала... Передать что?.. Хорошо, как знаешь... Давай, пока.

Достал сигарету, зло чиркнул спичкой, с наслаждением затянулся.

Дома он выплеснул остатки водки в стакан, выпил тремя большими глотками. Закусил лепестками лука.

В кровати тесть долго ворочался, не мог заснуть. Полная луна прорезалась сквозь занавески, рассекая комод холодным серебряным лучом. С мудрым прищуром смотрел Ленин на этот мир. Тесть выходил покурить, возвращался, снова ложился в кровать. Сна не было. Как не было и покоя в душе.

Среди ночи Глеб заорал. Долгий звериный рев забил до отказа пространство избы, требовал выхода и рвался в небо. Глеб орал пьяно и страшно, из другого мира, который схватил его за губу и не отпускал, выкручивал.

- Что ты? Что?..

Тесть подбежал, схватил парня за плечи, затряс его, думая разбудить, но Глеб не спал. Глаза его были распахнуты. Он смотрел на тестя, не узнавал его и продолжал орать, ввинчивая в уши грязную муть, боль и что-то еще, абсолютное и нечеловеческое, засасывающее на дно.

– Abbastanza.

– Be', allora guardalo.

– Lo sto guardando.

Gleb non finì la vodka. Lasciò cadere la testa sul tavolo e iniziò a emettere fischi impastati da ubriaco. Il suocero impreccò, si avvicinò al tavolo e afferrò il ragazzo da dietro. Lo mise in piedi con un solo brusco strattone.

– Su, su... Maiale...

Lo trascinò in camera. Gleb mugolava da ubriaco e tentava di sottrarsi.

Lo stese sul letto, lo coprì con la coperta. Guardò qualche minuto il ragazzo sprofondare nell'agognato sonno. Poi uscì in strada a telefonare.

– Pronto... Nina... So che è tardi. È arrivato Gleb... Dorme... Ti ho chiamato solo per dirtelo... Cosa devo dirgli...? Va bene, come vuoi... Ti saluto.

Prese una sigaretta, sfregò rabbioso il fiammifero, fece un tiro profondo di piacere.

In casa svuotò la vodka rimasta nel bicchiere, bevve con tre grandi sorsi. Mangiucchiò i petali della cipolla.

A letto il suocero si rigirò a lungo, senza riuscire ad addormentarsi. La luna piena appariva attraverso la tenda, fendendo il comò coi freddi raggi argentati. Con gli occhi socchiusi da saggio Lenin guardava questo mondo. Il suocero uscì a fumare, tornò, si sdraiò di nuovo sul letto. Non aveva sonno. Non aveva nemmeno pace nell'animo.

Nel mezzo della notte Gleb si mise a urlare. Un lungo ruggito ferino ostruì completamente lo spazio dell'isba; reclamava un'uscita e bramava il cielo. L'urlo di Gleb era di ubriaco spavento, veniva da un altro mondo, che lo aveva afferrato per il labbro e non lo lasciava, lo torceva.

– Cosa fai? Cosa...?

Il suocero accorse, afferrò il ragazzo per le spalle, lo scosse, pensando di svegliarlo, ma Gleb non dormiva. Aveva gli occhi sbarrati. Guardava il suocero senza riconoscerlo e continuava a urlare, infilando nelle orecchie torbida fanghiglia, dolore e qualcosa d'altro, assoluto e disumano, che risucchiava sul fondo.

– Ma cosa c'è...

– Да что же это...

Старик зажал ему рот ладонью, но тут же вскрикнул и отдернул прокушенную руку. Залепил с кулака по лицу.

Глеб не чувствовал боли, продолжал орать, останавливаясь только для короткого вздоха.

– Что ж ты, парень...

Глеб сжался на кровати, подобрал ноги, как сжимаются младенцы в животе у матери, силясь спрятаться от чего-то ужасного, наступающего. Но скрыться не удалось, и он продолжал орать охрипшим горлом, не в силах вырваться из сонного морока.

И тогда тесть схватил яблоко с подоконника и запихнул ему в рот. Полетели брызги в разные стороны. Кислый вкус детства попал на язык, и этот момент узнавания вернул равновесие в мир.

Глеб подавился и зарыдал, и тесть схватил его голову и прижал к груди, принимая старческой впадинкой надкушенное яблоко. А тот вцепился в старика своими худыми узловатыми руками и прижался к нему, как ребенок, размазывая слезы и сопли, в надежде, что его погладят и защитят.

– Ну, все, все, парень, все...

Морок отступал. Тесть гладил Глеба по вихрастой голове, тот плакал ему в живот, скулил, как побитая собака, и во всем русском мире не было людей роднее.

Il vecchio gli tappò la bocca con il palmo, ma subito lanciò un grido e ritrasse la mano morsicata. Gli rifilò un pugno in faccia.

Gleb non provò dolore, continuò a urlare, fermandosi solo un attimo per respirare.

– Cos’hai, ragazzo...

Gleb si rannicchiò sul letto, con le gambe raccolte, come si rannicchiano i bambini nel ventre materno, sforzandosi di sfuggire a qualcosa di terribile, che li stava raggiungendo. Ma non riusciva a nascondersi e continuava a urlare con la gola rauca, senza la forza di svincolarsi dalle tenebre del sonno.

Allora il suocero afferrò una mela dal davanzale e gliela cacciò in bocca. Volarono spruzzi in varie direzioni. Il gusto acidulo dell’infanzia finì sulla lingua e in quel momento di riconoscimento nel mondo tornò l’equilibrio.

Gleb si strozzò e si mise a piangere, il suocero gli prese la testa e la accostò al petto, prendendo nel petto scavato la mela addentata. Ed egli si aggrappò al vecchio con le mani secche e nodose, si strinse a lui, come un bambino, spalmando lacrime e moccio, nella speranza che lo accarezzassero e proteggessero.

– È finita, è finita, ragazzo...

Le tenebre si ritrassero. Il suocero accarezzò Gleb sulla testa arruffata, questi gli piangeva nella pancia, guaiva come un cane picchiato, e in tutto il mondo russo non c’erano persone più vicine.

Отзыв о рассказе

Дмитрий Филиппов – один из постоянных участников конкурса «Радуга», причем наиболее успешных. В 2013 и 2014 годах он входил в число финалистов, и лишь минимальное количество баллов отделяло его от первого места. И вот на сей раз, в конкурсе 2015 года, он стал победителем, получив безоговорочно высокие оценки у всех экспертов.

Как и в прежних своих конкурсных произведениях, автор «Возвращения» продемонстрировал несомненное мастерство рассказчика. Через своеобразный минимализм, немногословную эстетику, точную передачу мгновенных чувств, жестов и ощущений, для которых, как говорится в самом начале, трудно подобрать соответствующие слова, через сжатую и резкую речь персонажей, нюансы меняющихся настроений, искусно подобранные бытовые детали и штрихи (запах антоновских яблок в сених дома, пустующее от снятой семейной фотографии место на стене, «сочувствующий» кот и т.д.) он сумел создать такой текст с подтекстом, который в развернутом виде мог бы вместить в себя содержание целого романа или повести. Автор описывает разностороннюю жизненную драму молодого человека, принявшего решение отправиться в зону боевых действий и вернувшегося из плена, создавшего семью и лишившегося ее из-за ухода жены к другому, пережившего гибель товарищей на войне и претерпевшего жестокие испытания в плену, но готового, как угадывается в финале, с помощью сострадания тестя, бессознательных детских ощущений и генетической памяти о родном доме вернуться к новой жизни.

На пространстве нескольких страниц Дмитрий Филиппов заставляет читателя невольно задумываться о разнообразных выборах, которые приходится делать современным людям в конфликтных поворотах истории и которые определяют их личности и судьбы.

Борис Тарасов

Nota critica

Dmitrij Filippov è fra i partecipanti più assidui e di successo al Premio Raduga. Nel 2013 e nel 2014 è stato fra i finalisti e solo una differenza minima di punteggio gli ha negato il primo posto. Ed ecco che stavolta, nell'edizione 2015, è risultato vincitore, ricevendo valutazioni altissime da parte della giuria intera.

Come nelle precedenti opere presentate al concorso, l'autore del *Ritorno* ha dimostrato indubbie doti di narratore. Attraverso il minimalismo *sui generis*, l'estetica laconica, l'abilità a trasmettere sentimenti, gesti e sensazioni molteplici – per cui, come si dice nell'*incipit*, è difficile trovare le parole esatte –, attraverso il linguaggio succinto e brusco dei personaggi, le sfumature cangianti degli umori, i dettagli e i tratti quotidiani magistralmente selezionati (il profumo della mela antonovka e il vestibolo della casa, il punto della parete vuoto per l'assenza della foto di famiglia, il gatto “compassionevole” e così via), egli è riuscito a creare un testo con il suo sottotesto in grado di accogliere agevolmente in sé il contenuto di un intero romanzo o di una *povest'*. L'autore descrive le sfaccettature del dramma nella vita di un giovane, che ha preso la decisione di recarsi in un'area teatro di azioni militari ed è tornato dalla prigionia, ha creato una famiglia e ne è stato privato a causa dell'abbandono da parte della moglie per un altro, ha patito la morte dei compagni in guerra e sopportato terribili torture durante la prigionia, ma pronto, come si intuisce nel finale, a tornare a una nuova vita con l'aiuto della compassione del suocero, delle sensazioni infantili inconsce e della memoria genetica della casa natale.

Nello spazio di poche pagine Dmitrij Filippov costringe il lettore a riflettere involontariamente sulle molteplici scelte che le persone di oggi sono obbligate a compiere fra le pieghe conflittuali della storia e che determinano la loro personalità e il loro destino.

Boris Tarasov

Биография

Дмитрий Филиппов родился в 1982 г. в городе Кириши Ленинградской области. Окончил филологический факультет Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Работал педагогом–организатором, грузчиком, продавцом, подсобным рабочим, монтажником вентиляции. Служил в армии на территории Чеченской республики с 2006 по 2008 год. Старший сапер. В настоящий момент работает в Доме молодежи «Царскосельский». Печатался в литературных журналах «Знамя», «Север», «Волга», «Нева». Лауреат премии «Альтернативная литература 2012», лонг-лист премии «Дебют» 2012 в номинации «малая проза», финалист российско–итальянской премии «Радуга 2013, 2014». Постоянный автор газет «Литературная Россия», «День литературы», «Литературная газета».

Biografia

Dmitrij Filippov è nato nel 1982 a Kiriš nella regione di Leningrado. Si è laureato alla facoltà di Lettere dell'Università Statale A.S. Puškin di San Pietroburgo. Ha lavorato come educatore e animatore culturale, scaricatore di porto, commesso, manovale, tecnico di impianti d'aerazione. Ha prestato servizio militare nella Repubblica Cecena dal 2006 al 2008. È sottufficiale del genio. Attualmente lavora nella Casa della gioventù "Carskosel'skij". Ha pubblicato sulle riviste "Znamja", "Sever", "Volga", "Neva". Vincitore del Premio Al'ternativnaja literatura 2012, *long-list* del Premio Debjut per la categoria "narrativa breve" (2012), finalista del Premio Raduga nel 2013 e nel 2014. Come autore, scrive regolarmente per i giornali "Literaturnaja Rossija", "Den' literatury" e "Literaturnaja gazeta".

Giovani traduttori italiani Молодые итальянские переводчики

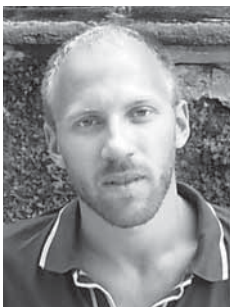
Donatella Caristina (1984) ha conseguito nel 2008 la laurea in Lingue e letterature moderne euro-americane con specializzazione in russo all'Università di Messina. Vincitrice nel 2009 del tirocinio MAE-CRUI, ha lavorato a San Pietroburgo come addetta ufficio stampa e organizzatrice di eventi al Consolato generale d'Italia. Vive a Milano e lavora per diverse case editrici. Di recente ha curato la redazione dei volumi sulla poesia russa del Novecento per la collana "Un secolo di poesia" del "Corriere della Sera".

Донателла Каристина (1984) в 2008 г. окончила Мессинский университет по специальности «Современные европейские и американские языки и литературы (русский язык и литература)». В 2009 г. выиграла конкурс, организованный МИД Италии и Конференцией ректоров итальянских университетов, получив право пройти стажировку (Генеральное консульство Италии в Санкт-Петербурге, выполняла обязанности пресс-атташе и арт-менеджера). Живет в Милане, сотрудничает с различными издательствами. Редактор томов, посвященных русской поэзии, из серии «Век поэзии» газеты «Коррьере делла Сера».

Maria De Caro è una giovane traduttrice italo-russa nata a Catanzaro nel 1986. Ha conseguito la laurea in Lingue e letterature straniere presso l'Università di Pisa nel 2010. In seguito ad alcune esperienze formative all'estero, tra cui un tirocinio all'Istituto Italiano di Cultura di San Pietroburgo, ha insegnato Russo e italiano agli stranieri presso enti privati a Pisa. Dal 2013 vive a Torino, dove si è specializzata in traduzione editoriale dall'inglese presso l'Agenzia Formativa TuttoEuropa.

Мария Де Каро родилась в Катандзаро в 1986 году. В 2010 г. окончила Пизанский университет по специальности «Иностранные языки и литературы». Прошла ряд стажировок за рубежом, в том числе в Итальянском институте культуры в Санкт-Петербурге. Преподавала русский и итальянский языки иностранцам в частных школах Пизы. С 2013 г. живет в Турине, в основном занимается переводом художественной литературы с английского, сотрудничает с Образовательным агентством «ТуттоЭуропа».

Niccolò Galmarini è nato a Erba (Como) nel 1985 e vive a Roma. È dottore di ricerca in Ittitologia. Affianca all'attività di ricerca in ambito orientalistico quella di traduttore dal russo. Nel 2013 ha tradotto il romanzo *Scimmia nera* di Zachar Prilepin per Voland Edizioni. Attualmente sta lavorando alla traduzione dell'ultimo romanzo di Prilepin, *Obitel'*.

Никколо Гальмарини родился в 1985 г. в Эрбе (Комо), живет в Риме. Обучается в аспирантуре по специальности «Хеттология». Наряду с востоковедением занимается переводами с русского. В 2013 г. перевел для издательства «Воланд» роман Захара Прилепина «Черная обезьяна». В настоящее время работает над переводом последнего романа Прилепина – «Обитель».

Francesca Mastruzzo è nata a Ragusa nel 1982. Ha studiato russo tra Lecce e Mosca, laureandosi in Traduzione letteraria. È stata corrispondente da Mosca della rivista “A” di Maria Latella, rivista per la quale ha raccontato la vita e i tic della società russa in continuo cambiamento. È editor per Mondadori, scrive di libri su “Finzioni Magazine” e collabora con “Il Venerdì di Repubblica”. Sue traduzioni dall’inglese sono apparse per Mondadori, il Saggiatore, Skirà. Questa è la sua prima traduzione dal russo a essere pubblicata.

Франческа Матруццо родилась в 1982 г. в Рагузе. Изучала русский язык в Лечче и в Москве, окончила университет по специальности «Художественный перевод». Работала в Москве корреспондентом журнала «А» (главный редактор – Мария Лателла), на страницах которого рассказывала о жизни меняющегося российского общества. Редактирует книги для издательства «Мондадори», пишет о книгах в «Финzioni Магазин», сотрудничает с журналом «Венерди» (приложении к газете «Република»).

Ее переводы с английского выходили в издательствах «Мондадори», «Иль Саджаторе», «Скира». Перевод рассказа в Литературном альманахе Премии «Радуга» – дебют в качестве переводчика с русского.

Ilaria Sicari è nata a Taurianova (Reggio Calabria) nel 1983. Nel 2012 ha conseguito la laurea in Slavistica presso l'Università Ca' Foscari di Venezia specializzandosi in Lingua e letteratura russa. Nello stesso anno ha frequentato un corso di perfezionamento *post-lauream* presso l'Università Statale di Mosca Lomonosov (MGU). Iscritta al secondo anno del dottorato in Lingue, culture e società moderne dell'ateneo veneziano, è impegnata a far conoscere le opere di Italo Calvino in Russia.

Илария Сикари родилась в 1983 году в Таурианове (Реджо-Калабрия). В 2012 году окончила Венецианский университет «Ка' Фоскари» по специальности «Славистика (русский язык и литература)». В том же году прошла курс повышения квалификации при МГУ имени М. В. Ломоносова. Аспирант второго года обучения Венецианского университета по специальности «Языки, культуры и современные общества». Тема научной работы – рецепция творчества Итало Кальвино в России.

INDICE
ОГЛАВЛЕНИЕ

- 4 Associazione Conoscere Eurasia
- 7 Istituto Letterario A.M. Gor'kij
- 9 ALMANACCO LETTERARIO 6
- 10 Antonio Fallico
Presidente dell'Associazione Conoscere Eurasia
- 13 Boris Tarasov
Professore ordinario dell'Istituto Letterario A.M. Gor'kij
Direttore del dipartimento di Letteratura straniera
- 16 Raduga
- 18 Albo d'oro del Premio Raduga
- 24 Giuria italiana
- 27 Giuria russa
- 31 GIOVANI NARRATORI ITALIANI
- 33 Jennifer Bertasini *Il circo(lo) degli inganni*
Traduzione in russo di Marina Kuličichina
- 47 Chiara Paraggio *Fotografia*
Traduzione in russo di Zabava Puzickaja
- 57 Eleonora Recalcati *Il pozzo addosso*
Traduzione in russo di Marija Gojchman

- 5 Ассоциация «Познаём Евразию»
- 6 Литературный институт имени А.М. Горького
- 9 ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ 6
- 11 Антонио Фаллико
Президент Ассоциации «Познаём Евразию»
- 12 Борис Тарасов
Профессор Литературного института имени А.М. Горького,
Заведующий кафедрой зарубежной литературы
- 17 «Радуга»
- 19 Победители и финалисты Премии «Радуга»
- 24 Итальянское жюри
- 27 Российское жюри
- 31 МОЛОДЫЕ ИТАЛЬЯНСКИЕ ПИСАТЕЛИ
- 33 Дженнифер Бертазини *Че^{РЕ}_{ХАР} да обманов*
Перевод на русский язык Марины Куличихиной
- 47 Кьяра Параджо *Фотография*
Перевод на русский язык Забавы Пузицкой
- 57 Элеонора Рекалькати *Колодец на плечах*
Перевод на русский язык Марии Гойхман

- 69 Ambra Simeone *La favola del grande scrittore*
Traduzione in russo di Natal'ja Gorbačjova
- 83 Noemi Turino *Il gioco della libertà*
Traduzione in russo di Anna Petrova
- 103 *Giovani traduttori russi*
- 109 GIOVANI NARRATORI RUSSI
- 111 Irina Bogatyrjova *Là, oltre il campo e le colline*
Traduzione in italiano di Maria De Caro
- 123 Tat'jana Il'dimirova *La dama di picche*
Traduzione in italiano di Donatella Caristina
- 139 Amalija Mokrušina *Una spaventosa faccenda*
Traduzione in italiano di Ilaria Sicari
- 155 Gala Uzrjutova *Il berretto portafortuna*
Traduzione in italiano di Francesca Mastruzzo
- 171 Dmitrij Filippov *Il ritorno*
Traduzione in italiano di Niccolò Galmarini
- 189 *Giovani traduttori italiani*

- 69 Амбра Симеоне *Сказка о великом писателе*
Перевод на русский язык Натальи Горбачевой
- 83 Ноэми Турино *Игра в свободу*
Перевод на русский язык Анны Петровой
- 103 *Молодые российские переводчики*
- 109 МОЛОДЫЕ РОССИЙСКИЕ ПИСАТЕЛИ
- 111 Ирина Богатырева *Там, за полем и за холмами*
Перевод на итальянский язык Марии Де Каро
- 123 Татьяна Ильдимирова *Пиковая дама*
Перевод на итальянский язык Донателлы Каристины
- 139 Амалия Мокрушина *Страшное дело*
Перевод на итальянский язык Иларии Сикари
- 155 Галя Узрютова *Счастливая шапка*
Перевод на итальянский язык Франчески Матруццо
- 171 Дмитрий Филиппов *Возвращение*
Перевод на итальянский язык Никколо Гальмарини
- 189 *Молодые итальянские переводчики*

Almanacco letterario 6

Conoscere Eurasia Edizioni
è stato stampato nel mese di maggio 2015
da Cierre Grafica, Quadrante Europa, via Ciro Ferrari 5,
37066 Caselle di Sommacampagna (Verona), Italia.

Литературный альманах – Выпуск 6

Издательство «Познаём Евразию»
напечатан в мае 2015 года
Чиэрре Графика, Куадранте Европа, ул. Чиро Феррари, 5,
37066 Казелле ди Соммакампанья (Верона), Италия.

федеральное агенство
по печати и массовым
коммуникациям

Литературный институт
им. А.М.Горького

con la partecipazione di

